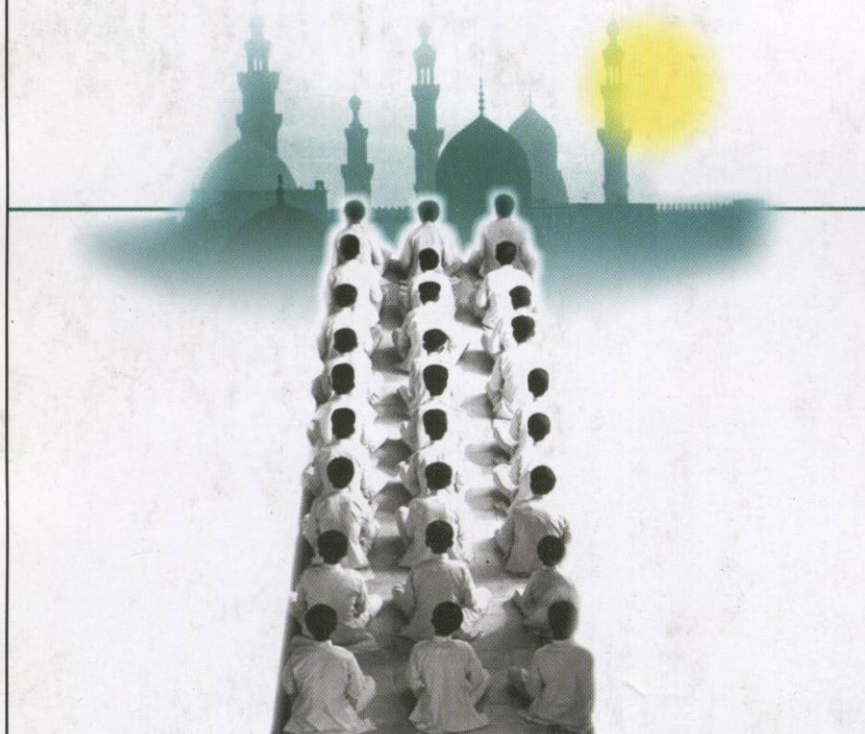

О П О Д " Е В Р А З И Я "

УГРОЗА ИСЛАМА ИЛИ УГРОЗА ИСЛАМУ?

(По итогам международной конференции)

Москва
2001

Угроза ислама или угроза исламу?

(По итогам международной конференции)

28 июня 2001 года,
“Президент-отель”
Москва

ББК 8.2
У27

У27 Угроза ислама или угроза исламу? — М.: Арктогея-центр,
2001. — 248 с.
ISBN 5-8186-0009-2

0802000000—007 без объявл.
01

Сборник выступлений и научных докладов, сделанных на международной конференции в Москве, содержит теоретические материалы, позволяющие отделить те стороны исламской религии (и политики, на ней основанной), которые соответствуют нормам духовности и человеческого общежития от экстремистских версий, приводящих на практике к террору и насилию. Даются богословское, политическое, историческое и юридическое определения таких понятий как “ваххабизм”, “талибан”, “ихванство”, “исламизм”, “исламский фундаментализм” и т.д. Излагается развернутый геополитический анализ исламского мира, подчеркивается евразийский характер традиционного ислама. Предлагается модель урегулирования чеченского кризиса на основании евразийской теории.

ISBN 5-8186-0009-2

© ОПОД “Евразия”, 2001 г.
© Издательство “Арктогея-Центр”, 2001 г.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Уважаемые участники конференции, дорогие иностранные гости, представители исламского духовенства! Приветствую вас по случаю открытия вашей конференции.

В современном мире резко повышается религиозный фактор, с которым в предыдущие десятилетия серьезно не считались. Сегодня, учитывая этот момент, необходимо понять, в какой степени он является самостоятельной реальностью, а где за ним стоят геополитические, экономические, социальные интересы.

Подъем религиозного чувства подчас сопряжен не только с положительными факторами возврата к традициям роста, национального и культурного самоуважения, но и с отрицательными, когда многие люди трактуют религию упрощенно, не познав глубин своей веры, беспартийно навязывая свои мнения другим, давая тем самым повод для вражды, конфликтов, социальных и национальных взрывов.

К сожалению, определенные перекосы в этом смысле мы видим и в исламском мире, где обращение к религиозным лозунгам и символам порой прикрывает экстремизм, нетерпимость, террористическую практику, прямое насилие. Поверхностное рассмотрение некоторых подобных фактов породило в общественном сознании стереотип "исламской угрозы", якобы исходящей от самой религиозно-политической практики ислама. Сегодня важно понять, в каких отношениях находятся два разноплановых явления - древняя исламская религиозная традиция и те крайние экстремистские формы, которые лишь для видимости прикрываются исламскими символами.

Исламский мир дружественен России. Мы видим в нем нашего важнейшего партнера по строительству справедливого многополярного мира. У нас долгая история тесных дружественных отношений - и политических, и стратегических, и экономических. Я уверен, так оно останется и впредь. Кроме того, исламский фактор для России - не только внешний, дипломатический, но и внутренний. Среди россиян мусульмане составляют значительную часть. И в подавляющем большинстве случаев они являются достойными, добропорядочными гражданами, делящими со всеми остальными общие радости и невзгоды. Тем важнее нам, людям доброй воли разных конфессий и политических убеждений, прийти к полному взаимопониманию и заведомо предотвратить саму возможность развития событий по конфликтному сценарию.

Желаю участникам конференции успешной и плодотворной работы.

 Г.И.Селезнев

*Советник Председателя Государственной Думы РФ
по международным вопросам А.И. Антропов
зачитывает послание Г.Н. Селезнева участникам конференции.*

Приветственное слово
Председателя
Государственной Думы
Геннадия Николаевича Селезнева

Уважаемые участники конференции, дорогие иностранные гости, представители исламского духовенства! Приветствую вас по случаю открытия вашей конференции. В современном мире резко повышается религиозный фактор, с которым в предыдущие десятилетия серьезно не считались. Сегодня, учитывая этот момент, необходимо понять, в какой степени он является самостоятельной реальностью, а где за ним стоят геополитические, экономические, социальные интересы.

Подъем религиозного чувства подчас сопряжен не только с положительными факторами возврата к традициям, роста национального и культурного самоуважения, но и с отрицательными, когда многие люди трактуют религию упрощенно, не познав глубин своей веры, беспартийно навязывая свои мнения другим, давая тем самым повод для вражды, конфликтов, социальных и национальных взрывов.

К сожалению, определенные перекосы в этом смысле мы видим и в исламском мире, где обращение к религиозным лозунгам и символам порой прикрывает экстремизм, нетерпимость, террористическую практику, прямое насилие. Поверхностное рассмотрение некоторых подобных фактов породило в общественном сознании стереотип "исламской угрозы", якобы исходящей от самой религиозно-политической практики ислама.

Сегодня важно понять, в каких отношениях находятся два разноплановых явления — древняя исламская религиозная традиция и те крайние экстремистские формы, которые лишь для видимости прикрываются исламскими символами.

Исламский мир дружелюбен России. Мы видим в нем нашего важнейшего партнера по строительству справедливого многополярного мира. У нас долгая история тесных дружественных отношений — и политических, и стратегических, и экономических. Я уверен, так оно останется и впредь. Кроме того, исламский фактор для России — не только внешний, дипломатический, но и внутренний. Среди россиян мусульмане составляют значительную часть. И в подавляющем большинстве случаев они являются достойными, добропорядочными гражданами, делящими со всеми остальными общие радости и невзгоды.

Тем важнее нам, людям доброй воли разных конфессий и политических убеждений, прийти к полному взаимопониманию и заведомо предотвратить саму возможность развития событий по конфликтному сценарию.

Желаю участникам конференции успешной и плодотворной работы.

Коллективная резолюция участников международной конференции "Исламская угроза или угроза исламу?"

Исламский мир многомерен и многообразен. Подавляющее большинство мусульман исповедует традиционный Ислам. Традиционный Ислам категорически отвергает "нововведения", даже если они выступают под маской "возврата к изначальной чистоте". Реформаторский пафос экстремистов типа ваххабитов, движения "таблиг", талибов чужд Исламу. Мусульманский мир по большинству параметров имеет с Россией общие стратегические интересы. И если эта позитивная тенденция будет должным образом осмыслена и закреплена, союз исламского мира с Россией позволит справиться со многими угрозами.

Часто встречающееся в современном политическом языке выражение угроза Ислама" является совершенно некорректным, оскорбляет чувства верующих и вносит элемент недоверия и отчужденности в отношения между мусульманами и представителями иных традиционных конфессий.

На самом деле, там, где сильны исламские традиции, нет межконфессиональной вражды, люди Писания защищены мусульманским законом.

Те экстремистские тенденции, которые, прикрываясь исламом, представляют угрозу человечеству, также являются угрозой для самого ислама.

Явной угрозой гармоничному развитию человечества, традиционных конфессий и национальных культур является процесс однополярной глобализации.

Этот процесс разрушает традиционный жизненный уклад, подрывает основы веры, внедряет в общество нормы и штампы, не совместимые с исламским представлением о благочестии, негативно влияет на молодое поколение, отрывая его от веры отцов, от нравственных корней.

На основании итогов проведенной конференции предлагается:

— создать евразийский комитет российско-исламского стратегического партнерства а) для координации действий в области геополитики, б) для разработки проектов по взаимодействию и укреплению связей России с мусульманским миром, с) для активизации и углубления межконфессионального православно-исламского диалога;

— привлечь к урегулированию чеченского конфликта авторитетных представителей традиционного ислама (российских и зарубежных), а также иерархов русской православной церкви, для разработки евразийского проекта мирного урегулирования;

— осудить узурпацию исламской традиции со стороны псевдоисламских сил и движений;

— осудить однополярную глобализацию как тенденцию, противоречащую интересам ислама и национальным интересам России и других евразийских государств;

— последовательно отстаивать идеалы мира, согласия и справедливости во всем мире;

— осознавая, что человечество в XXI веке находится в критической точке своей истории, мы должны сплотить наши усилия во имя спасения — оздоровления земли и исцеления души.

ИТОГОВЫЙ СПИСОК участников конференции

1. Посольства

Азербайджанская республика

Бабаев Ариф Ашраф-оглы - Атташе Посольства АР в РФ

Республика Армения

Саакян Сурен Мушегович - Чрезвычайный и Полномочный Посол РА в РФ

Оганесян Давид Арташесович - Посол по особым поручениям МИД

Шалджян Гарик Ваникович - Советник управления политического планирования МИД

Арутюнян Эдуард Вагаршакович - Советник Посольства РА в РФ

Исламское Государство Афганистан

Абдул Вахаб Ассефи - Чрезвычайный и Полномочный Посол ИГА в РФ

Гулам Сахи Гайрат - Первый Секретарь Посольства ИГА

Саил Ахмаддула Саис - Культурный Атташе ИГА в РФ

Индия

Ману Махавар Нутан Капур Махавар - Второй Секретарь Посольства Индии в РФ

Гангадхаран Баласубраманиан - Третий Секретарь Посольства Индии в РФ

Иран

Али Акбар Баба - Второй Секретарь Посольства Ирана в РФ

Республика Казахстан

Койшибаев Галымжан Тельманович - Советник-посланник Посольства РК в РФ

Кыргызская Республика

Салиев Акылбек Ленбаевич - Советник-посланник Посольства КР в РФ

Байызбеков Мирхат Орозбекович - Атташе Посольства КР в РФ

Пакистан

Ифтиххар Муршед - Чрезвычайный и Полномочный Посол Пакистана в РФ

Харитоновна Мария - Переводчик Посольства Пакистана в РФ

Баджва Г. Х. - Советник Посольства Пакистана в РФ

Хамид Адбул - Начальник канцелярии Посольства Пакистана в РФ

Республика Таджикистан

Саидов Саидбег Бойхонович - Второй Секретарь Посольства РТ в РФ

Файзуллоев Бехруз Хабибуллоевич - Третий Секретарь Посольства РТ в РФ

Республика Узбекистан

Каримов Камалхон Аббасович - Руководитель отдела внешней политики Посольства РУ в РФ, профессор

Ученые

Абдиллахи Хассан Джама - РУДН, Кафедра истории философии. Доцент.

Арунова Марианна Рубеновна - ИВ РАН, РАЕН Ведущий Научный

Сотрудник ИВ РАН. Доктор политологии

Академик РАЕН (секция геополитики и

безопасности)

Баширов Лема Ахмедович - РАГС Доцент кафедры религиоведения

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич - Институт востоковедения РАН, доктор исторических наук, заведующий отделом Среднего Востока

Волков Ярослав Валерьевич - Военный Университет доктор политических наук

Воробьев Николай Николаевич - Кандидат исторических наук, Советник Рамазана Абдулатипова

Егорова Ирина Дмитриевна - Доктор исторических наук, редактор журнала "Центральная Азия и Кавказ"

Ершова Ольга Петровна - РУДН, научный сотрудник

Журавлев Александр Васильевич - Академия ГШ Заместитель начальника научно-исследовательского Центра, кандидат военных наук, старший военный сотрудник

Заболотный Василий Митрофанович - РУДН, Кафедра Всеобщей истории, доцент, кандидат исторических наук

Ильясов Ваха Юсунович – кандидат политических наук

Клокотов Николай Павлович - Академия ГШ, кафедра стратегии, кандидат военных наук, профессор

Кулаков Олег Вячеславович - Военный Университет, кандидат исторических наук

Кузнецов Александр - МИД, сотрудник, кандидат исторических наук

Ланда Роберт Григорьевич - Институт Востоковедения РАН, доктор исторических наук, заведующий отделом сравнительно-теоретических исследований ИВ РАН, профессор

Лутовинов Владимир Ильич - Центр военно-стратегических исследований ГШ ВС РФ, Ведущий эксперт, доктор философских наук

Максименко Владимир Ильич - Институт философии РАН, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Мельков Сергей Анатольевич - Военный Университет кандидат философских наук, докторант Военного Университета

Поляков Константин Иванович - Центр стратегических и политических исследований кандидат исторических наук, эксперт

Профимчук Николай Антонович - РАГС, Заведующий кафедрой религиоведения, профессор

Романченко Юрий Григорьевич - Центр военно-стратегических исследований ГШ ВС РФ, доктор политических наук, ведущий эксперт

Роянов Николай Иванович - Академия ГШ, старший военный сотрудник НИЦ, кандидат военных наук

Рубан Лариса Семеновна - Академия Наук, профессор

Тауфик Ибрагим - Институт философии РАН, ведущий научный сотрудник
доктор философских наук, профессор

Ушков Анатолий Михайлович - Кафедра Политических Наук РУДН,
доктор философских наук, профессор

Хасанов Ахмет Жоферович - Научно-исследовательский и проектный
институт организационных решений, старший
научный сотрудник, кандидат исторических
наук

Хлюпин Виталий Николаевич - Институт стран СНГ, старший научный
сотрудник

Ярлыкапов Ахмед - Институт этнологии и антропологии РАН, кандидат
исторических наук, специалист по ваххабизму на
российском Северном Кавказе

Властные структуры и общественные организации

Абрамов Вадим Анатольевич - Руководитель Управления региональных и
общественных связей МВД РФ

Авдеев Геннадий Петрович - Руководитель Международного отдела
Управления региональных и общественных
связей МВД РФ

Алдашев Аманжол Ниязбекович – Советник Главы Администрации
Оренбургской области

Алифанов Владимир Владимирович - Начальник отдела по связям с
общественными организациями и
религиозными объединениями

Антропов Александр Иванович - Советник Председателя Федерального
Собрания Государственной Думы по
международным вопросам

Архиепископ Белгородский Иоанн - Председатель Миссионерского отдела
РПЦ МП

Банцекин Никита Борисович - Заместитель Министра по делам федерации,
национальной и миграционной политики
Министерства Федерации РФ

Барабанов Евгений Алексеевич - Начальник группы по связям с
религиозными и общественными
объединениями Управления
воспитательной работы Федеральной
пограничной службы РФ

Безродный Олег Тимофеевич - Член Политсовета ОПОД "Евразия"

Быков Алексей Иванович - МОФ "Правопорядок-Центр"

Воробьев Сергей Александрович – Президент Фонда российско-арабского
сотрудничества

Выдрина Галина Антоновна - Советник губернатора по делам
национальностей и общественных
объединений Ханты-Мансийского
Автономного округа

Гаглоев Михаил Георгиевич - Председатель правления коммерческого банка
"Темп-банк"

Герасин Леонид Александрович - Заместитель председателя
Исполнительного комитета Российской
Организации Сотрудников Право
охранительных органов

Гимаев Рагиб Насретдинович - Член Комитета Государственной Думы РФ по
делам национальностей

Горелик Александр Семенович - Директор информационного центра
Организации Объединенных Наций

Доноисян Александр Дмитриевич - Исполнительного Комитета Ассоциации
экономического взаимодействия
субъектов Российской Федерации
"Центральная Россия"

Донцов Владимир Ефремович - Сотрудник МИД РФ, доктор философских
наук

Дугин Александр Гелиевич - Лидер ОПОД "Евразия", кандидат философских
наук

Еремин Михаил Сергеевич - Заместитель начальника Академии Федеральной
пограничной службы РФ

Ефимов Эдуард Алексеевич - Исполнительный директор МОФ
"Правопорядок-Центр"

Жириновский Владимир Вольфович - Заместитель Председателя
Государственной Думы

Журавлев Рональд Андреевич - Руководитель аппарата комитета по
безопасности Государственной Думы РФ,
доктор юридических наук, профессор

Забаровский Владимир Иванович - Начальник Управления воспитательной
работы Федеральной пограничной
службы РФ

Зайпулаев Руслан - Президент кампании "ИРС аэро"

Заргишиев Мурад Расильевич - Эксперт комитета по делам общественных
объединений и религиозных организаций
Государственной Думы РФ

Зиновьев Николай Петрович - Советник Президента АКБ "Еврофинанс"

Зорин Владимир Юрьевич - Заместитель Полномочного представителя
Президента РФ в Приволжском Федеральном
округе по вопросам межнациональных,
меконфессиональных отношений

Зотов Михаил Семенович - Советник Председателя правления
коммерческого банка "Темп-банк"

Иванов Владимир Николаевич - Начальник управления воспитания и
культуры ГУ ВС РФ, полковник

о. Антоний (Ильин) - Сотрудник секретариата по взаимодействию Церкви и
общества Отдела внешних церковных сношений РПЦ

Канапьянова Раушан Мусахановна - Руководитель аппарата Комитета
Государственной Думы РФ по делам
национальностей

Касьянов Валерий Петрович - Начальник управления воспитательной работы
ВМФ, генерал-лейтенант

Кожемякин Владимир Александрович - Заместитель начальника ГУ
воспитательной работы ВС РФ,
генерал-лейтенант

Крымкин Алексей Викторович - Эксперт Лаборатории Кризисного
Мониторинга

Кудрявцев Александр Ильич - Сотрудник Администрации Президента РФ

Курбатов Александр Сергеевич - Журнал "Плацдарм"

Лебедева Татьяна Алексеевна - Директор Фонда "Содействия
Местному Самоуправлению"

Лобачев Валерий Сергеевич - Журнал "Плацдарм"

Лобачев Евгений Борисович - Исполнительного Комитета Российской
Организации Сотрудников
Правоохранительных Органов

Леонтьев Михаил - Политический обозреватель канала "ОРТ"

Мозговой Сергей Александрович - ГШ ВМФ, капитан I ранга

Наатыж Э.М. - Полномочный Представитель Республики Адыгея при
Президенте РФ

Нуруллаев Абдул Абдулагапович - Представитель Общественной
организации "Меджлис"

Павловский Алексей Викторович - академик Начальник Департамента стран
СНГ МИД РФ

Патиев Якуб Султанович - Заместитель руководителя аппарата
Правительства Республики Ингушетия

Побрызгаева Елена Владимировна - Ученый секретарь НИИ Министерства
юстиции России, кандидат юридических
наук

Поляков Вячеслав Павлович - Вице-президент Фонда содействия российско-
иранскому сотрудничеству

Попова Тамара Ильинична - Заместитель начальника Управления по делам
религии Министерства Федерации РФ

Посохов Сергей Алексеевич - Советник Президента Республики Беларусь

Прокофьев Юрий Анатольевич - Председатель Фонда "Содействия
патриотическим организациям и
движениям"

Раджабов Магомед Абдулкадырович - Председатель Исламской Партии

Самохвалов Николай Федорович - Сотрудник Управления региональных и
общественных связей МВД РФ

Силантьев Роман Анатольевич - Сотрудник секретариата по взаимодействию
Церкви и общества

Соловейчикова Анна Евгеньевна - Эксперт отдела по религиозным и национальным вопросам аппарата уполномоченного по правам человека в РФ

Сорочкин Юрий Иванович - Фонд "Единение"

Столяренко Владимир Михайлович – Президент, Председатель Правления АКБ "Еврофинанс"

Суслов Петр Евгеньевич - Председатель правления Общественного Фонда Содействия миру и сотрудничеству на Кавказе "Единение"

Ульбашев Мухарби Хусейнович - Советник Президента Кабардино-Балкарской Республики

Уткин Евгений Викторович - МОФ "Правопорядок-Центр"

Фатеев Игорь Владимирович - Начальник Управления по делам религии Министерства Федерации РФ

Хайруллин Марат Камилевич - Председатель Исполкома общественной организации "Меджлис"

Цветкова Анна Юрьевна - Советник Полномочного представителя Президента РФ в Сибирском Федеральном округе

Шогенов Мухамед Маевич - Постоянный Представитель Кабардино-Балкарской Республики при Президенте РФ

Энгельгардт Георгий Николаевич - Эксперт Лаборатории Кризисного Мониторинга

Ямбаев Гаяс Алиевич - Руководитель отдела по связям с общественными объединениями общественной организации "Меджлис"

Яндиева Марьям Джамалдиновна – Помощник Представителя Республики Ингушетия при Президенте РФ

Яруллин Вафа - Заместитель Председателя Исламской Партии, имам города Коврова

Представители муфтиятов

Председатель Ц.Д.У.М. Верховный Муфтий России и Европейских стран СНГ Талгат-хазрат Гаджуддин (ЦДУМ)

Помощник Верховного Муфтия России Валеев Растам Самигуллович (ЦДУМ)

Айзатуллин Зяки — хазрат, муфтий (РДУМ Республика Мордовия)

Альмухаметов Рашид — хазрат, муфтий (РДУМ Волгоградской области)

Бикмаев Джагфар — хазрат, муфтий (РДУМ ростовской области)

Велитов Махмут — хазрат, муфтий (РДУМ московской области)

Воронцевич Исмаил Михайлович — председатель (Исламское общество Белоруссии)

Ильязов Назымбек — хазрат, муфтий (РДУМ Астраханской области)

Камалуддин Габдельнур — хазрат, муфтий (РДУМ Кировской области (Вятский муфтият))

Крганов Альбир — хазрат, муфтий (РДУМ Чувашской республики)

Мухамедшин Габдулла — хазрат, муфтий (РДУМ Республики Удмуртия)

Пончаев Джагфар — хазрат, муфтий (РДУМ Северо-Западного региона России)

Сайдуллин Сибгатулла — хазрат, муфтий (РДУМ Свердловской области)

Салимгареев Фанус — хазрат, муфтий (РДУМ Республики Марий-Эл)

Саматов Тагир — хазрат, муфтий (РДУМ Ханты-Мансийского Автономного округа (Западной Сибири))

Хайдаров Фарид Адиевич, муфтий (РДУМ Республики Татарстан)

Хайруллин Габдульбарий -хазрат, муфтий (РДУМ Оренбургской области)

Хузин Мухаммадгалий -хазрат, муфтий (РДУМ Пермской области)

Шакаев Габдулла - хазрат, муфтий (РДУМ Челябинской и Курганской областей)

Шакирзянов Зулькарнай -хазрат, муфтий (РДУМ Сибири)

Шевырева Руфия Мубаряковна, председатель (РДУМ Республики Латвии)

Юнкин Адельша — хазрат, муфтий (РДУМ Пензенской области)

Яруллин Вагиз — хазрат, муфтий (РДУМ Самарской области)

Муфтии Северного Кавказа

Албогачиев Магомед — хазрат (Председатель ДУМ Ингушетии, Председатель КСМСК)

Бердиев Исмаил — хазрат (ДУМ Карачаево-Черкессии)

Шамаев Ахмед Хаджи (ДУМ Чечни)

*Выступление Шейх-уль-Ислама
Талгата Таджуддина, Верховного Муфтия России
и Европейских стран СНГ, Председателя ЦДУМ*

Исламский экстремизм: история и роль в современном мире

*Во имя Всевышнего Творца,
Всемилоостивого
и Милосердного.*

1. Экстремистские ереси в истории ислама

Исламская традиция имеет многовековую историю. Эта история имела разные этапы. Мир ислама многообразен и развивался динамично. Иногда не без противоречий. Мы знаем, что с самого начала были противостояния между шиитами и хариджитами. Много было богословских споров. Разделились и сами шииты, как это исторически происходило среди последователей других конфессий.

Постепенно в исламской традиции установилось 4 мазхаба, богословских школ. Они-то и представляют собой традиционный ислам.

Исторически традиционный ислам был открыт для других культурных и духовных обычаев, почитал авраамические — иудаизм и христианство, воспринимал традиции других народов, облагораживая их верой в Единого Творца.

Каноническим выражением ислама стали суфийские тарикаты, братства, мистические ордена.

Но иногда на периферии мира возникали еретические движения, секты. Они находились за пределами традиционных мазхабов, выдвигали религиозные и политические тезисы, уводящие от традиционного ислама на недопустимое критическое расстояние. Таковы были фатимидский халифат, махдитские восстания и другие явления. Ересь в исламском мире иногда возникала и, как правило, эта ересь приобретала формы насильственной, террористической практики. Налицо был отказ от традиционных мазхабов, выход за грань ортодоксального ислама. Это было новаторство, проявление гордыни, которая толкала вождей-фанатиков отрицать исламские нормы, прикрываясь верностью изначальному исламу, на самом деле введение новшеств в истинную религию.

На практике это сопровождалось фанатизмом, религиозной нетерпимостью, принуждением, жестокостью. Фанатизм, нетерпимость и принуждение в вере — это уже сами по себе отличительные признаки разрыва с исламом, с нашей традицией Пророка Мухаммада (а.с.с), ведь Священный Коран настаивает: "Нет принуждения в вере", и это — сподвижникам Пророка об их взрослых детях, принявших христианство прежде того, как их родители приняли Ислам. Он призывает людей опираться не на невежество и фанатизм, но на взвешенное и разумное осмысление мира, созданного Всевышним Творцом и исполненного Его знамений. "Разве будут равны те, кто знает, и те, которые

не знают?" "Может, вы уразумете!" (Коран) Эти исторические ереси, прибегавшие к экстремизму и насилию, неверно отождествлять с исламом, как неверно отождествлять изуверские секты, хлыстов, скопцов или "Белое Братство" с гуманной и чистой Верой, которую проповедовал Гийса, Алехис-Салям, Иисус Христос.

В исламе, правда, религия более тесно связана с политикой, чем в христианстве. Но эта связь основана на необходимости соблюдать для мусульман общеобязательные нормы морали. Это связь нравственная и моральная. Ведь само слово "ислам" означает покорность воле Всевышнего то, что православные называют "благочестием".

Когда происходит попытка искажения ислама, когда в него проникает ересь, это, увы, сказывается и в политике. Если на месте морали и благочестия, гуманности и созидания становятся еретические идеи фанатизма, насилия и утверждения своей версии толкования веры любой ценой, это порождает политические движения террористического, человеконенавистнического толка. Некоторые исследователи называют это "исламизмом" в отличие от ислама. Ислам — это божественное продолжение веры от Адама и Евы, основанный на Коране и Сунне Пророка Мухаммада (а.с.с), ортодоксия и в религиозном, и в политическом смысле. "Исламизм" — это искусственное понятие, означающее лишь внешнее использование исламских лозунгов для прикрытия еретических, сектантских целей. "Исламизм" — это не только не ислам, это отрицание ислама, отрицание его духовной, традиционной сущности. В каком-то смысле, это новаторство еще более беспочвенное и опасное, нежели т. н. "исламский модернизм" или "исламский социализм". Лишь только на первый взгляд кажется, что "исламизм" является "фундаментализмом" и противостоит "нововведениям", "модернизации" ислама. На самом деле это две стороны одного и того же процесса, который сводится к попыткам разрушения изнутри истинного традиционного ислама, который был изначально и существует сейчас, объединяя всех мусульман на основе Корана и Сунны, следующих общепринятым мазхабам. Это и попытки противопоставления мусульман России другим традиционным конфессиям, и привнесение раскола и брожения в их среду.

2. Современный экстремизм под исламской личиной

В современном мире также есть такие привнесения ереси в ислам, которые противоречат нашей вере и по букве, и по духу; и в теории, и на практике.

Для внешнего взгляда эта подделка под ислам трудноразличима. Она сатанински рядится в тогу ислама, использует его символы. Но по духу не имеет ничего общего с истинным божественным исламом.

Таковыми радикальными учениями на практике являются: доктрина "братьев-мусульман" Хасана аль-Банны, ваххабизм, салафизм, пакистанская секта Таблиг, давшая начало движению Галибан, другие аналогичные явления.

Эти явления — богословская ересь, они вносят в традиционный ислам нововведения не меньшие, чем т.н. "исламские модернисты". Они утверждают, что все существующие формы ислама ложные, и только их

учение, настаивающее на буквальном исполнении предписаний их вождей, является истиной в последней инстанции.

Шейх-уль-Ислам Талгат Таджуддин, Верховный Муфтий России и Европейских стран СНГ, Председатель ЦДУМ.

В центре: Шейх-уль-Ислам Талгат Таджуддин; крайний слева: муфтий Духовного Управления Мусульман Республики Татарстан Фарид Салман Хайдаров.

Дух разумного выбора, личного достоинства человека, непринуждение к вере, уважение к людям "Писания" и всем остальным начисто отсутствует в этих движениях, которые можно назвать тоталитарными сектами псевдоисламского образца.

Меняется у них и социальное значение исламского мировоззрения. Это не просто "политизированный ислам", считать так — ошибочно, это "политизированная ересь". Ислам не настаивает на том, чтобы все мусульмане в обязательном порядке придерживались определенных правил морали, этики, поведения, руководствовались в своей личной и общественной жизни религиозными установлениями традиционного ислама. Экстремистские фанатики меняют эту вполне традиционную установку на обязательность благочестия, на совершенно иную модель: они требуют буквального соблюдения своих собственных, выдуманных ими правил, и призывают подвергать всех, кто им не подчиняется, насилию.

Каждый исламский термин подвергается в их случае извращению. В исламе есть понятие "джихада", "священной войны". В первую очередь под этим понимают "аль-джихад-уль-кабир", Великую Войну, которую каждый верующий мусульманин должен вести внутри самого себя против своих пороков, невежества и зла. "Малая священная война" ("аль-джихад-уль-сагир") ведется против тех, кто несет в мир насилие и зло, кто отрицает веру и истину, насаждает ложь, жестокость и нетерпимость, кто стремится противопоставить народы, лишить их свободы. Примером настоящего джихада была для мусульман Великая Отечественная война, война против нацистских оккупантов. И первым знамя Победы над рейхстагом водрузил мусульманин-россиянин из Башкортостана, и это несмотря на 14,5 тысяч разрушенных в годы культа личности Сталина мечетей. Ибо из века в век правоверные мусульмане делили радости и невзгоды Отчизны — Великой России со своими православными братьями-соотечественниками.

Джихад — это всегда война против зла, насилия. Сектанты-фанатики полностью переворачивают это понятие, объявляя т.н. "джихад" против всех, кто с ними не согласен, а значит, против всего мира. Это уже не имеет к исламу вообще никакого отношения. Насилие в исламе позволено применять только в крайнем случае и только против тех, кто наглядно доказал свои злые намерения, кто является агрессором, насильником, убийцей. Во всех остальных случаях шариат призывает к терпимости и увещанию. В случае экстремистов — это совершенно не так. Насилие здесь становится основным законом, насилием против своих, против чужих, против вообще всех.

Сами того не замечая, т.н. "исламисты" призывают на свою собственную голову истинный джихад. Бросая вызов всем народам Земли, и в первую очередь традиционному исламу, который исповедует подавляющее большинство исламского мира, эти силы противопоставляют себя исламу. И противодействие им является религиозным, моральным и социально-политическим долгом каждого мусульманина.

Увы, в некоторых исламских странах — в частности, в Саудовской Аравии, и к представителям этого течения относятся терпимо, если не сказать больше. Тем самым создается прецедент терпимости, а то и потворства этим настроениям, которые в нестабильных, кризисных регионах исламского мира приводят к преступным последствиям — к вспышкам терроризма, насилия, а то и к полномасштабной войне и даже к геноциду. Отклонение от традиций истинного ислама в теоретических вопросах обязательно приводит к таким разрушительным последствиям.

Следует однозначно сказать: отход от традиционного ислама, от основ нашей веры, стремление по-своему перетолковать положения Корана и Сунны, исказить смысл законов шариата в угоду агрессивному экстремистскому меньшинству еще более опасно, нежели процессы модернизации ислама. Стремясь защитить ислам от проникновения неисламских факторов, исламисты сами уходят от ислама, порывают с традицией, следуют за палящей гордыней, которая всегда была главным инструментом Иблиса-дьявола. Талибы взорвали древние статуи Будд. Тем самым они не только осквернили святыни многих народов мира, исповедующих буддизм, не

только лишили человечество уникальных памятников древней культуры они еще поставили себя превыше своих предков и миллионов мусульман, которые жили на территории Афганистана веками и чьи духовные подвиги и достижения ни в какое сравнение не идут с агрессивным, полуграмотным, маниакально самолюбивым сбродом, составляющим ядро талибов. Но и нарушили запрет Аллаха, ибо поклоняющиеся им будут оскорблять Всевышнего Аллаха, а грех этого возложится на тех, кто на священных землях, где ступала пята посланника Аллаха и его сподвижников, стал причиной этого богохульства. И не они ли под лозунгом "защиты" ислама направляют тонны и тонны наркотиков в Россию, СНГ, и далее, радуясь тому, что растлевают врага. Но ведь согласно исламу все люди с начала ниспослания Корана являются "Умматут-да'ва" — общиной призыва, даже не уверовавшие.

Поэтому-то экстремистские фанатики-салафиты и ваххабиты взрывают могилы исламских святых, мазары — и в Афганистане, и в Дагестане, и в Чечне, и в Таджикистане. Святость предков для них ничто — это живой укор. Агрессивному разрушению подвергают фанатики не только религиозные атрибуты других конфессий, но и сами исламские святыни. И как можно говорить об исламской угрозе? Ведь весь мир наполняют героином не только из Афганистана, но из Южной Америки и Юго-Восточной Азии. Так кто же режиссер?

Угроза действительно есть, но она исходит не из ислама, а из совершенно иных источников, и угроза эта страшна именно для самих мусульман, ибо представляется всему миру под именем ислама.

Объясню, почему:

— фанатики-экстремисты ваххабитского толка привлекают своей харизмой молодые неокрепшие души, стремящиеся к подвигу и горячей вере, их соблазняет жаркая пропаганда, упрощенные примитивные концепции, материальные субсидии проповедников и т.н. центров. Так мы, мусульмане, теряем своих лучших людей — молодежь, которая гибнет в тенетах Иблиса;

— эти силы, выступая якобы под нашими лозунгами и знаменами, на самом деле дискредитируют ислам как таковой, заставляют немусульман относиться к мусульманам с недоверием и опаской, бросают тень на всех мусульман, препятствуют активному сотрудничеству с другими народами;

— они извращают суть нашей веры, подменяют чистую традицию, высокое богословие, духовные ритуалы наскоро слепленными суррогатами, примитивными предписаниями, слепым следованием за главарями.

Другим конфессиям проще — они видят эту угрозу извне. Такую угрозу можно изолировать, отгородиться, подавить, в конце концов, силовыми методами. К нам, мусульманам, эта страшная болезнь попадает и вовнутрь. Поэтому именно мы должны быть в авангарде борьбы с экстремистскими псевдо-исламскими течениями и стать преградой человеконенавистническим планам международного наркобизнеса и других благожелательных спонсоров "священной войны". Пресекая заразу в корне, не дожидаясь, пока ваххабиты объявят ту или иную зону подконтрольной только им территорией, развяжут в полной мере террор, насилие, пустят кровь. Этим тенденциям

необходимо противодействовать и на теоретическом уровне, в зародыше, не допуская в наши мечети и на наши книжные полки экстремистской пропаганды — не только откровенной, но и завуалированной. Даже в самой идее т.н. "чистого ислама", "салафизма", в идее ваххабизма и других аналогичных течений уже скрыта попытка глубокой порчи ислама. Отрицая традиционный ислам, призывая его к радикальному реформированию, салафиты и ваххабиты нарушают тонкий баланс исламской традиции между духовным и светским, формальным и внутренним. А террористическая деятельность — это только прямое следствие.

Если мы хотим справиться с этой угрозой, мы должны противостоять ей в зародыше.

3. Роль традиционного ислама в урегулировании кавказского кризиса

Ситуация в Чечне является результатом многих факторов. Здесь и социальные, и исторические, и национальные, и культурные, и психологические. Конфликт имеет долгую историю и на разных этапах формулировался по-разному. Следует заметить, что собственно исламский элемент вышел на первый план в Чечне довольно поздно, когда конфликт был в полном разгаре.

Тем не менее именно вмешательство воинствующего еретического исламизма, активизация псевдоисламских экстремистских сект ваххабитского толка, придала всей ситуации столь драматический, кровавый характер, создала ситуацию фактически гражданской войны на Кавказе.

Ваххабиты и салафиты привнесли в сложную чеченскую ситуацию фактор фанатизма и экстремизма, образовали самостоятельный полюс, который с определенного момента времени стал самостоятельным и неугасимым источником кровавого военного конфликта.

Именно за счет ваххабитского влияния Чечня стала центром притяжения для самых фанатичных и еретических псевдоисламских группировок. И когда ситуация стала более или менее стабилизироваться, именно этот ваххабитский полюс был ответствен за новый всплеск эскалации насилия, за агрессию против Дагестана. Ваххабизм и салафизм совершенно чужды традиционному чеченскому исламу, который, напротив, отличается верностью традициям предков, культом вирдов, повсеместным распространением суфийских братств, тейповой организацией общества. Все это несовместимо с ваххабизмом, и именно против этого традиционного чеченского ислама была направлена агрессия тех, кто встал во главе вооруженного сопротивления. В данном случае экстремисты сделали правильный (для себя) вывод: без уничтожения традиционного ислама в Чечне подчинить этот народ своей воле, сделать его пешкой в сложной геополитической игре будет невозможно. Мы видим символический факт: главой равнинной Чечни стал представитель мусульманского духовенства, муфтий Ахмад Кадыров, осознавший, что от ваххабитского экстремизма исходит угроза самому исламу в Чечне и что Россия выступает в данном случае не противником ислама, а его союзником. И Россия подтвердила это на практике, сделав Главу чеченских мусульман первым лицом в Чеченской Республике.

Но и Горная Чечня, сегодня продолжающая военные действия против федеральных сил, тоже лишь поверхностно захвачена ваххабизмом. Большинство населения, и даже вооруженных отрядов, принадлежит к традиционному исламу. Теперь их очередь осознать угрозу, которую несет в себе политизированная ересь, эта тоталитарная секта — со своими многонациональными наемниками и международными террористическими группировками — народу Чечни. Все больше мусульман осознают, в какую ловушку они попались. Задача всех российских мусульман, как ЦДУМ, так и Координационного центра ДУМ Северного Кавказа, и шире — всех мусульман СНГ и зарубежных исламских стран, где большинство исповедует традиционный ислам, помочь в урегулировании этого кровотокающего конфликта, в установлении мира и согласия. Наш братский мусульманский чеченский народ, традиционно исповедующий нашу Веру, стал жертвой тоталитарной секты, его кровь продолжает литься.

Как тут можно говорить об угрозе ислама, когда жертвами экстремистов под исламскими знаменами становятся преимущественно сами мусульмане, в данном случае чеченцы!? Интернациональные наемники повоюют и уедут восвояси, а что делать людям, которые веками живут на чеченской земле и хотят жить на ней еще века и века? Мы, мусульмане, не можем оставаться равнодушными в этом вопросе. Вера наша — ислам — требует, чтобы мы активно приняли участие в урегулировании конфликта, тем более есть уже очень правильное, на мой взгляд, решение этого конфликта — евразийское решение. Смысл его в том, чтобы предоставить чеченскому народу большую степень культурной, этнической, духовной и даже правовой автономии в составе единого Евразийского Государства — России. Каждая сторона достигнет своей цели, но больше всего выиграет от этого исламский мир, умма, в котором Россия покажет всему миру истинное, светлое и гуманное лицо ислама — покорность Всевышнему Создателю, полного любви к Богу и Его созданиям; ислама глубокого и изначального, приходящего на помощь тогда, когда искажают его смысл, извращают традицию, превращают религию в ересь и подменяют истинное содержание ложным здесь, в России, на земле нашей Отчизны, житнице нашего вечного бытия. "Государство в неоплатном долгу перед вами", — заявил Президент В.В.Путин совсем недавно во время встречи с Президиумом ЦДУМ России в Уфимской Соборной мечети "Ляля-Тюльпан". Но мы, мусульмане России, не из Африки, здесь наша Родина. Мира и согласия на ее святой земле и процветания желаем и молим об этом Всевышнего Аллаха. В остальном, инша Аллах, сочтемся — мы свои. Угроза псевдоислама или "исламизма" — это угроза в первую очередь самому исламу, и наш долг мужественно, как и подобает истинным мусульманам, ответить на эту угрозу. Вместе с Россией, вместе с Евразией, вместе со всеми людьми доброй воли мы заявляем: ислам — не угроза, а предложение выбора истины.

Самое действенное средство против ложного ислама — ислам истинный.

Аллаху акбар! Слава Всевышнему Аллаху, Создателю миров, и нет вражде, кроме как к тем, кто преступает черту дозволенного и сеет ненависть, злобу и насилие.

*Выступление
лидера чеченской межтайповой ассоциации
"Нохчи Аатта Ислам" Хож-Ахмеда Нухаева*

Исламская традиция и "Новый мировой порядок"

Бисмиллахиррахъманиррахъим!

Впервые в мировой истории на нашей планете появилась сверхмощная сила, которая открыто провозглашает свою цель — подчинить все народы земли Новому Мировому Порядку. Бомбардировки Западом Ирака и Сербии, а до этого Ливии, помпезно-самоуверенный юбилей НАТО, расширяющегося на Восток, еще раз продемонстрировали всем, что построение этого Порядка, подготовленное закулисными архитекторами глобализма, сегодня уже идет полным ходом. Никогда прежде консолидация транснационального капитала и стран Запада вокруг США не была такой мощной и тесной, никогда прежде США настолько открыто и жестко не требовали от всех членов ООН признания себя в роли мирового жандарма, никогда прежде рынки товаров, услуг, финансов и информации в Северной Америке, Западной Европе и Юго-Восточной Азии, и рынки рабочей силы, сырья и энергоносителей в Евразии, на Ближнем Востоке, в Африке и Южной Америке не были настолько интегрированы и взаимосвязаны, никогда прежде технократическая, светская, потребительская цивилизация "моря" до такой степени не доминировала над локальными народными культурами "суши", не несла столь явно выраженной угрозы *сохраняющимся еще в "горах" очагам теократического "варварства"*. Словом - никогда прежде проект открытого гражданского общества не был так близок к завершению в глобальных масштабах как сегодня. Мы видим теперь, что силы глобализма, бесспорно, обладают и всеми необходимыми ресурсами (материально-техническими, идеологически-пропагандистскими, политическими, военными и пр.) для реализации своих геостратегических целей, и необходимой волей их реализации, что в равной степени угрожает независимости и самобытности всех народов. Нависшая над миром тень глобализма, который по сути является новейшей формой нигилизма или, по-другому, программного индивидуализма, давно перестала быть просто сверхмодной темой либерально-прогрессивных публикаций, а выросла в реальную, системную угрозу всему естественному, всему национальному — всему *живому*.

В чем конкретно проявляет себя эта угроза? В том, что силы глобализма пытаются подорвать и свести на нет сакральные традиции народов (религию и обычаи), создающие устойчивость и предсказуемость социальной жизни. Наличие традиций — главное препятствие на пути модернизма, экспансии потребительских, лишенных всякого духовного содержания ценностей, которые насаждает Запад. Отсюда для всех противников Нового Мирового Порядка проистекает простая, но самая эффективная стратегия сопротивления глобализму — возрождение Традиции. Последовательное осознание, изложение и исполнение этой стратегии заставляет нас, участников этой конференции и наших единомышленников во всем мире, совершенно по новому взглянуть на весь комплекс существующих в мире проблем — прежде всего, на проблему российско-чеченских отношений, и

совершенно по новому определить наших "друзей" и "врагов" и более точные критерии различения одних и других. Чтобы четко понимать, кто для нас в современном мире "свой" ("мы и наши союзники"), а кто "чужие" ("они и их союзники") и по каким признакам классифицировать "кто есть кто", то есть как установить один критерий истины, признаваемой всеми "своими", предлагаю начать с трех принципиально важных предпосылок: - Во-первых, кто мы, кто наши союзники и где наша общая точка отсчета? Исходя из того, что Евразия — это прародина всего человечества, и что сакральный центр Евразии — это Кавказ, где нашли спасение пророк Ной (а.с.с.) и его спутники, от которых берут начало все народы, единой для нас и наших союзников точкой отсчета, архетипичным Центром Мира, надо определить родину пророка Ноя (а.с.с.) — Горы (Кавказ). Исходя из того, что Горы и ориентированная на Горы Суша — это естественные союзники, живущие в закрытой системе, по отношению к которой Море исторически является враждебным фактором, открытой антисистемой, категория "*мы и наши союзники*" должна охватывать всех, кто по своему образу жизни и ценностной ориентации придерживаются центростремительного курса. Следовательно, *наше* противодействие политике глобализма должно ориентироваться на традиционные цели (ценности) и традиционные средства (теория) и положительно оценивать только такие результаты (практика), которые по всем критериям соответствуют избранным нами целям и средствам. Очевидно, что такую тройную проверку на соответствие принципам центростремительности в рамках *нашей* закрытой системы выдержат только сторонники первоначальных, традиционных ценностей;

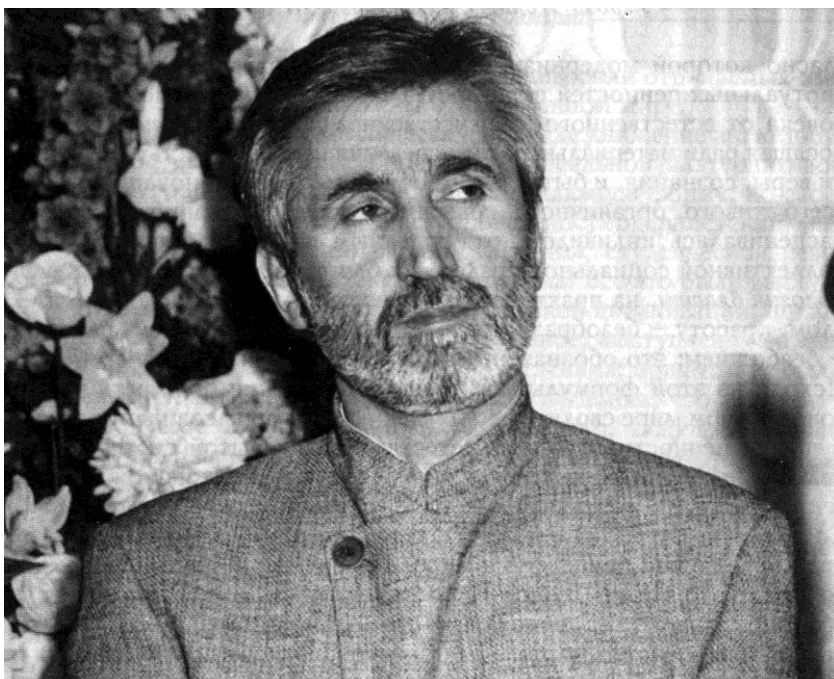
- во-вторых, кто наши враги, то есть кто они и кто их союзники? Носителями глобализма, его авангардом в современном мире, являются ведущие постиндустриальные государства, объединенные в "морских" структурах таких как НАТО, Большая семерка, ЕС и их системные подразделения, сориентированные на беспредельную экономическую экспансию, которые утилитарные ценности капитализма возвысили до уровня "общечеловеческих ценностей", определяющих с их точки зрения "цивилизованный мир", "мировое сообщество", "свободу и демократию". Исходя из своей "морской" логики и технократических принципов программного материализма, субъекты Нового Мирового Порядка обозначим всех отрицающих их божества и ценности, всех желающих сохранить свою независимость и национальную самобытность, всех верующих в абсолютный суверенитет Единого Бога названиями "изгоев", "фанатиков", "варваров", "врагов свободы и демократии" и, демонизировав их таким образом в глазах цивилизованного мира, готовятся к их систематичному выявлению, изолированию и уничтожению под предлогом борьбы с международным терроризмом, во имя защиты общего блага всего человечества. Это поклонники культа "золотого тельца". Это они и их союзники — "чужие".

- в-третьих, осознавая, что глобализм — это продукт западной цивилизации, а западная цивилизация — это продукт модернизации естественного общинного порядка, который, пройдя через промежуточную стадию коллективизма, неизбежно завершается торжеством индивидуализма, в

рабочем порядке можно вывести формулу, со гласно которой модернизм — это *культ*, оправдывающий во имя виртуальных ценностей переворот аксиологической ориентации человека от естественного к искусственному; это *идеология*, превозносящая ради материального преуспевания необходимость перестройки веры, сознания, и бытия таким образом, чтобы инновация, порча всего живого, органичного, совершенного, традиционного, святого расценивалась индивидом, отчужденным от своей общинной или коллективной социальной среды, как благо; это *политическая технология власти*, на практике подменяющая истину ложью, добро - злом, красоту — безобразием, справедливость — насилием, религию — безбожием; это обозначение новых вещей новыми именами. Исходя из этой формулы, критерии определения "кто есть кто" в современном мире сводятся к выявлению факторов созидания и разрушения ценностного базиса естественной закрытой системы. Выявление этих факторов требует определения их местонахождения и векторности их передвижений на "аксиологической карте мира". Составление этой "карты" требует различения — по нисходящей — трех источников ценностей в мире. Первичный и центральный источник — это Горы. Ценности, производные от Гор — это религия, традиция, варварство, социальная статика, почитание "детьми" "отцов" и верховенство "отцов" над "детьми", алгоритм общинности в образе жизни (расширенная патриархальная семья, кровнородственная община, род, племя, родоплеменная нация, конфедерация народов), парадигма системной закрытости. Ценности, производные от вторичного источника, Суши — это философия, история, культура, локальная социальная динамика, конфликт "отцов" и "детей", алгоритм коллективизма в образе жизни (узкая гражданская семья, деревня, город, историческая нация, национальное государство, многонациональная империя, ООН), парадигма системной неопределенности. Ценности, производные от третичного источника, Моря — это политика, повседневность, цивилизация, глобальная социальная динамика, торжество "детей" над "отцами" и следование "отцов" за "детьми", алгоритм индивидуализма в образе жизни (бесплодная, виртуальная "семья", порт, виртуальная "нация", транснациональное государство, НАТО), парадигма системной открытости. Следовательно, по отношению к первичной закрытой системе индивидуализм — это центробежная разрушительная сила, а коллективизм, стремящийся к общинности, и общинность, стремящаяся к воспроизводству, — это в рамках этой системы созидательные силы. Таким образом мы получаем аксиологически последовательный, понятный, объективный и независимый от политической конъюнктуры метод различения наших союзников ("своих") и врагов ("чужих"), позволяющий оценивать их с позиций признаваемых или отрицаемых ими *ценностей*. Это критерий истины в современном мире. С этой точки зрения усиливающееся на Западе движение антиглобализма не является и не может являться реальной альтернативой глобализму, так как, несмотря на его радикальную форму, по своему содержанию это движение всего лишь постмодернистский диссидентский "бунт", эхо контркультуры хиппи, студенческой революции 1968 года и популистского экологизма. Все

это были выступления против циничных форм потребительской цивилизации, подавляющей все живое, органичное и естественное, выступления во имя защиты индивидуализма от всемогущего этатизма; при этом не были выявлены причины самой болезни, никто не понял, что этатизм — это неизбежное следствие индивидуализма, что, защищая индивида, "бунтари" защищают государство и неотъемлемые от него технологии производства новых элит власти, новых вещей, новых знаковых систем, новой идентичности. Следовательно, продуктом движения антиглобализма в случае его успеха рано или поздно будет вторичный глобализм.

Лидер чеченской межтайповой ассоциации «Нохчи Латта Ислам»

Второй слева: Хож-Ахмед Нухаев; третий слева: председатель правления Общественного Фонда Содействия миру и сотрудничеству на Кавказе «Единение» Петр Евгеньевич Суслов.

Сказанное относится и к более влиятельным — государственным — центрам антизападничества в современном мире, таким, как Иран, Ирак, Ливия, Судан, Куба, Китай, Северная Корея. Разумеется, то же самое можно сказать и в отношении некоторых других государств, возникших на развалинах СССР, таких как Россия, Белоруссия и т.д. На идеологическом уровне режимы власти этих государств выступают с антизападных, антиамериканских позиций. Но на мета-идеологическом уровне основных

ценностей они — такие же "американцы", так как являются сторонниками модернизма, культа золотого тельца, а это неизбежно приводит к практике подчинения религии — политике, экологии — экономике, деревни — городу, человека государству и пр., что делает эти режимы агентами Западной цивилизации, а, следовательно, и глобализма, хотя, конечно, они этого не осознают. Ведь модернизм и есть главная "ценность" глобализма, его основной "двигатель", его системное содержание. И содержание это, в конечном счете, не становится менее губительным для человека и его окружающей среды, если облечь его в религиозную, коммунистическую, социалистическую или фашистскую форму, хотя, в зависимости от этой формы и ее соответствия данному этапу исторического развития, меняется скорость движения общества по пути социального и технологического модернизма. То же самое можно сказать и об идее "исламского государства", провозглашенной некоторыми радикально настроенными исламистскими движениями. Отрицая светские, секуляризованные модели общественной жизни в пользу модели шариатской, религиозной, эти движения добиваются трансформации существующих в мусульманском мире различных типов государств в универсальный тип "исламского государства", то есть сохраняется политическая форма организации общества, несмотря на то, что она и является главным проводником модернизма. А это значит, что население "исламского государства" обречено на деисламизацию, так как любое общество является религиозным или секуляризованным в зависимости от тех законов, которыми оно руководствуется: религиозное общество живет по законам Божиим, а секуляризованное — по светским законам, базой которых являются политические и экономические интересы государства. И здесь уместно поставить простой вопрос: а может ли государство *в принципе* быть исламским? Ответ на этот вопрос будет особенно наглядным на примере современных "исламских государств", в частности, Ирана.

"Исламская революция" в Иране прошла под лозунгом безусловной приоритетности в жизни общества религиозных законов, которые были призваны стать законами государства. Государство, объявленное защитником исламского образа жизни, чтобы успешно выполнять эту функцию, должно было быть сильным. Сила государства имеет свое конкретное выражение в военно-технической и экономической мощи. То есть, сильное государство — это передовые технологии, экономическое процветание, устойчивая финансовая система, преобладание экспорта наукоемких товаров над импортом и т.д. Но эти условия, на которых зиждется государственная мощь, могут быть реализованы только в том случае, если "исламское государство" интегрируется в "мировое сообщество", примет диктат "международного права", приведет свое законодательство в соответствие с теми канонами, которых придерживается "цивилизованный мир". Иначе "исламское государство" не получит доступа к новейшим технологиям и кредитным линиям, его товары будут бойкотироваться, а в политическом отношении оно окажется в роли "страны-изгоя", каковым и был Иран до недавних пор. Чтобы выйти из изоляции и обеспечить условия для роста государственной мощи, Ирану пришлось пойти на "прогрессивные реформы", то есть заменить

строго соблюдавшуюся формулу "модернизации без вестернизации" формулой "модернизации и вестернизации". Иными словами, руководствуясь политическими и экономическими интересами, пойти на дальнейшую конвертацию Божьих законов в светские. Таким образом, в словосочетании "исламское государство" приоритетным стал не ислам, а государство. И Иран в погоне за мощью "исламского" государства своими руками уничтожает те ценности, защите которых от "внешнего врага" и должна была служить "государственная мощь".

На примере Ирана мы можем дать общую оценку всей доктрине "исламского государства", какое бы движение не выступало ее автором (талибы, "братья мусульмане", чеченские "ихваны" и т.д.). Связав концептуально два понятия: "исламский порядок" и "государственный порядок", исламские движения обречены попасть в ловушку "государственных интересов", стать заложниками экономизма, который функционирует по своим специфическим законам, не просто не совпадающими с законами ислама, а антагонистичными им. И здесь, по большому счету, неважно, становится ли экономика "исламского государства" частью глобальной мировой экономики (что немедленно превращает государство в политического агента глобализма), или функционирует в режиме автаркии (что, учитывая современные реалии, само по себе утопично). Важно то, что главным "двигателем" экономической системы, условием ее динамического функционирования, является *материальная выгода*, что заставляет людей постоянно искать и внедрять (часто через кровопролитные революции) все новые и новые законы. Иными словами, государство, становясь символом мощи и процветания общества, переподчиняет людей от законов Божьих законам прибыли, богатства, то есть переподчиняет *"золотому тельцу"*, сатане, который в момент изгнания из рая поклялся совращать людей, "разукрашивая им то, что на земле". Это "разукрашивание" производится посредством городов — неистощимого источника порочных соблазнов и главного атрибута любого государства. Отсюда видна не только абсурдность, но глубокое кощунство объединения таких категорий как "ислам" и "государство". Отсюда видна изначальная, принципиальная невозможность жить в соответствии с вечными, неизменными законам и Корана и Сунны в государственной системе, само существование которой возможно только в "конвейерном" производстве новшеств, постоянно меняющих взаимоотношения людей, их социальную жизнь. Отсюда видно фундаментальное незнание адептов лжеучения "исламского государства" не только природы государства, обрекающей людей на религиозное отступничество, но и важнейших основ ислама, то есть повелеваемого и запретного. Противоречивое сосуществование в едином социальном поле "исламской формы" (шариата) и "государственного содержания" (политики) по своей природе не может быть ни устойчивым, ни длительным, что определяет и последовательный системный анализ сущности такого рода противоречий. Все компромиссы между человеческими страстями и Божьим законом — это всегда проявления слабости характера, искалеченного невежеством или скепсисом, что — как подтверждает исторический и современный опыт — неизбежно заканчивается решительной

победой содержания над формой, политики над шариатом, "государственных интересов" над заповедями Корана и Сунны, повседневного над вечным. Исторически обусловленное явление нарастающей вовлеченности мусульманского традиционного общества в процесс становления и модернизации "своих" государств может быть или нейтрализовано воздействием традиций (что случается чрезвычайно редко), или, из-за нарушения естественной иммунной системы, защищающей национальный организм от модернизации, уничтожает традиционное общество (что является повсеместным итогом эволюции исламских обществ). Именно такой сценарий ожидает любое "исламское государство" и его население, если мусульманские народы вовремя не прозреют и не подчинят свою практику и теорию неизменным кораническим ценностям, не возродят общинные начала жизни согласно Традиции "первых отцов".

Реальной альтернативой открытой системе центробежного глобализма (цивилизации) может быть только закрытая система центростремительной общинности (варварство), не имеющая с ним ничего общего, но обладающая достаточно мощным внутренним потенциалом, чтобы вытеснить глобализм за пределы нашего бытия, не прикасаясь к нему, не адаптируясь к нему и не допуская никаких форм конвергенции. Для этого, осознавая глобализм как смертельную заразу, вызванную вирусами индивидуализма, человечеству необходимо найти способ естественной защиты — путем возрождения иммунитета, без применения каких-либо "техногенных лекарств", пользуясь только "традиционной медициной". Традиционализм уже по определению является идеологией социальной статики, которая находится в непримиримом антагонизме с социальной динамикой, составляющей суть модернизма. Поэтому, на мой взгляд, евразийскому движению необходимо избавить свою идеологию от концептуального противоречия, создаваемого наличием в ней как традиционалистских, так и модернистских категорий, и поднять ее на уровень евразийского традиционализма, сознавая, что и это — только переходный этап к спасительному возрождению истинного традиционализма — Традиции "первых отцов".

Вводя понятие "евразийский традиционализм", сразу хочу определить, чем оно отличается от известных политологам понятий "евразийство" и "неоевразийство" и обозначить свою позицию по отношению к ним.

Евразийство, развертываемое в Западной Европе российскими эмигрантами начала XX века, такими как князь Н.С. Трубецкой, Г. Флоровский, П.Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, стремилось выработать идеологию, альтернативную коммунизму, но сохранить при этом на мета-идеологическом уровне, как положительные ценности, "государство", "прогресс", "цивилизацию", то есть основные категории модернизма. Очевидно, что эта "логика" привела евразийцев к поиску формулы "квадратуры круга".

Что касается неоевразийства, то импульс к его возрождению своими историческими исследованиями по вопросам этногенеза дал Лев Гумилев, а присутствующий здесь Александр Дугин наделил идеологическим содержанием и политико-организационной формой, совмещая модернизм с

традиционализмом (селективно переосмысленным в индивидуалистском духе Рене Генона и Юлиуса Эвола) в рамках формулы "модернизации без вестернизации", с опорой на "сакральную историю" и геополитический утилитаризм. Однако такая переформулировка евразийства превратила его из историософско-теологической отвлеченной теории в мощное прикладное орудие популизма. В сегодняшней, полной противоречий России с ее постсоветским идеологическим вакуумом именно такой популизм необходим для того, чтобы направить ее на переоценку своей идеологической и исторической ориентации, увидеть силу православных и русских национальных начал "России-Евразии" как в сфере внутренних, так и внешних отношений.

Я — человек, стоящий в стороне от хрестоматийного евразийства во всех его разновидностях и от всех политических идеологий вообще. Человек общинного кровнородственного сознания, отрицающий все инновации, привнесенные в сакральную Традицию культурой и цивилизацией, убежденный сторонник независимости Чечении. Но, тем не менее, я принял приглашение оргкомитета этой конференции, проходящей в столице воюющего с моим народом государства, и, более того, являюсь ее соорганизатором и инициатором. Причина этого в том, что я ясно осознаю актуальную на сегодняшний день — то есть на переходном этапе — необходимость неоевразийской идеологии и вижу ее способность подняться впоследствии на уровень евразийского традиционализма. Для этого неоевразийцам предстоит завершить процесс отказа от всех иллюзий модернизма и диалектических попыток его совмещения с традиционализмом в рамках одной идеологической системы, что является парадоксом такого же рода, как и попытка создать устойчивый синтез между динамикой и статикой, морем и сушей, ложью и истиной, культом золотого тельца и Единобожием. Бесплодность таких попыток не имеет смысла защищать, ссылаясь на пример имперской Японии, преподносимой как образец удачного совмещения традиций и инноваций. Сочетаясь с модернистским содержанием повседневной жизни японцев, их традиционализм имеет сугубо формальный, поверхностный характер, что обрекает его — в соответствии с отмеченной выше закономерностью — на конвертацию в фольклор и неизбежное исчезновение.

Однако при всей этой критике я вижу, что на переходном этапе ценностные противоречия и религиозный синкретизм в недрах неоевразийства могут быть оправданы мобилизационной силой популистских компромиссов, создающих необходимые ступени для эволюционного, поэтапного возврата от повседневности (политики) к истории (философии), а затем к Традиции (религии). Только таким образом будет возможно восстановить гармонию и обратные связи между тремя уровнями мировоззренческой модели мира: между требованиями принципиальности на метауровне (аксиология), последовательности на среднем уровне (теория) и эффективности на субуровне (практика). Поэтому, несмотря на существующие противоречия, я уверен, что искренность неоевразийцев в их поисках неискаженной цивилизацией Нового Времени источников Традиции неизбежно (после

переходного этапа) заставит их подняться на уровень евразийского традиционализма, перейти с платформы повседневных политических компромиссов на платформу абсолютных ценностных императивов. Таким образом, понимая, что сегодня мы находимся в отправной точке процесса переосмысления всех ценностей в духе евразийского традиционализма, у чеченцев и россиян впервые в истории появляется реальная основа для мира, взаимопонимания и союза против общего врага. Для партнерства во имя общих целей.

На чем основана моя уверенность? Почему, несмотря на продолжающуюся российско-чеченскую войну, такой союз возможен? Цель России в этой войне заключается в том, чтобы защитить свою державность, свою этнокультурную идентичность от глобализма, защитить посредством восстановления утраченной с крахом СССР многополярности мира. Одно из средств в системе самозащиты России от глобализма — воспрепятствовать возникновению на постсоветском пространстве плацдармов атлантических сил. В Кремле все явственнее начинают понимать, что противостоять глобализму можно только на ценностном уровне, только посредством возрождения и всемерного укрепления этно-религиозных традиций населяющих Россию народов. Теперь рассмотрим цель, которую преследуют чеченцы в этой и во всех предыдущих войнах. Она заключается в защите традиционных ценностей, по которым извечно жило чеченское общество. Как мы видим, каждая из сторон — и российская, и чеченская — пытается защитить себя посредством защиты своих традиционных ценностей и теперь дело стоит за малым: Россия должна осознать, что реализация чеченской цели способствует достижению российской цели, поскольку природа традиционного общества такова, что не приемлет бездуховные потребительские западные ценности, и чеченцы никогда не позволят превратить свою землю в атлантический плацдарм; в то же время и чеченцы должны осознать, что эффективное противостояние России глобализму традиционными средствами также способствует достижению чеченской цели.

Таким образом, чеченцы и россияне смогут перейти в двусторонних отношениях от абсурда войны к логике общего врага и далее — к логике общей цели. Тогда мирный договор в сочетании со стабилизацией ситуации на Кавказе создаст условия не только для союза чеченцев и россиян, но и создаст живую, действенную и концептуально обоснованную модель для интеграции всей Евразии. Бросив вызов глобализму, поставив перед собой задачу вернуть многополярный мир, Россия объективно выступает за интересы всех народов Евразии. Следующий шаг логически предопределен: опираясь на идеологию евразийского традиционализма, Россия запустит процесс консолидации народов нашего древнего континента. Но, чтобы эта консолидация имела прочную мировоззренческую базу, неоевразийцы, как я уже говорил, должны решительным образом осуществить крен от модернизма (утилитарного подхода к геополитике) в пользу традиционализма (принципиального подхода к религии). Почему я так думаю?

Существуют две стратегии, которые Россия может противопоставить экспансии атлантических сил.

Первая, геополитическая, уже испытана во времена Холодной войны. Она заключается в системе "динамического равновесия", симметричных "вызовов" и "ответов". Суть этой стратегии в том, чтобы сохранять с атлантическими силами паритет по всем аспектам военного и научно-технического соперничества, которое навязывает Запад. Даже Советский Союз, обладая гораздо большими ресурсами и находясь в более выигрышном геополитическом положении, чем современная Россия, действуя симметрично, не выдержал этого соперничества и развалился. Нет сомнений в том, что та же участь ожидает и Россию, если она пойдет по этому пути. Вторая стратегия, основанная на идеологии евразийского традиционализма, содержит в себе все необходимые условия для того, чтобы Россия смогла перейти на евразийский авторитаризм, возродить соответствующие ему духовные, естественные ценности. Это путь патриархального развития, социальной статики.

Запад же побеждает там, где утверждаются возводимые им в абсолют либеральные гражданские институты и соответствующие им бездуховные, сугубо потребительские, искусственные ценности. Это путь демократического развития, социальной динамики. Следовательно, исходя из логики ценностного противостояния, западной демократии необходимо противопоставить восточный авторитаризм, цивилизации — религию, государственной организации — организацию народную, открытой системе — закрытую. Тогда противостояние глобализму будет осуществляться системным образом: ценностным определением антиглобалистской идеологии и соответствующего ей социального содержания, а его результатом будет общественный порядок, в котором содержание соответствует форме, а форма — содержанию. Это воссоздаст первозданное тождество веры, мировоззрения и мира, духа, сознания и бытия, то есть целей, средств и объектов, которые субъект антиглобалистского противостояния должен сделать предметом своего свободного выбора. Только таким образом, только посредством последовательного и ответственного выбора прямого пути, нравственной аксиологической ориентации Россия сможет выстоять и победить в противостоянии с Западом.

Я понимаю, что слово "авторитаризм" режет слух, так как порождает ассоциации с тоталитаризмом. Но тоталитарная система, которая, атомизируя народ, вытравливая из него религиозные и национальные ценности, по сути, готовила "биологическое сырье" для демократии, для потребительского гражданского общества, не имеет ничего общего с авторитаризмом евразийского типа, нацеленного на возрождение духовных святынь, религиозного и национального самосознания народов. Хочу вновь напомнить, что говоря "евразийство", я подразумеваю традиционализм, то есть возрождение сакрального наследия всех народов, произрастающих из одного евразийского корня; говоря "авторитаризм евразийского типа", я подразумеваю авторитарную власть, сориентированную по своей векторности на возрождение традиционных ценностей. Именно эта

ориентированность на истинный традиционализм и создаст надежную гарантию того, что евразийский авторитаризм никогда не переродится в безбожный тоталитаризм.

Обобщая, можно сказать, что перед Россией стоит судьбоносный аксиологический выбор: или взять ценностный ориентир на Вашингтон (эпицентр модернизма), который символизирует собой глобализм, смешение народов в "едином плавильном котле", потерю ими религиозной и национальной самобытности, конечную гибель, или взять ориентир на Ведено (эпицентр традиционализма), который символизирует собой традиционализм, различение народов, сохранение ими своей религиозной и национальной идентичности. Иными словами, Россия, Евразия, Суша должны определиться, чье ценностное верховенство предпочтительнее: стихии Моря или твердыни Гор, зыбких страстей человеческих или вечных заповедей Божьих.

Есть ли у России другая (помимо ориентации на Горы, на Ведено) возможность сохранить свою самобытность, не превратиться в "сырьевой придаток" Запада и рынок сбыта дешевых низкокачественных товаров? Нет, потому что низкая динамика цивилизации Суши, каковой является Россия, при всех ее усилиях не может соперничать с высокой динамикой цивилизации Моря. Следуя в направлении модернизма, но уступая Западу по темпам развития, Россия обречена на поражение в технологической гонке, на бесплодную трату своих ресурсов, средств и усилий. Более того, эта бессмысленная гонка влечет за собой порчу земли, утрату чувства "ближнего", которое является важнейшим духовным содержанием всех религий Единобожия. Вновь хочу повторить, что только борьба на ценностном уровне, только возрождение религиозных и национальных традиций, только идеология традиционализма способны не только остановить экспансию Запада, но и дать мощные средства для победы над ним.

Запад, в особенности его лидер — США, представляет собой пример тотальной доминации государства, доведенную до автоматизма политическую систему, в которой, несмотря на декларативный приоритет "прав человека", человеческий фактор сведен к нулю. Объясняется это тем, что каждый индивид подчинен своду государственных законов, мыслит только категориями этих искусственных законов, то есть становится "биороботом" (гражданином), запрограммированным государством и правом. Это показывает полное соответствие формы (мышления в категориях "демократического государства") и содержания (атомизированной массы гражданского общества).

Столкнувшись с политической системой "диктатуры закона" Нового Света, породивший его архаичный Старый Свет обречен на отставание и поражение. Потому что в нём все еще играют роль религиозные и национальные традиции, существующие вне поля официальных законов и очень часто вступающие в противоречие с модернизмом. Новый Свет ушёл далеко вперёд кривыми путями прогресса, избавившись от всех архаичных

"пережитков", то есть доведя почти до необратимого состояния процесс уничтожения естественных начал внешнего и внутреннего мира человека.

Сулит ли России и другим евразийским странам надежду на успех в технологической гонке с Западом избавление от тормозящего прогресс "груза" традиций? Думаю, нет, поскольку не так-то легко "освободить" народы от "груза прошлого", если народы считают это прошлое своим священным наследием, своей неотъемлемой религиозной и национальной сутью, главным признаком своей идентичности; и, кроме того, искоренить эти "пережитки" можно лишь воспользовавшись западными потребительскими ценностями, но тогда придётся занять свое место в шеренге вассалов Запада и почтительно выполнять приказы и "рекомендации" из Вашингтона, остающегося в таком случае единственным лидером. Чтобы этого не произошло, у России остается единственный выход: последовательный, поэтапный отказ от всех ценностей и институтов модернизма, от урбанизации, от строительства новых городов, от развития обслуживающей эти города индустриальной макроэкономики, от подчинения императивам модернизации. Другими словами, России прежде всего надо отказаться от соблазнов прогресса, от виртуализации человеческих и экономических ресурсов страны, так как все это, широко распахивая двери для проникновения модернизма, ведет к торжеству атлантической цивилизации, к уничтожению всего живого, органичного и естественного.

Что произойдет, если Старый Свет или, более конкретно, Россия, откажется от правил динамики, от технологической гонки, примет правила статики, диктуемые ее "сухопутной" природой? Давайте рассмотрим этот вопрос более детально.

Важнейшим практическим следствием этой ценностной переориентации станет то, что Россия высвободит огромные средства, которые тратятся на технологическую гонку с Западом и сможет вложить их в действительно важные для народа отрасли: возродить находящееся в перманентном кризисе сельское хозяйство, перенаправить деньги на оздоровление земли, вложить в микроэкономические проекты, направленные на возрождение деревни. Я полагаю, что у многих россиян возникнут опасения: ведь отказавшись от технологического прогресса, Россия окажется беззащитной перед военной мощью Запада. Но эти опасения совершенно безосновательны по очевидной причине: на переходное время, пока евразийский традиционализм не принесет свои реальные плоды, пока не вызовет на Западе нравственные процессы национализации государственной власти, экологизации экономики и ядерного разоружения НАТО, у России сохраняется ее ядерный арсенал, сдерживающий врага, способный не только обеспечить ее безопасность, но и защитить всех ее евразийских союзников. Принципиально следует оговорить, что "ядерный зонтик" является сугубо психологическим фактором, дающим чувство защищенности, а не реальной защитой. Более того, "свои" атомные арсеналы в современную эпоху стали источником губительных угроз, так как страны, обладающие ядерным оружием и технологиями, все чаще стали испытывать на себе следствия аварий и "случайных катастроф" типа Чернобыля и "Курска". Но это только одна сторона проблемы, делающей

державы заложниками ядерного оружия и технологий. Другая сторона проблемы, углубляющая это состояние, заключается в так называемой "гонке вооружений", которая поглощает колоссальные материальные, энергетические и интеллектуальные ресурсы и становится в итоге самоцелью, которую все труднее обосновывать рационалистическими доводами. Россия имеет все шансы прервать этот безумный процесс, начав односторонний процесс разоружения. Каким станет ответ Запада на мирный вызов Москвы?

Этот процесс на Западе начнется "снизу вверх" и будет протекать тем быстрее, чем быстрее Россия и ее евразийские партнеры принципиально, открыто, во имя Бога, на благо всего человечества, начнут последовательное уничтожение своих арсеналов оружия массового поражения: ядерного, химического и биологического. На Западе этот процесс приобретет неотвратимую динамику цепной реакции не из-за открытости демократических правительств для нравственных или религиозных доводов. Этого там нет. Эти технократические правительства пропитались циничным утилитарным макиавеллизмом до такой степени, что безошибочно переводят любой поступающий снизу нравственный или религиозный импульс, любую новую моду, тренд, ориентацию или общественное движение в свой политический капитал — дополнительные деньги на финансирование избирательной компании, увеличение положительного шума в СМИ, новые голоса избирателей. В то же время "Запад" — это не монолит. Это — противоречивая мозаика конфликтующих друг с другом сил, интересов, ценностей. Это очевидно, если посмотреть хотя бы на совершенно разное понимание европейской идентичности и места "Европы" в Новом Мировом Порядке американцами, англичанами, французами и немцами, не говоря уже о таких носителях западной цивилизации как евреи, греки, аргентинцы или австралийцы. Однако при всех существующих разногласиях общим знаменателем, к которому можно свести туманное понятие "Запад", является "высшей ценностью" культа индивидуализма, "прав человека и гражданина". Это есть ценностный базис динамики, политико-экономической мощи и научно-технического развития стран Запада, движимых интересами индивида. С одной стороны этот индивидуализм в низах порождает такие губительные явления, как потребительская цивилизация, опирающаяся на крайний эгоизм, с другой — такие анархистские и диссидентские движения, как унилатерализм, антиглобализм, экологизм, контркультура, "новые правые" и "новые левые", структурализм, постструктурализм, постмодернизм, номадизм и пр., корни которых произрастают из той самой почвы, на которой выросли антимодернистские доктрины Жана-Жака Руссо, отрицающего цивилизацию, Прудона, отрицающего государство, Ницше, отрицающего иудео-христианскую философию, Хайдеггера, отрицающего эллино-римскую культуру с ее мертвыми метафизическими стереотипами, Леви-Стросса, Фуко и Деррида, отрицающих евроцентризм и служащие его глобальной экспансии западные технологии власти и производства новых вещей, новых знаковых систем и новой идентичности человека. Эта "почва" — не поверхностная интеллектуальная мода, не культурно-цивилизационная

прослойка в мировоззрении, не территориальная база какого-то государства, а генетическое наследие многих поколений предков современного западного человека, совершившего "прыжок" из варварства в цивилизацию, почти не зная (в сравнении с авторитаристским Востоком) ни рабства, ни крепостного права. Они стартовали на историческом поприще как свободные общинные люди, сокрушая на своем пути деградировавшие островки античной цивилизации, однако не увидев противоречия между своим духом свободы и эллино-римским индивидуализмом, приняли ложный, чуждый им образ жизни покоренной цивилизации, изменив тем самым истине. Они сделали худший из возможных выборов, заменив общинность на индивидуализм, но заблуждение это было вызвано духом свободы.

Таким образом, нравственно-религиозный импульс, попадая с верхов Востока к низам Запада, повернет в странах НАТО западный индивидуализм против технократов на верхах власти. Именно массовое диссидентское движение на Западе, в силу инстинктивного понимания западным человеком природы индивидуальной свободы и естественных интересов индивида, направит весь свой политический капитал, все демократические механизмы на деконструкцию демократии, уни-латеральное разоружение НАТО и принципиальное сотрудничество с верхами власти на Востоке по вопросам экологизации глобального хозяйства человечества и возрождения естественных форм организации общества. Запущенные на Востоке сверху вниз процессы отказа от всех форм военной конфронтации, вкупе с не менее принципиальным переходом к возрождению на евразийском континенте натурального, экологически чистого хозяйства, нравственных и религиозных основ общества, выбьют из рук НАТО и технократических правительств Запада главный аргумент "Восточной угрозы", с помощью которого для военных целей аккумулируются гигантские средства, собираемые с налогоплательщиков (избирателей), запуганных образом России, Ирана, Ирака, Ливии и Северной Кореи как "непредсказуемого врага". Новые позиции, занятые Россией и другими евразийскими странами, отрицание бездуховного модернизма, прекращение наращивания вооружений, защита окружающей среды и семьи станут не только мощной поддержкой для "диссидентских" движений на Западе, но и переведут их стихийный "бунт" против сложившейся системы в позитивное, созидательное русло "нравственного ренессанса". Таким образом, идеология евразийского традиционализма получит распространение везде, где еще сохраняется стремление уберечь народы и среду их обитания от разрушительного воздействия слепых механизмов прогресса.

Трудно в одном коротком выступлении перечислить все преимущества и блага, которые принесет России принципиальный отказ от технологической гонки с Западом. Россия, вооружившись национально-религиозным духом, поймет, что это оружие сильнее атомной бомбы, что против него беспомощны все армии мира и все хитрости сатаны; тогда всем станет очевидным важнейший постулат истинного традиционализма: надо руководствоваться не тем, что задумал враг, а тем, что должны делать мы. Переводя эту теорию на практику, надо вооружиться девизом,

охватывающим все повеления религии, все абсолютные ценности внутреннего и внешнего мира человека: — *оздоровление земли и исцеление души*. Первыми реальными — в фундаментальном смысле этого слова — достижениями, которых добьется Россия, перестав играть по правилам, навязываемым ей Западом, вооружившись ясной истиной упомянутого девиза, будет спасение всей Земли и души человечества. Тогда люди зададутся вопросом: какое, на самом деле, значение в сравнении с этим могут иметь все "достижения" цивилизации, все эти полеты в космос, нобелевские премии, атомные электростанции и ядерные боеголовки? Тогда всему миру станет очевидным, что все это — "от лукавого". Тогда даже скептик наглядно увидит, что ядерное оружие — это не сила, а слабость, что реальная сила и безопасность его народа в том, чтобы во имя торжества религии, убедительно для всего мира отказаться от применения ядерного оружия в любых условиях и начать его уничтожение. Тогда население Запада, потомки "разбойников суши и моря" вновь проявят дух непокорства и, будучи индивидуалистами, "снизу" начнут процессы разоружения, которые на "коллективистском" Востоке будут начаты "сверху".

То, что правительства на Востоке навязнут своим народам, народы на Западе навязнут своим правительствам.

Таким образом, возврат к религиозным и национальным традициям явится не только наиболее действенной защитой от гипотетического врага, от реальной угрозы модернизма, от пагубной бездуховности, торжествующей как на Западе, так и на Востоке, но и средством заслужить милость Всевышнего, средством возврата на "путь прямой" в рай; средством, ведущим не "в искушение", разукрашенное научно-техническим прогрессом, а в Царство Божие. А это — конечная цель верующих, воспринимающих земную жизнь как испытание, всего лишь пространственно-временной отрезок на прямой из вечности в вечность. Именно в этом смысле необходимо понимать, что наше будущее — в нашем далеком прошлом. Выстраивая свою стратегию отношений с Западом, с цивилизацией Моря, Россия должна исходить из осознания своей сухопутной природы. Суша не обладает и не может обладать той сверхвысокой динамикой, что свойственна Морю. Попытки придать Суше динамику Моря приводят только к одному результату - вторжению Моря на Сушу, к виртуальному ценностному потоку, под которым исчезает вся самобытность народов, все их традиционные ценности. Суша, подверженная нравственным сдвигам, ценностным колебаниям, обречена на затопление цивилизацией Моря. Чтобы чувствовать себя непоколебимой и безопасной, она должна освободиться от бинарной парадигмы геополитики, основанной на диалектике "Суша-Море", и перейти на тринитарную парадигму евразийского традиционализма, основанного на порядке "Горы-Суша-Море". Ценностная ориентация на этот порядок диктуется Священным Кораном: **"Мы на земле установили прочно стоящие твердыни гор, чтобы она не колебалась..." (21:31).**

Такая сухопутная по своей природе держава, как Россия, решив противостоять цивилизации Моря, должна сделать свой выбор: или она ориентируется на динамику Моря и подчиняется атлантическим силам, или

ориентируется **на** статику **гор** и побеждает. Решение Россией вести борьбу с Западом на ценностном уровне равноценно выбору в пользу статики, в пользу традиций. Традиции — это статика, это — горы. Если горы скрепляют Сушу, не давая ей сотрясаться, то традиции скрепляют сознание людей. Живущие в соответствии с традициями люди четко знают, как им действовать в той или иной жизненной ситуации. Они поступают так, как поступали "первые поколения", "первые отцы", они повторяют путь предков, что и есть статика, есть прочерченный Кораном путь в рай: **"Разве ждут они чего-либо другого, кроме пути первых поколений? Никогда не найдешь ты для пути Аллаха перемены! Никогда не найдешь ты для пути Аллаха изменения!"** (35:43). Традиции создают устойчивые опоры для их социального бытия, не давая зыбким страстям овладеть людскими душами. Именно отступая от традиций, отчуждаясь от Первозданного Света, Старый Свет и породил Новый Свет, "мир детей", который сегодня обрушивает на своих "отцов" волны модернизма, полностью десакрализованные ценности Моря, спасение от которых можно найти только в естественном иерархическом союзе Земли ("дольнего"), Гор и Неба ("горнего"). Как и в случае древнего потопа времен пророка Ноя (а.с.с), спасение тех, кто решил спастись, приняв святые заповеди Творца, — только в горах, только в возрождении традиций, которые все еще сохраняются среди "народа Ноя" — Нох-чи, как называют себя чеченцы. Хочу верить, что это и есть тот ориентир, который сознательно или, хотя бы руководствуясь инстинктом самосохранения, примет Россия.

Откуда такая уверенность, может спросить скептик. Я знаю, что сегодняшняя российская элита власти принципиально отрицает либерально-демократический образ жизни и ясно осознает атлантический Запад если не своим врагом, то противником, а евразийский Восток — своим союзником. В этом можно убедиться, проанализировав "евразийский ориентир" внешних инициатив российского руководства, его подчеркнутое внимание к духовенству, его курс на возрождение оси "Москва-Кавказ-Тегеран" как стратегического противовеса оси "Вашингтон-Кавказ-Токио". В этом также можно убедиться, осмыслив знаковое заявление российского президента в Ростове-на-Дону в ноябре прошлого года, в котором он подчеркнул, что *"статус Чечни не имеет значения, если только ее территория не будет служить плацдармом для врага"*. Хотел бы быть понятым правильно. Я не принадлежу к числу чеченских "пацифистов", взывающих к российской и мировой общественности с призывом установить в Чечении хоть какой-нибудь мир. Чеченцам не нужен "мир любой ценой" - любую цену можно заплатить лишь за абсолютные ценности, и только в этом я вижу единственный смысл борьбы. Естественно, мы воюем, чтобы победить, чтобы отстоять свою религию, свой образ жизни. Но в этой войне мы не заинтересованы в поражении России, ибо если Россия проиграет, то на смену нынешнему российскому руководству, взявшему курс на отпор демократической заразе, губельной для России и всех ее соседей, включая и чеченцев, придут сторонники вестернизации, враждебные традиционализму, то есть всему истинно религиозному и национальному. Предвижу вопрос о

ваххабизме, о той идеологии, что изнутри подрывает чеченский традиционализм.

Знакомство с религиозно-публицистической литературой и публицистикой убеждает в том, что в мире нет подлинного понимания ни традиционного ислама, ни той идеологии, которую сейчас называют "ваххабизмом". Сразу же отмечу, что аль Ваххаб - одно из священных имен нашего Творца, которое мусульманин не может склонять в политических дефинициях, и поэтому в дальнейшем я буду пользоваться терминами "ихванство", "ихваны". В некоторых источниках их еще называют "фундаменталистами".

На самом деле, фундаментальный ислам, если понимать под ним ислам коранический, есть религия кровнородственных общин, являющихся основными ячейками родоплеменной структуры народа. Такую социальную реализацию принципов ислама, сформулированных в многочисленных ясных предписаниях Корана, мы обнаруживаем в общественных устоях уммы пророка Мухаммада (а. с. с), созданной им в Ятрибе (Медине).

Целью всех верующих, несмотря на все существующие идеологические разногласия, является рай Аллаха. Однако мусульмане расходятся в выборе средств достижения этой священной цели, хотя в священных столпах ислама, в Коране и Сунне, обозначена не только цель, но и средства, ведущие к ее осуществлению. Более подробно эти вопросы я освещаю в специальных работах, а теперь кратко охарактеризую социальное содержание мединской уммы, нашедшее отражение в составленном Пророком (а.с.с.) основополагающем документе уммы "Дустур", известном в религиозно-публицистической литературе под названием "Мединской Конституции":

1. Форма организации общества - родоплеменная (религиозная-этническая-традиционная) ;
2. Структурная единица общественной организации - кровнородственная община;
3. Субъект и объект кровного возмездия: кровнородственная община (принцип общинной ответственности).

Если же мы обратимся к принципам ихванской идеологии, то, признавая, что она призывает к той же священной цели, мы обнаружим, что средства, предлагаемые для достижения этой цели в ихванской идеологии чисто политические, хотя и проявляются в религиозной форме:

1. Форма организации общества - государственная (политическая-территориальная-инновативная);
2. Структурная единица общественной организации — индивид;
3. Субъект кровного возмездия: государство; объект кровного возмездия: индивид (принцип индивидуальной ответственности).

Поэтому неверно называть ихванство "фундаментальным исламом". Провозглашая доктрину "исламской нации", то есть интернационализированных мусульманских масс, лишенных любых значимых черт национальной идентичности, ихванство не может не видеть в национальной самобытности мусульманских народов главное препятствие на пути реализации своей религиозной по форме, но глобалистской по содержанию цели. Поэтому вполне логично, что ихванство не жалеет усилий, чтобы

подорвать - как нечто "антиисламское", "джахилийское", "языческое" — национальное самосознание, выражающееся в национальных традициях мусульман, и тем самым смешать их в безнациональную, безродную чернь. А это есть прямое покушение на волю и промысел Всевышнего, создавшего "народы и племена", чтобы они "знали друг друга" (Коран, 49:13). Знание - предпосылка одной из важнейших коранических категорий аль Фуркан ("Различение"). Без знания добра и зла, праведности и греха, одобряемого и запрещаемого Всевышним, невозможно быть обладателем Различения, то есть мусульманином. Следовательно, пытаясь подорвать условие знания народами друг друга, их возможности сравнивать и сопоставлять "себя" с "другими" по позициям нравственных канонов, ихванство (сознается это или нет) реально покушается на Различение - одну из священных категорий Ислама, разрушает фундамент, на котором строится идентичность мусульман, рабов Аллаха.

Когда в мировой печати утверждают, что ихванство (абсурдно определяемое "исламским фундаментализмом") несет угрозу Западу, это поверхностное определение, порожденное декларативным антизападничеством исламизма. Ихванская идеология представляет собой непосредственную угрозу прежде всего мусульманским народам, которым она уготовила поистине страшную участь: полную потерю всех признаков национальной самобытности, исчезновение в ассимиляционном котле. И в этом цели восточного ихванства и западного глобализма полностью тождественны, за исключением единственного различия: ихванство опаснее, так как подрывает традиционный ислам "именем Аллаха" и этим парализует волю мусульман, которые не знают или забыли священные, коранические истоки традиционализма. Традиционный ислам, несмотря на проникшие в него "госшариатские" инновации, ослабившие его "иммунную систему", тем не менее еще способен сопротивляться западным утилитарным ценностям; подрывая его, ихванство, несмотря на его антизападный пафос, открывает дорогу глобализму, становится его проводником. Идеологи ихванства поднимают лозунг возрождения уммы и раннего халифата, сознательно или по невежеству игнорируя хорошо известный факт: умма Пророка (а.с.с.) и праведных халифов, обеспечивая условия для мирного конфедеративного сосуществования родов, племен, наций, языков и вероисповеданий, не допускала их произвольного смешения, строго соблюдая принцип, сформулированный нашим Пророком (а.с.с.) в Мединской Конституции для каждого из субъектов уммы: жить *"согласно своим обычаям, разумно, справедливо, как это принято у верующих"*. Впоследствии, когда умма Пророка (а.с.с.) трансформировалась в "исламскую империю", этот принцип был нарушен, а затем, после падения исламских обществ до уровня "исламского государства" — полностью забыт. И здесь уместно отметить, что именно так называемый традиционный ислам ("имперский", "исторический"), дублируя прогрессивное развитие государств и оправдывая существование всех меняющихся режимов государственной власти, то есть являясь по сути обновляющимся исламом, и породил новейший ислам — ихванство. Братство по крови, которое столь священно в исламе, ихваны

("братья") заменили идеологическими узлами, "джамаатами", хотя словом "джамаат" в традиционном арабском обществе называлась кровнородственная община. Иными словами, вместо естественных, освященных авторитетом Корана и Сунны Пророка (а.с.с.) кровнородственных уз, создающих сплоченные общины мусульман, ихваны поставили организацию, ничем, кроме жесткой "казарменной" дисциплины, не отличающуюся от государственных организаций. Закономерно, что как движение, которое не только дублирует завершённый этатический принцип в своей организационной структуре, но и открыто заявляет о своем намерении построить "исламское государство", ихванство непримиримо враждебно кровнородственной и родоплеменной структурам, являющимся антиподом государства. В этом — вся суть конфликта между традиционным, фундаментальным исламом, исповедуемым чеченцами, и "новым исламом", привнесённым на нашу землю эмиссарами ихванства. Но конфликт этот проявляет себя лишь в периоды мира, когда актуальными становятся вопросы общественного обустройства Чечении. В военное время этот конфликт исчезает, так как все сегменты Сопротивления выступают единой сплоченной силой, сознающей общность своей сакральной миссии. И здесь неважно, по каким принципам и признакам объединяются бойцы Сопротивления: по "джама-атам", ныне признаваемым как нарочитое игнорирование кровнородственных генеалогий, или по кровному родству. Говоря, что в Чечении против российской армии воюют ихваны, российская пропаганда увеличивает популярность проповедуемых ими принципов, тогда как воевать чеченских бойцов заставляет не ихванская идеология, а исламский дух, заложенный в них воспитанием в своих кровнородственных общинах.

Традиционный ислам в Чечении сохранился в общинных началах чеченской нации, которая еще придерживается фундаментального закона "око за око", и его невозможно ни уничтожить, ни возродить в полной мере без уничтожения или возрождения кровнородственной общины и естественным образом произрастающей из нее родоплеменной иерархии народа, без уничтожения или возрождения коранической заповеди общинной (кровнородственной) ответственности. Вне такой структуры любое течение в исламе не может не быть в той или иной мере инновативным, искаженным. Там, откуда уходит ислам фундаментальный и распадается кровное родство, создаётся благоприятная почва для "нового ислама", адаптирующегося к государственным системам, а затем появляется идеология, преодолевающая все общинные и родоплеменные "пережитки" - "новейший ислам", ихванство.

После всего сказанного, думаю, для присутствующих, привыкших мыслить о чеченцах сквозь привычные стереотипы, насаждаемые СМИ, которые, кстати, сами по себе тоже всего лишь жертвы "невидимой руки" новых знаковых систем, не прозвучит парадоксальным утверждение, что во всем исламском мире именно в Чечении меньше всего условий для укоренения ихванства. Это потому, что чеченцы на сегодняшний день в наибольшей степени сохранили традиционные формы общественной жизни.

Чеченские ихваны из-за продолжающейся войны и сопровождающего ее пропагандистского аккомпанемента оказались в центре всеобщего внимания. На самом деле, в тех же исламских регионах России, например, намного более благоприятные условия для расширения и укрепления ихванства, потому что в этих регионах, как и повсюду в бывшем СССР, под влиянием коммунистической антинациональной и антирелигиозной политики произошел окончательный разрыв естественных, общинных форм социальной жизни, которые и так были нарушены из-за воздействия монархии, взявшей ориентир на противоестественный для своей природы курс на модернизм. В таких условиях возрождение религии обречено на тяготение не к традиционному, а к ихванскому "новейшему исламу". И это ярко высвечивает суть ихванства как порождения модернизма. Поэтому нет ничего, что можно было бы эффективно противопоставить идеологии ихванства, кроме идеологии возрождения чистого, фундаментального, истинно традиционного ислама с его общинными (кровнородственными) началами.

Однако главной и общей нашей задачей, задачей всех народов, которые хотят сохранить свою самобытность, свою религию и традиции, является противостояние глобализму. Именно с целью остановить экспансию атлантических сил и затем вытеснить их из центра Евразии — с Кавказа и была начата Россией вторая чеченская война. Но сегодня уже очевидно, что война работает против этой цели, так как Россия борется в Чечении с тем, что должна возрождать в себе — традиционализмом, тем самым открывая дорогу западным ценностям. Российские политики, судя по всему, уже осознали, что необходимо прекратить эту войну, но все их инициативы наталкиваются на сопротивление военной элиты, настроенной ее продолжать, не понимая, что таким образом вооружает демократов, противников "авторитарной России", и ускоряет процессы глобализации в Евразии. Возводя корпоративный интерес военно-промышленного комплекса в ранг идола, а также следуя своим политическим и материальным выгодам, российские генералы не видят пропасти, к которой они движутся, увлекая за собой всю страну. Очевидно, что долгосрочная цель, стратегическая задача РФ, связанная с защитой от западной цивилизации, страдает от продолжения российско-чеченской войны. В прекращении этой войны по аналогичным причинам заинтересована и Чечения. Однако из-за наличия по одну сторону "линии фронта" "ястребов", преследующих под прикрытием "общего блага" свои личные и групповые краткосрочные интересы, а по другую сторону — определенных чеченских сил, увлеченных модернистским мифом "исламского государства", ни российское политическое руководство, ни чеченское не в состоянии (в одностороннем порядке или даже совместными усилиями) остановить войну и начать мирный процесс. В то же время уже всем на субъективном уровне становится вполне очевидным, что эта объективно абсурдная война, столкнувшая две стороны, которые изначально должны были сотрудничать во имя защиты от общего врага, зашла в тупик, что она вносит глубокий раскол и враждебность в те евразийские силы, которые обладают наиболее мощными внутренними ресурсами

противодействия глобализму и победы над ним — ислам и православие. Если нынешняя война, как и предыдущая, будет остановлена западными демократическими структурами (типа ООН, ОБСЕ или ПАСЕ), то это станет триумфом атлантических сил, яркой демонстрацией мощи западной цивилизации. Это будет победа Запада над Востоком, то есть и Россия, и Чечения будут вынуждены принять западный образ жизни. Кроме того, для России победа демократов будет означать, что политики, развязавшие войну, и военные, преследующие свои корпоративные интересы, повторят судьбу своих сербских "коллег", попавших в жернова гаагского трибунала. Только в рамках мирного договора, заключенного на основании религий нашего Творца, на фундаменте наших Священных Писаний, возможно прощение виновных и избежание их преследования. Только приняв священные принципы Божьего права и Россия, и Чечения смогут избежать ловушки международного права, демократического по форме, глобалистского по содержанию.

Крайне важно, чтобы миротворческую миссию взяли на себя именно традиционные силы, ибо только они являются носителями тех ценностей и ориентируются на такой образ жизни, к которому и россияне, и чеченцы толкает логика защиты от демократии и глобализма. Только эти силы пользуются естественным авторитетом в народе, а значит, ни военные, ни политики не будут сомневаться в их подлинной преданности общим интересам России и Чечении. Таким образом, становится ясно, что такую миротворческую миссию может выполнить только религия Единобожия. Осознав это, мусульмане и православные, поклоняющиеся Единому Богу, отрицающие западный культ золотого тельца, получают мощный импульс для объединения. Тогда к ним присоединятся все силы мира, диссидентские по отношению к глобализму, отрицающие порчу земли и маргинализацию народов.

Ключевую роль в мобилизации мусульман и православных для реализации этой идеи и организации традиционалистских сил могут сыграть существующие структуры муфтията и православной церкви, если только они захотят переориентироваться с краткосрочных (повседневных) и долгосрочных (исторических) задач на осуществление своей вечной (традиционной) миссии. И если российско-чеченский конфликт завершится истинным миром, клятвенно подтвержденным общепризнанными лидерами обеих сторон на Священных Писаниях наших религий, то результатом его достижения будет торжество традиционного образа жизни по всему нашему континенту: от Кавказских гор — через евразийскую сушу — до берегов моря. Это будет общая победа не только чеченцев и россиян, но и всех народов, стремящихся к оздоровлению Земли и исцелению души человечества.

Для начала Центральное Духовное Управление мусульман России могло бы использовать свой авторитет, связи с правительственными кругами, свой статус официального учреждения в государственной структуре для того, чтобы вместе с Русской Православной Церковью выступить инициаторами и посредниками переговорного процесса на Кавказе. Именно сотрудничество

ислама и христианства, которые исторически ассоциировались с враждебными по отношению друг к другу религиями, превратило бы этот миротворческий импульс в Чечении в начало революции духа по всему евразийскому континенту. Нам пора вспомнить простую истину: нас сотворил единый Господь, и все мы поклоняемся только Ему; и эта истина четко выражена на страницах Священного Корана: **"Верим мы в то, что было открыто нам и открыто вам, и Господь наш Един с Господом вашим, и Ему повинuemся мы"** (29:46).

Если до сих пор, как я уже говорил, в качестве миротворцев в российско-чеченском конфликте всегда выступали демократы из правозащитных структур, таких, как ОБСЕ и ПАСЕ, то теперь у нас появляется возможность достичь мира при посредничестве религиозных деятелей ислама и православия, продемонстрировав великий миротворческий потенциал религий Единобожия. Этот шаг может стать решающей победой наших религий над глобалистским культом золотого тельца, это — та векторность на возрождение традиционализма, на союз исламского юга и православного севера, о котором я говорил; это — ценностный фундамент интеграции не только евразийских, но и всех народов Земли, это — сокрушительное и необратимое поражение морской цивилизации Запада. Это, без всякого преувеличения, станет поворотным моментом в трагической, наполненной войнами и враждой истории человечества, поворотом к жизни на Божьей земле по Божьим законам. Основываясь на принципах религий Единобожия, можно решить все существующие на сегодняшний день конфликты и на Кавказе, и на Балканах, и на Ближнем Востоке. Эти принципы я и заложил в текст мирной инициативы, полное обоснование которой вы можете найти в моей книге "Ведено или Вашингтон?"

Что касается противодействия ихванству, то я сознаю, что мусульманские народы России не сохранили того общинного образа жизни, который создает в чеченской нации естественный "иммунитет" против ихванства. Но муфтияты мусульманских регионов России, так же как и все мусульманские страны, стремящиеся защититься от глобализма, должны понять, что "ахиллесовой пятой" ихванской идеологии может стать только проповедь кровнородственных (общинных) уз, сотворенных Всевышним: **"И нет ни одного живого существа, что на земле живет или на крыльях в небе, которые, подобно вам, не составляли бы общины."** (6:38). Против этого довода у ихванов нет и не может быть аргументов, и всем станет очевидной противоречивость ихванства кораническому исламу: **"А может быть, вы, если отвратитесь, будете портить землю и разрывать родственные связи? Это — те, которых проклял Аллах"** (47:22-23). Необходимо понять, что борьбу надо вести не с "ихванами", которых среди мусульманского населения России насчитывается уже десятки тысяч, а с их идеологией, то есть с "ихванством"; не с заблудшими, а с причинами заблуждения, разоблачая в глазах вовлеченной в это движение молодежи всю несовместимость с общинным характером чистого коранического ислама тех постулатов ихванства, которые преподносятся ими как "фундаментализм". Тогда молодежь перестанет делиться на ихванов и традиционалистов, ис-

чезнет трагический разлом между религиозным и национальным самосознанием, а нынешние ихваны станут самыми стойкими традиционалистами. Пути же возрождения традиционного ислама в Чечении достаточно просты, нужно лишь не мешать этому процессу, и тогда чеченцы воссоздадут первозданное общество, в котором не будет места ихванству, и которое будет существовать в общинной форме по законам Корана и Сунны Пророка (а.с.с). Может появиться вопрос: почему за три межвоенных года в Чечении не было возрождено традиционное общество? Беда в том, что руководство Чечении занималось прямо противоположным делом — строительством государства.

Я уверен, что обозначенная в данном докладе концепция, которая полностью изложена в моей книге "Ведено или Вашингтон?", будет принята всеми воюющими сегодня чеченцами, в том числе и ихванами. Выше я уже объяснил, почему. Я также уверен, что предлагаемая концепция найдёт свой позитивный отклик и в России. Я не сомневаюсь, что моя программа — это единственный путь защиты многополярного мира и возрождения естественного порядка. Почему я уверен в том, что мою программу примут все: и чеченцы, и россияне, и другие евразийские народы? Потому, что она основана на истине. Почему я убежден в том, что это — истина? Потому, что она соизмерена с духом и буквой всех Писаний Единобожия. Все противоречия и конфликты между истинно верующими имеют не религиозный, а исторический или сугубо политический характер и будут нами преодолены так скоро, как скоро мы осознаем себя хранителями наследия всех пророков Единого Бога — ханифами. Я убежден в том, что очищение нашего общего евразийского дома от культа золотого тельца, от бездуховности потребительской цивилизации Моря начнется из Чечении — древней земли пророка Нуха (а.с.с). И что именно к моему народу относятся потрясающей силы слова пророка Мухаммада (а.с.с), которые я хотел бы привести: "В день Суда придет народ, чей иман будет удивительным. Им скажут: "Ради вас благостная весть, мир вам! Возрадуйтесь с входом в рай навсегда. Ангелы, пророки, люди будут завидовать им". Асхабы спросили: "О, пророк Аллаха! Кто они?" Пророк ответил: "Они не от нас (пророков) и не от вас. Они будут появляться в таком периоде времени, когда люди оставят Книгу Аллаха и Сунну. Они вооружатся Кораном и Сунной, дадут им новую жизнь, будут читать и обучать этому других. Они будут страдать на этом пути страшными мучениями, больше, чем вы (асхабы). Иман одного из них равняется иману сорока из вас, и их один шахид равняется сорока вашим шахидам. Вы найдете помощников в делах истины, а они совсем не найдут помощников. Они будут со всех сторон окружены несправедливыми людьми, и они будут находиться в углах спасения Бай-тулмукъаддаса. В таких условиях к ним придет помощь Аллаха, и ими будет поднята честь Ислама". И Пророк попросил Аллаха: "О Аллах, дай им победу и сделай их сопровождающими со мной на реке Кавсар".

Пророк (а.с.с.) сказал, что его умма разделится на 73 части и только одна из них останется на пути прямом и заслужит рай. Кто же представляет собой эту праведную часть мусульман? Жизнь по Корану и Сунне, то есть по вечным и

неизменным законам, данным Всевышним, несовместима с государственной системой, которая основана на конъюнктурных законах политики. Следовательно, мусульмане, живя в государстве и по изменчивым законам государства, должны осознать, что не только не живут по Корану и Сунне, но и то, что в условиях государства это просто невозможно. Известно, что все мусульманские народы, за исключением чеченцев, живут сегодня в государствах, признают эти государства и сознательно сделали ставку на прогресс и технократическую цивилизацию, что портит землю, разрывает кровные узы и делает общинную жизнь невозможной. Не требует доказательств, что это результат того, что люди пошли за своими страстями, за обогащением — поклонились золотому тельцу. Известно, что сегодня, как и всегда, только чеченцы, на своем языке извечно называющие себя *Нох-чи*, в буквальном переводе *народ Нуха* (а.с.с), как говорит Коран, Ноаха или Ноя, как говорит Библия, хранят кровнородственный, общинный образ жизни. Фундаментальный принцип общинного сознания и общинной жизни — коллективная (кровнородственная) ответственность — не допускает деления на партии, препятствуя проникновению в живой организм нации вирусов индивидуализма, конвертации традиции в инновацию, возникновению города и государства, торжеству политики над нравственностью, подчинению Божьих заповедей императивам прогресса и цивилизации. Чеченцам чужды все формы индивидуализма, поэтому они отказываются от всех "благ" цивилизации, живут без государства, отрицают государство и заявляют о своей решимости и в будущем жить без него. Не требует доказательств, что мы, чеченцы, со времен пророка Нуха (а.с.с.) сохраняем и отстаиваем один и тот же образ жизни, заповеданный Всевышним через всех Своих пророков, и окруженные со всех сторон модернизмом, мы остаемся последним оплотом истинного традиционализма. Наша миссия — возродить во всей его полноте и завершенности справедливое общество, естественный порядок без политики, соответствующий тому образцу религиозной общины, которую в Медине установил наш Пророк (а.с.с). Иначе говоря, наша миссия — возрождение истинной теократии. Именно поэтому во всей своей обозримой истории чеченцы вынуждены воевать за сохранение своей веры и традиционного образа жизни. Именно поэтому чеченцы оказались со всех сторон окружены "несправедливыми людьми". И именно поэтому мой народ страдает "страшными мучениями на этом пути".

Исходя из всего сказанного, нет сомнений в том, что разделившиеся на множество частей мусульмане, как бы они ни были уверены в истинности того исторического пути, по которому они следуют, или той политической точки зрения, которой они сегодня придерживаются, в объективном плане трагически ошибаются. Признавая суверенитет государственного или международного права, они придают Корану и Сунне "сотоварищей", а оправдывая это с помощью множества разных идеологий, они извечную истину подменяют политической хитростью и, получая через нее краткосрочные мирские выгоды, остаются довольными собой. Делают именно то, против чего Коран нас однозначно предостерегает: "В почитании Его других богов не призывайте, подобно тем, что разделили свою веру, в

секты обратясь, где всякая из них довольна своей долей" (Коран, 30:31). В отличие от них чеченцы не допускают никаких компромиссов между традиционными законами естественного права, отраженными в Коране и Сунне, и соблазнами прогресса, а закрытая совершенная система первоизданной нации не допускает возникновения никаких сект или партий. Общинное сознание, сохраняемое чеченцами, дает единственно правильный ключ к пониманию Корана и Сунны, их верной трактовки, а сама эта трактовка дает "новую жизнь" священным источникам исламской религии, позволяет чеченцам "обучать Корану и Сунне" тех, кто в погоне за "благами" прогресса и цивилизации отошел от общинных основ ислама, заблудился на кривых путях коллективизма и производного от него индивидуализма. Поэтому, возлагая все свои надежды только на религию Аллаха, вооружаясь только Кораном и Сунной, вливая в них новую жизнь, горстка чеченцев на своем маленьком клочке земли воюет и побеждает в столкновении с ядерной державой, охватившей своей территорией одну шестую часть земного шара, вооружившейся техногенным прогрессом, новейшими видами военной техники, всей мощью цивилизованного государства. Поэтому, трактуя традицию Единобожия как спасительную, непоколебимую догму и отвергая все инновации, производные от государства и политики, от культуры и цивилизации, от искусства и науки, как губительную ложь, они выступают за оздоровление земли и исцеление души, за сохранение своего образа жизни, и ради этих абсолютных ценностей, ради сохранения своего общинного образа жизни, готовы воевать и побеждать весь мир, жертвовать на этом пути имуществом и жизнью. Именно поэтому я не сомневаюсь, что из 73 частей уммы мой народ — это единственная часть, что идет по "пути прямому", что именно к нам относятся слова Корана: "Из тех, кого Мы сотворили, есть народ, который ведет истиной и ею творит справедливость", и что поэтому мы обязаны извечную традицию, хранимую в нашей нации со времен "первых отцов", осознавать как сакральное наследие всех народов мира, происшедших от пророка Ноя (а.с.с.) и его общины, как "ковчег завета", единственно способный спасти человечество от цивилизации, глобализма, от нового виртуального потопа.

Хадис Пророка Мухаммада (а.с.с.) убеждает в том, что нас ожидает помощь Аллаха. Я думаю, что эта помощь близка, так как все больше людей в Евразии, да и во всем мире, начинают понимать, что путь спасения в этой и в вечной жизни обозначен в девизе "спасение земли и исцеление души", что нужно не истреблять, а сохранять очаг традиционной жизни, который чеченцы защищают на своей земле. С исчезновением этого очага исчезнет живой образец неразрывного единства религиозных и национальных ценностей, установленных в завете, заключенном Всевышним с пророком Ноем (а.с.с.). В этом случае будет окончательно утерян спасительный для человечества ковчег завета — хранимые народом Ноя (Нох-чи) традиционные устои общественной жизни.

Сохранив общинное сознание, чеченцы не пытаются "подгонять" Священное писание к современности, свой образ жизни к международному праву, а признают только Божий суверенитет и сознают, что нужно соизмерять жизнь

во всех ее проявлениях только с теми образцами, которые показаны в Коране и согласно которым жили все пророки Всевышнего. Никто не вправе изменять эти устроенные Аллахом образцы; изменив их, мы изменяем Божьему закону: "Обрати же свой лик к религии верным, как ханиф — по устройению Аллаха, который устроил людей так. Нет изменений в творении Аллаха, это — вера прямая, но однако большинство людей не знает!" (30:29). Поэтому — и это важно подчеркнуть — сегодня только чеченцы, обладая общинным сознанием, не испорченным индивидуализмом Запада или коллективизмом Востока, могут верно толковать Коран и Сунну и тем самым "дать им новую жизнь". Следовательно, у правоверных не должно быть никаких сомнений, что для всех народов Земли есть только два противоположных, несовместимых ориентира: или чеченцы, сохранившие естественную традиционную форму организации общественной жизни и натуральное хозяйство, что было когда-то присуще всем народам Земли, или американцы, дошедшие до такого состояния индивидуализма, что не могут уже существовать без искусственных государственных институтов, обеспечивающих функционирование сложной техноёмкой экономики. Это означает, что находящейся на распутье коллективистской России надо сделать свой выбор: община или индивид, Ведено или Вашингтон? Я — реалист и прекрасно сознаю, в каком мире мы живем. И я никого не призываю к разрушению государств революционным путем. Это привело бы к хаосу, поскольку в современном мире потеряны кровнородственные принципы общинности и понятия тайпово-тукхамной (родоплеменной) организации. Поэтому необходимо идти эволюционным путем, взяв ориентир на возрождение религиозных и национальных традиций, что уже явится революцией духа, ценностным переворотом, восстанием против культа золотого тельца, условием спасения и в этой, и в вечной жизни. Прежде всего народы, примыкающие к центру Евразии — Кавказу, — славянские, тюркские и иранские, взяв ориентир на традиции "первых отцов", станут ядром союза православного Севера и исламского Юга, а затем и всеевразийской интеграции, могут объединиться против цивилизации Моря в Евразийской Конфедерации Авторитарных Государств. Чтобы эта цель не осталась утопией и была последовательно реализована, нужно верно определить необходимые средства. Очевидно, что они не могут быть заимствованы из идеологии модернизма или хотя бы заражены его вирусами: ценностями города, государства, потребительской цивилизации. Поэтому началом первого этапа на пути возрождения естественного порядка должен стать Евразийский Союз деревень, организованный по принципам Ганзейского Союза, но прямо противоположный ему по своей ценностной векторности. В противовес Ганзейскому Союзу и типологически близких ему городских лиг, начиная от Афинского морского союза, Евразийский Союз деревень должен ориентироваться не на море, а на горы в том смысле, что сухопутная деревня должна видеть в горной общине не только своего союзника в противостоянии с городским конгломератом, но и образец естественного общественного порядка. Только делая ставку на мужика, перенаправляя бюджетные средства из города на возрождение деревни,

только уходя от затрат на поддержание или строительство индустриальных гигантов, работающих на горожанина, и переходя на финансирование малых семейных аграрных хозяйств, способных производить естественную, экологически здоровую пищу в полной гармонии с землей, российское руководство сможет предотвратить развал "империи" и эффективно защититься от наступающего глобализма. Более того, это создаст нравственный плацдарм для эсхатологической победы над цивилизацией золотого тельца.

Завершающим этапом, к которому приведет возрождение деревни и углубление традиционализма, будет окончательная замена парадигм системной открытости и неопределенности на парадигму системной закрытости и возрождение на базе Евразийской Конфедерации Авторитарных Государств традиционного общественного порядка в форме Евразийского Общего Дома, в котором субъектами будут уже не государства, а народы, живущие общинами, по своим традициям. Это — путь к воссозданию общины нашего Пророка (а.с.с), в которой все родоплеменные нации и конфессии могли бы жить в мире и согласии в рамках подлинной Организации Объединенных Наций, основанной не на международном праве, а на естественном законе, со штаб-квартирой не в самом материально преуспевающем портовом городе мира (Нью-Йорк), а на родине пророка Ноя или, как говорит Коран, Нуха (а.с.с), которую на чеченском языке назовем Нохчи-Латта-Ислам ("Исламская земля потомков Нуха" или, что тоже самое, "Нухитская земля ислама"), в точке отсчета всего человечества, в Центре Мира — самом аскетическом из всех горных аулов Кавказа (Ножай-Юрт). И может быть, сегодняшняя конференция является первым шагом к реализации этой спасительной и богоугодной цели. Исходя из всего сказанного выше, я предлагаю следующий проект мирного соглашения:

Проект договора

Война на Северном Кавказе вызвана тем, что Россия пыталась политическими средствами решить геополитические задачи: укрепление своего контроля над ресурсами всего Кавказа, развитие геополитической экспансии на юг - к Ирану. Чеченцы стремятся к самоопределению на основе Веры отцов на Земле отцов. Столкновение этих устремлений при отсутствии общей ценностной платформы установления компромисса вызвало развязывание кровопролитных вооруженных столкновений, влекущих огромные разрушения и жертвы с обеих сторон. Столкнувшись с сопротивлением целого народа, обладающего единой волей к самоопределению, Россия, даже при подавляющем численном превосходстве вооруженных сил, оказывалась перед невозможностью закончить войну обычными военно-политическими средствами.

В этой ситуации у России есть три варианта действий — вести войну бесконечно, применить оружие массового поражения, или начать мирные переговоры. Непрерывная война явно не позволит России реализовать свои геостратегические интересы на Кавказе. Применение оружия массового поражения неизбежно приведет к тому, что подавляющее большинство

республик бывшего СССР, и прежде всего кавказские республики, пожелают укрыть себя под щитом НАТО. А это прямо противоположно геополитическим интересам России. Следовательно, переговоры — единственный выход для России. Однако двухсторонние переговоры на политическом уровне ничего не дадут, так как субъектами политических переговоров могут являться только политические образования, под статус которых традиционная чеченская нация в силу своей родоплеменной общинной структуры не подпадает. На конфедеративном уровне переговоры могут иметь успех лишь в том случае, если их объектами являются государства авторитарного типа с традиционалистской идеологией, к числу которых Чечения также не относится. Поэтому успех российско-чеченских переговоров возможен лишь при проведении их на фундаментальном, ценностном уровне, что впервые в истории стало возможно по причине ориентированности России на религиозное и национальное возрождение. С целью прекращения войны и начала мирного процесса, инициаторами переговоров должны выступить представители тех сил, которые с обеих сторон могут гарантировать выполнение достигнутых соглашений. Такой силой в России является Президент РФ при поддержке Государственной Думы, а в Чечении — Национальный Лидер (Президент ЧРИ) при поддержке старейшин кровнородственных кланов.

Исходя из всего вышесказанного, предлагаю следующую основу для заключения договора о мире и партнерстве:

1. За правовую основу для переговоров, в качестве основополагающего принципа мира необходимо принять признаваемый всеми истинно верующими народами, святой Божий закон — Священное Писание;
2. Парламент России, опираясь на Конституцию РФ и духовный авторитет православной церкви, может уполномочить Владимира Путина подтвердить действительность мирного соглашения от имени российского народа и гарантировать его выполнение клятвой на Библии.
3. Старейшины нухитских кровнородственных общин (варов) могут обеспечить роспуск незаконных вооруженных формирований путем отзыва из них своих родственников, клятвой на Коране вывести их из-под защиты закона кровной мести в случае неподчинения и уполномочить Аслана Масхадова подтвердить от имени нохчи действительность мирного соглашения и гарантировать его выполнение клятвой на Коране.

Мирный договор, заключенный по такой формуле, ляжет краеугольным камнем в основании будущего евразийского порядка. Благодарю за внимание! Аллаху Акбар!

*Выступление Александра Аугина
лидера Политсовета ОПОД "Евразия",
Председателя "Центра Геополитических Экспертиз"*

Ислам и геополитика

Мы не случайно устроили нашу конференцию в это время. Идея ее проведения вызревала долго. Мы провели много встреч с лидерами российского и зарубежного ислама, неоднократно были в Кавказском регионе. Инициатором и горячим сторонником проведения этой конференции выступил присутствующий сегодня среди нас лидер чеченского движения "Лотта Нохчи Ислам" Хож-Ахмед Нухаев, который так же, как и мы, является приверженцем евразийского решения Кавказской проблемы, развивает евразийство в политической теории и практике на Кавказе.

Сегодня налицо определенный вакуум идей в нашей международной политике. Внешнеполитическая доктрина России сейчас концептуально представляет собой как бы "мысль переходного периода". Поэтому именно сейчас крайне важно выработать некоторые фундаментальные стратегические рекомендации, основанные на серьезных научных, геополитических, богословских, этнологических подходах, для того, чтобы задать определенные ориентиры в том сложном, постоянно меняющемся мире, в котором живет сегодня Россия. Существует множество новых вызовов, с которыми сталкивается сегодня российское руководство. Об этих вызовах говорил в своем глубоком и содержательном докладе уважаемый Талгат Таджуддин, об этих вызовах сказано в приветственном письме Геннадия Николаевича Селезнева. Вызовы эти имеют новую природу. Что на них может ответить Россия? Можно сказать, что пока (возможно, это исторически обусловлено) у российского руководства ясного представления об этом нет. Отсюда и некоторая непоследовательность наших внешнеполитических шагов.

Совершенно очевидно, что мы ориентированы на многополярный мир и на сохранение за собой статуса великой державы. Однако, наши конкретные шаги там, где речь идет об определении геополитических интересов, страдают определенной хаотичностью. Очень показательна в этой связи то, как у современной России складываются отношения с исламскими государствами и какую политику российское руководство проводит в отношении ислама внутри страны. Целесообразно проанализировать это с точки зрения своего рода "фундаментальной" или, если хотите, "глубинной дипломатии" (по аналогии с "психологией глубин").

В современном "международном мышлении" у российского руководства существуют три основные тенденции.

Первая — инерционная модель "советского" отношения к окружающему миру. Это понятно, поскольку большая часть наших руководителей работала в различных советских учреждениях. Неудивительно, что у них сохранилась устойчивая тенденция рассматривать мировую ситуацию в тех же "советских" парадигмах. В случае отношений России со странами исламского мира это означает поддержку стран модернистского и

нефундаменталистского, "социально ориентированного" ислама, главным образом, арабских стран "исламского социализма" — Ирака, Ливии, Сирии, в свое время Египта.

Вторая тенденция складывалась в российском МИДе в период "либеральных реформ". Тенденцию эту можно определить как "последовательный атлантизм". Россия как бы добровольно устранила себя в качестве активного игрока с мировой арены, предпочитая целиком следовать в фарватере американской внешней политики. Подчеркну: именно американской, а не просто "западной", так как однополярный мир "по-американски" не оставляет за Европой права на собственную субъектность. Значение России при этом сводится к исполнению роли "коспонсора" там, где ей укажут ее выполнять. Тенденция эта (проявившаяся, например, в некотором охлаждении отношений России с некоторыми "странами-изгоями", как их называют американцы, в том числе с некоторыми арабскими государствами) сейчас также уходит в прошлое.

На смену первым двум тенденциям приходит третья — евразийская международная доктрина многополярного мира, которая учитывает совершенно новую международную ситуацию и основные геополитические закономерности. Эта доктрина набирает силу, к ней все в большей и большей степени проявляют интерес представители российского руководства. Ее черты очевидны во многих последних внешнеполитических шагах Президента Путина, евразийским следует признать и курс на построение многополярного мира. Однако об окончательной победе евразийской модели говорить пока еще рано...

Особое внимание следует уделить концепции многополярного мира. Многополярный мир — это то, чего еще никогда не было. Это не двухполярный мир периода "холодной войны". И не однополярный мир, который предлагают атлантисты проамериканской ориентации. Многополярный мир — это синоним евразийской международной политики. Пока доктрина многополярного мира находится в стадии становления. Главы дипломатических представительств многих исламских государств в процессе подготовки нашей конференции высказывали обоснованные упреки в отсутствии у России ясной, последовательной политики в отношении исламского мира. Но я глубоко убежден, что сама логика событий поддержит процессы формирования международной евразийской платформы, которая, на мой взгляд, и является единственным инструментом (в том числе и концептуальным), способным дать адекватные ответы на вызовы, которые бросает нам время.

Яркий пример применения евразийского подхода в отношениях России с исламскими государствами — резко активизировавшиеся российско-иранские отношения.

Если оценить развитые отношения с арабскими странами "исламского социализма" как элемент "советской инерции" в российской внешней политике, а отказ от конструктивного сотрудничества с исламскими государствами — как рудимент реформаторско-либерального десятилетия (которое, к счастью, закончилось или заканчивается), то российско-иранский

диалог — свидетельство возникновения у России самостоятельного курса, базирующегося на идее многополярного мира и отвечающего ее собственным национальным интересам.

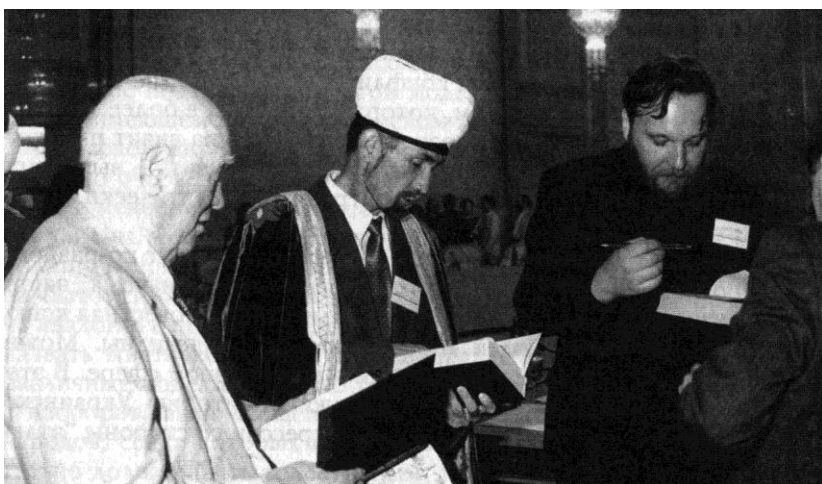
Указанные три элемента (в той или иной комбинации) влияют сейчас на российскую международную политику. Если об этом помнить, станут понятны многие неоправданные или ошибочные действия российского руководства последнего времени. Однако я глубоко убежден, что сейчас, с новым Президентом, который объективно оценивает мировые реалии, процесс обретения российской внешней политикой своего "евразийского лица" будет очень быстро набирать ход.

Модель евразийской внешнеполитической доктрины теснейшим образом связана с геополитикой и основана на четких геополитических принципах. Следует учитывать, что геополитика — это не просто международная политика, учитывающая силовой фактор, как это иногда представляется людям, не слишком компетентным в этой дисциплине. У геополитики есть достаточно развитая методология. Наука эта довольно динамично развивается. Например, в американском стратегическом сознании в последние десятилетия она доминирует. Скажем, книга Збигнева Бжезинского "Великая шахматная доска" заслуживает самого пристального внимания (хотя некоторые американские политологи утверждают, что она отражает мнение лишь части американского истеблишмента). В США человек, некомпетентный в геополитической методологии, принципиально не может занимать серьезные стратегические посты. Я надеюсь, что в скором времени России в этом отношении "догонит" Америку, так как без геополитического мышления мы не сможем понять тот сложный мир, в котором мы находимся.

Геополитическое мышление связано с определенным дуализмом — с представлением о том, что существует два типа цивилизаций: "цивилизации моря" и "цивилизации суши" или, иными словами, цивилизации евразийские (связанные с сушей), и цивилизации атлантистские (связанные с морем). Этот цивилизационный дуализм проявлялся и в Пунических войнах между Карфагеном и Римом, и в противостоянии между Спартой и Афинами, и в единоборстве между традиционно сухопутной Россией и морской Англией, а в середине XX века — в противостоянии СССР (и его союзников), с одной стороны, и США и НАТО, с другой.

Мировая история подтверждает существование двух цивилизационных типов, которые на разных уровнях, в разных социальных моделях, в разном идеологическом оформлении, в разных политических обертках составляют определенные константы мировой истории, связанные с качественным пространством. Это основной закон геополитики. Если мы его признаем, если мы начинаем видеть международную ситуацию в геополитических категориях, у нас возникает совершенно новая система координат, уже не связанная ни с идеологией, ни с какой-то конкретной религией, ни с какой-то определенной формой политического правления. Геополитика привносит свой индекс и в политическую модель (поскольку существует, например, и

евразийская, и атлантистская демократия), и в культурные парадигмы, и в религию.

*Александр Дугин, лидер политсовета ОПОД «Евразия»,
Председатель «Центра геополитических Экспертиз»*

Возможно, это самое сложное — увидеть, что принципы геополитики действуют и в такой глубокой и тонкой сфере, как религия. Тем не менее это так.

Если мы вспомним историю христианской Церкви, то мы получим блестящую и, пожалуй, самую очевидную иллюстрацию принципа геополитического дуализма.

Единая христианская традиция, ставшая официальным вероисповеданием Римской империи при Константине Великом, исторически разделилась на два направления: православное, восточное, которое можно назвать евразийским направлением в христианстве (это, возможно, объясняет интерес к геополитике со стороны иерархов Русской Православной Церкви), с другой стороны — "атлантистское христианство", воплощенное в католицизме и протестантизме. Вроде бы изначально имели место лишь

небольшие отклонения и погрешности в формулировке христианских догматов. Внешне они выглядели даже менее значительными, чем отличия в обрядах между некоторыми Поместными Православными Церквями. Тем не менее, налицо цивилизационный конфликт между христианским Западом и христианским Востоком, который длится уже более 1200 лет. Поэтому, когда Патриарх болезненно реагирует на визит римского папы на Украину, следует учитывать, что этот визит — вызов православной геополитике, вызов нашим границам. Фактически это акт геополитической агрессии...

В различных структурах нападение, агрессия выглядят по-разному. В военной сфере — так, в личных отношениях — иначе, а, например, в бизнесе агрессивный маркетинг или недобросовестная конкуренция для внешних людей вообще далеко не очевидны. Можно говорить и о специфической агрессии в религиозной сфере. В этом отношении визит папы на каноническую территорию Украинской Православной Церкви — типичный акт агрессии со стороны "атлан-тистского христианства"...

Так геополитический индекс применительно к одной и той же религиозной традиции дает абсолютно разные цивилизационные модели. Одни — воплощающиеся в российском обществе, в восточно-европейской цивилизации, другие — в западной. И между ними, несмотря на общую христианскую подоплеку, нет, по большому счету, ничего общего.

Исходя из критериев такой "глубинной" геополитики, можно определить то, что можно назвать сухопутным, или евразийским началом в религии. В самом общем виде это можно назвать традиционалистским отношением (подразумевающим созерцательность, погруженность во внутренние, мистические аспекты). Эти черты отличают и Русское Православие. Значительно меньше внимания там уделяется бытовым, бытоустроительным вопросам. Несоответствие восточного христианства западному замечательно проиллюстрировал великий православный мыслитель Федор Михайлович Достоевский в своей "Легенде о Великом инквизиторе", остро пародирующей римский католицизм и вообще западную "атлантистскую" модель.

Таким образом мы можем говорить о том, что и в религии существует определенный геополитический, очень тонкий, созерцательный, евразийский подход, дающий открытую, глубинную евразийскую традицию, воплощенную в Великом Православии. С другой стороны — бытоустроительная тенденция "атлантистского христианства", которая через католицизм приводит к протестантизму, в котором фактически всякое духовное измерение исчезает, уступая место представлению о наилучшей организации земной жизни. Аналогичная модель геополитического индекса может быть применена и к другим религиям. Абсолютное сходство, абсолютное стратегическое подтверждение этой модели мы обнаруживаем и в дуализме, имеющем место в исламском мире...

В исламском мире существует свой геополитический дуализм. Он не так ясно очерчен, не так явно выражен, как в случае христианства. Тем не менее, если использовать тот же типологический критерий, мы увидим, что существует специфический евразийский ислам (глубокий, созерцательный, мистический,

не акцентирующий внимание на бытоустроительных аспектах бытия). Евразийским исламом — по аналогии с православием как евразийским христианством — можно назвать мистическое шиитское направление, все формы суфизма, различные модели исламского традиционализма (не исключаящего, а наоборот, включающего в себя аспекты духовной практики тех народов, среди которых ислам утвердился). Такой ислам не обязательно должен быть толерантным, гуманным. Но это именно евразийский ислам — глубинный, заведомо несущий в себе принцип многополярности, так как любая подлинная духовность предполагает не окончательную решенность внешних рациональных проблем.

А там, где вопросы жизнеустройства остаются в некоторой степени открытыми, не существует тоталитаризма.

Евразийское православное христианство — это христианство антитоталитарное, христианство, которое позволяет осуществляться многоголосию, гласолалии Поместных Церквей, христианство открытое и созерцательное.

Точно таким же открытым, созерцательным, многополярным, анти-тоталитарным и традиционным является евразийский ислам. Ему, в свою очередь, противостоят крайние формы ханбалитского мазхаба, из которых возник ваххабизм, а также еретические модели ханафитского мазхаба, которые воплощены в учении секты "Таб-лик" и других салафитских или ихванских (как их называют некоторые историки) движений.

Этот ислам является атлантистским по своей внутренней природе, так же, как атлантистскими являются западные формы христианства. Он так же игнорирует Божественную часть в человеке, так же отказывается от созерцания, от многополярности, навязывает всем одномерную, плоскую, чисто ритуалистскую, примитивную практику. Не случайно именно государства, в которых исповедуется такой "протестантский", "атлантистский" ислам, ищут себе геополитических партнеров в представителях такого же протестантского "атлантистского христианства". Сегодня мы являемся свидетелями этого на первый взгляд парадоксального, но на самом деле абсолютно логичного и обоснованного единства.

Я не мусульманский богослов — я не могу судить об исламе изнутри. Я говорю как геополитик, четко различающий определенные закономерности. Я не берусь утверждать, является ли тот или другой ислам традиционным или нетрадиционным, еретическим или ортодоксальным. Для этого существуют уважаемые муфтии, богословы с мировым именем. Этот вопрос находится в их компетенции. Я говорю как геополитик. И как геополитик я берусь утверждать, что мы можем зафиксировать существование двух различных типов ислама, которые можно условно назвать "евразийским" и "атлантистским". И можно с уверенностью говорить о том, что именно евразийский, многополярный ислам — естественный союзник православной евразийской России.

Концепция евразийского ислама мне представляется очень продуктивной, поскольку, в принципе, она не настаивает на тех или иных политических или догматических установках, она лишь обращает внимание на дух того

исламского общества, с которым мы имеем дело. И если этот дух традиционный — нам следует относиться к такому исламу как к естественному союзнику. То есть Россия в своем новом качестве должна искать стратегических партнеров среди народов исламской уммы евразийской ориентации. Именно из такого подхода мы можем сделать много важнейших выводов относительно того, какой должна быть российская внешняя политика по отношению к исламскому миру по мере укрепления и развития в ней евразийских тенденций. И речь здесь идет не просто о христианско-исламском диалоге, а о стратегическом партнерстве традиционных евразийских конфессий...

Кстати, подобный геополитический дуализм существует и в буддизме. Буддизм Хинаяна — Малой Колесницы — представляет собой образец "атлантистского буддизма", а буддизм Большой Колесницы — Махаяны, Ваджраяны — традиционный чань-буддизм, тибетский буддизм. Буддизм, распространившийся в Японии, на Дальнем Востоке представляет собой евразийскую модель. То есть геополитический дуализм применителен, ценен, эффективен и здесь. В заключение я хочу сказать, что для того, чтобы евразийская идеология и геополитика развивались, мы должны не только их теоретически разрабатывать, но и всячески способствовать применению евразийских наработок в конкретной политической практике (чем я лично занимаюсь последние 15 лет).

Я глубоко убежден, что такой, с одной стороны, обобщающий, с другой, достаточно конкретный подход, каким является геополитическая евразийская модель, может решить очень много проблем. Именно евразийская геополитика позволит нам выстроить непротиворечивую модель отношений России с исламским миром, поможет консолидировать и укрепить российский, традиционный, евразийский ислам, укажет на него как на важнейшую составную часть, одну из стержневых основ евразийства, которое, в свою очередь, является важнейшей стратегической перспективой развития России. Евразийская методология обладает огромным количеством инструментов для того, чтобы отношения между Россией и исламским миром развивались непротиворечиво, гармонично, неконфликтно, следуя очень серьезной, фундаментальной логике, в гармонии с общемировыми процессами. И мы обязательно должны ими воспользоваться.

*Выступление о. Иоанна,
архиепископа Белгородского и Старооскольского,
Председателя Миссионерского Отдела РПЦ*

Угроза религиозного экстремизма для традиционных конфессий России

Деятельность тоталитарных сект и разного рода экстремистских групп под религиозным прикрытием - общая и для православных, и для российских мусульман беда. Этой проблемой, в частности, занимается Миссионерский Отдел, который я возглавляю. На этом поприще мы давно и плодотворно сотрудничаем с уважаемым Талгатом Таджуддином. Проблема действительно стоит сейчас крайне остро, и решить мы ее можем только совместными усилиями.

Есть основания полагать (и конец XX века это показал), что XXI век будет веком появления множества новых религиозных движений. Чаще всего это будут религии тоталитарного свойства. И успех этих тоталитарных религиозных движений будет своеобразным ответом, уродливым искаженным ответом на процессы однополярной глобализации.

На переднем плане слева: Шейх-уль-Ислам Талгат Таджуддин, Верховный Муфтий России и Европейских стран СНГ, Председатель ЦАУМ; в центре: о. Иоанн, архиепископ Белгородский и Старооскольский, Председатель Миссионерского Отдела РПЦ; о. Антоний, сотрудник Секретариата по взаимодействию Церкви и общества Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата РПЦ.

Когда глобализация связывается с неким унифицированным подходом к человеческому сообществу, лишаящим людей их собственных религиозных традиций, отрицающим их самобытность, у них возникает естественное желание как-то защититься. Но когда люди не знают как следует собственной религиозной традиции (тому, возможно, есть объективные причины), они становятся легкой добычей "ловцов душ", далеких от религии и от Бога, использующих религиозный антураж для решения своих политических, как правило, агрессивных, экспансионистских задач.

И здесь главную роль начинают играть деньги. Мы с этим столкнулись на примере тоталитарных псевдохристианских сект. Тот же процесс можно наблюдать и в мировом исламе. Не случайно центр религиозного

экстремизма в исламе находится в странах, обладающих большими нефтяными, газовыми запасами, где концентрация капитала особенно значительна.

Вообще стремление к захвату финансовой и политической власти - характерная черта сектантского сознания. Можно привести пример сайентологов. То же самое можно сказать и про насквозь политизированную "исламскую ересь", называемую "ваххабизмом". Эти явления не имеют ничего общего с истинным религиозным сознанием. К решению проблем, связанных с политическим экстремизмом, имеющих религиозную окраску, у нас с российскими мусульманами одинаковые подходы. И такие конференции, как сегодняшняя, должны ответить на один из главных вопросов: как объединить усилия всем тем, кто истинно верует, не подменяя религиозного сознания политизированными целями? Ведь это наша общая беда. Страдают и гибнут и православные, и мусульмане. Среди исламского духовенства есть уже мученики антиваххабитской борьбы. Таким мучеником, например, является муфтий Саид-Мухаммед Абубакаров, глава Духовного Управления мусульман республики Дагестан, который был убит в результате террористического акта в Махачкале 21 августа 1998 года. И этот мартиролог можно продолжать и продолжать.

Вообще терроризм и религиозный экстремизм тесно связаны. Достаточно сказать, что скандально известный террорист Карлос "Шакал" активно сотрудничал с террористическими организациями с исламской окраской. И это далеко не единственный пример. Наш информационно-аналитический центр обладает большим объемом информации на эту тему.

Надеюсь, что эта конференция поможет дальнейшему развитию сотрудничества между православными и российскими мусульманами. Нам угрожают одни и те же опасности, и эффективно противостоять им мы можем только объединенными усилиями.

Талгат Таджуддин:

— Большое спасибо, владыка Иоанн. Я, со своей стороны, хотел бы обратить внимание всех здесь присутствующих на прекрасные слова владыки Иоанна о мученике борьбы за традиционный ислам, борьбы против ваххабизма, Сайде-Мухаммеде Абубакарове. Он погиб, как истинный шахид, борясь против всех тех негативных явлений, о которых уже упоминалось и о которых мы будем сегодня говорить.

*Выступление о. Антония,
сотрудника Секретариата по взаимодействию
Церкви и общества Отдела внешних
церковных сношений Московского
Патриархата РПЦ*

Традиционные конфессии и угрозы глобализации

Уважаемые участники конференции! Я хотел бы поприветствовать всех собравшихся от имени Его Высокопреосвященства Митрополита Кирилла, который, к сожалению, по независящим от него причинам не смог присутствовать на конференции, хотя, насколько мне известно, очень хотел. Я ему, безусловно, подробно расскажу о нашей работе и познакомлю Владыку с ее итогами. Хотелось бы также поблагодарить, во-первых, организаторов этой конференции, само название которой верно артикулирует проблему. Действительно, та угроза, которую люди некомпетентные зачастую называют "исламской", на самом деле угрожает самому исламу. Более того, я думаю, что здесь можно говорить об угрозе всему авраамическому монотеизму со стороны разного рода "новых версий" традиционных религий и откровенно тоталитарных сект, которые послушно выполняют тот или иной идеологический заказ. Есть основания полагать, что подобная угроза актуальна и для иудейской общины. Одним словом, угроза эта, этот вызов всем нам нами принят и мы, как об этом сказал досточтимый Талгат Таджуддин, должны на него ответить. Надеюсь, что наша конференция поможет поиску этих ответов.

Говоря об опасностях сегодняшнего дня, мы не можем не сказать и о процессе однополярной глобализации. Безусловно, следует разделять глобализацию как объективный процесс экономической, информационной и иной интеграции, и глобализацию как агрессивную, претендующую на универсальность идеологию. Это не тождественные вещи, и мы должны помнить, что никакими ссылками на объективность происходящих процессов нельзя оправдать замену своей духовной и культурной идентичности новым либеральным цивилизационным стандартом. В этом случае мы не только потеряем себя - на наше место придут другие: те, чью деструктивную разрушительную роль мы здесь с вами обсуждаем. Религия есть восстановление связей. И те, кто разрушает веками нажитые, наработанные связи человека с человеком, человека с самим собой, в конце концов разрушает и связь человека с его Творцом. То есть лишает нас самого главного, "единого на потребу". И чтобы активно и успешно противостоять этому злу, мало просто осознавать опасность — необходимо активно раскрывать богатства, которые в изобилии содержатся в духовных традициях, которыми мы обладаем.

Разрешите от имени митрополита Кирилла и от себя лично выразить надежду, что идеи и подходы к разрешению острых проблем, стоящих перед нами, предложенные на конференции, будут иметь продолжение в серьезных совместных проектах.

Экстремизм — исламский или ваххабитский?

Выражение "исламский (или мусульманский) экстремизм", употребляемое как в средствах массовой информации, так и в научных сочинениях, вызывает протесты мусульман России, других постсоветских государств. При этом спора нет по вопросу о квалификации деяний — например, террористических актов или других актов насилия, — как экстремистских. Исламская общественность протестует против употребления прилагательного "исламский" или "мусульманский" в указанном выражении. Логика протестующих проста и понятна. Ислам есть религия мира, милосердия, высокой духовности, и никакого отношения к исламу не может иметь ни один акт насилия, убийства невинных людей и т.п. Некоторая часть ученых и политиков тоже склонна полагать, что проявления экстремизма, называемого "исламским", не имеют отношения к исламу. Логика здесь следующая. Эти проявления — реакция на некие раздражители, например, на социально-экономический кризис. А экстремисты исламом только прикрываются, "маскируются", нередко — чтобы как-то оправдать свои преступления. Нельзя не сказать и о том, что есть и такая позиция — некоторое количество ученых и политических деятелей как в России, так и за рубежом, утверждает, что экстремизм присущ исламу, и выражение "исламский экстремизм" употреблять правомерно. Наконец, существует своего рода примиряющая точка зрения — всякой религии свойственны-де отдельные экстремистские проявления в какие-то периоды истории, поэтому будем говорить об исламском экстремизме, не забывая при этом, что возможен и христианский экстремизм, и иудейский экстремизм, и буддийский экстремизм. Будучи вынесенными в сферу массового сознания, все эти интерпретации находят своих сторонников, в дальнейшем оказывают свое возвратное воздействие на ученых и политиков, и крайне затрудняют поиск истины.

Предлагаемая парадигма разрешения этой коллизии заключается, как мне представляется, в том, чтобы вести речь не об исламском экстремизме, а о ваххабитском экстремизме.

Обоснование этой позиции могло бы быть осуществлено на пути решения нескольких исследовательских задач.

Первое. Выяснение причин возникновения в арабских странах с начала 70-х гг. однозначно экстремистских группировок типа "Джихад", "Исламская группа", "Обвинение в неверии" (Такфир) и т.д. Характерной и, что важно подчеркнуть, ранее не присущей исламскому движению приметой этих группировок была не только оппозиционность по отношению к властям, но и враждебность по отношению ко всем мусульманам, которые были с этими группировками несогласны. Мусульмане провозглашались неверными (такфир), и против них объявлялся джихад. Повторяю: против мусульман, несогласных с членами этих экстремистских группировок. Наиболее характерные примеры — Египет, Сирия, Алжир. Идеология этих

группировок была и до сих пор остается (например, в Алжире) ваххабитской, т.е. занесенной извне, из-за границ Египта, Сирии, Алжира и других стран.

Важно отметить, что не только арабские страны, но и мусульманские регионы Советского Союза с начала 70-х гг. стали объектом проникновения со стороны ваххабизма.

Внедрение ваххабизма осуществлялось в ходе широкомасштабных операций, разработанных и осуществлявшихся Соединенными Штатами и их союзником — Королевством Саудовская Аравия. Конечной целью этих операций было, с одной стороны, воспрепятствовать советскому проникновению в арабские страны, с другой — дестабилизировать ситуацию в мусульманских регионах Советского Союза. Апогей этого процесса — создание ваххабитского экспедиционного корпуса на территории Афганистана в ходе афганской войны и после нее, т.е. в 1979-91 гг., превращение территории Афганистана в рассадник ваххабизма для всего исламского мира. Второе. Выяснение той роли, которую ваххабизм и ваххабитские центры сыграли в период после "холодной войны" — в Боснии и Герцеговине, в Косово, Чечне, Дагестане, Узбекистане, Таджикистане, Киргизии, Синьцзяне (Китай), не забывая об Афганистане. (В Афганистане сформировался ваххабитско-талибский альянс, ударные силы которого, с одной стороны, реализуют ваххабитский социально-политический проект, а с другой — превращают оккупированную территорию Афганистана в плацдарм для идеологической, политической и территориальной экспансии ваххабизма.) Прослеживается стремление ваххабитских центров в период после "холодной войны" превратить какую-то часть перечисленных выше регионов в территориальные форпосты ваххабизма. Процесс сопровождается по сути дела религиозными войнами, что важно подчеркнуть — против мусульман. Ярчайший, но не единственный пример — вторжение с территории Чечни в Дагестан дагестанских, чеченских и арабских ваххабитов.

Третье. Необходимо прояснить соотношение между исламом и ваххабизмом. Сами ваххабиты утверждают, что они — не ваххабиты, а мусульмане или салафиты, сторонники возвращения к первоначальному исламу времен Пророка Мухаммада и его сподвижников. Однако беспристрастный анализ демонстрирует отличия ваххабизма от традиционного ислама. Среди этих отличий — принцип такфир, т.е. провозглашения неверными и вероотступниками всех мусульман, которые не согласны с ваххабитами. Еще одно отличие — обязанность вести джихад против всех неверных, т.е. мусульман, несогласных с ваххабитами, против христиан, неверующих и т.д. При этом джихад трактуется как исключительно вооруженная борьба. Игнорируется восходящее к Пророку Мухаммаду разделение на Великий и Малый джихад, где Великий, т.е. главный джихад — нравственное самосовершенствование самого мусульманина. С самого начала своего возникновения в XVIII веке ваххабизм встречается с обвинениями со стороны мусульман в том, что он — ересь (по-арабски "бида"), а ваххабиты — еретики ("мубтадиа"). Не представляет особого труда определить ваххабизм. Это — учение, разработанное в XVIII в. на Аравийском

полуострове религиозным реформатором Ибн-Абд-аль-Ваххабом с использованием подвергнутых селекции, т.е. отбору положений ислама, и с адаптацией их к условиям бытия племенных элит полуострова. Это — учение, принятое в настоящее время официально в Королевстве Саудовская Аравия. Наконец, это — учение, распространяемое официальными органами, национальными, а также международными общественными (неправительственными) организациями, контролируемые Королевством Саудовская Аравия, за пределами королевства. Отмечу специально, что власти Саудовской Аравии прекрасно понимают, что ваххабизм — особая форма ислама. Они называют его "шариатскими и аравийскими науками" (аль-улюм аш-шарийя ва-ль-арабийя) — как это сделано в распространяемых на русском языке саудовских изданиях.

Чтобы не быть голословным, приведу конкретный пример. Возьмем книгу "Программы по изучению шариатских и аравийских наук" (в русском переводе названия книги слово "аравийских" опущено), подготовленную научной комиссией Института имамов и проповедников Министерства по делам Ислама, вакфов, призыва и ориентации Королевства Саудовская Аравия, переведенную и опубликованную на русском языке Российским Фондом "Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим" (третье издание, Москва, 1999 г.). В разделе "Введение к вопросу о вооруженной борьбе с позиций ислама" джихад определяется следующим образом. "Джихад — это высшее проявление ислама, как сообщил об этом посланник (имеется в виду Пророк Мухаммад, но соответствующие слова Пророка не приводятся. — А.И.). Он — горнило, в котором выплавляются мусульмане, и которое позволяет отличить скверного [мусульманина] от хорошего. Он также является пропуском в рай" (Раздел "Жизнеописание Пророка", стр. 21). Все содержание раздела (стр. 21-27) трактует джихад исключительно как вооруженную борьбу, которая является обязанностью мусульманина. При этом в книге на 420 страницах нет иной трактовки джихада, во всех случаях речь идет только об обязательной для мусульманина вооруженной борьбе. Книга дает разъяснение относительно того, каковы цели джихада. Среди них — "вооруженная борьба во имя того, чтобы слово Аллаха было превыше всего остального, а вся религия была целиком посвящена Аллаху" (стр. 21), т.е. одна из целей джихада — вооруженная борьба ради преодоления других религий. Среди этих целей — "вооруженная борьба с врагом, воюющим или *намеревающимся* (выделено мной. — А.И.) воевать с мусульманами" (стр. 22). Еще — "вооруженная борьба в поддержку ослабевших мусульман" (стр. 23). И еще — "вооруженная борьба с лицемерами" (стр. 23). Правда, в книге есть оговорка о том, что "вооруженная борьба — это последнее средство, к которому прибегают мусульмане". Но разъяснение этой оговорки демонстрирует, что джихад — это всё-таки вооруженная борьба за установление (или восстановление) ислама, как его представляют ваххабиты, среди тех, кого книга называет "безбожниками": "Так, предводитель мусульман, повстречав безбожников, призывает их принять ислам. Если они откажутся, тогда им следует платить подушную подать, а иначе — вооруженная борьба" (стр. 25).

Враги ислама и мусульман — так называемые "неверные", "которых ненавидит Аллах" (Раздел "Хадисы и термины", стр. 91). Среди врагов — "многобожники" (многобожие "является таким грехом, который Аллах не простит", — раздел "Основы исламского вероучения", стр. 7), все те, кто характеризуется "неверием, многобожием и лицемерием" (Там же, стр. 53-61). Лицемеры (те, кто характеризуется "большим лицемерием") — это те, кто "выказывает приверженность к исламу и скрывает неверие" ("Основы исламского вероучения", стр. 7, 53-61), т.е. это мусульмане, которые скрывают (как это установить, не говорится) неверие. Кроме того, "неверными" книга провозглашает тех мусульман, кто "вводит какие-либо новшества в сферу религии" ("Хадисы и термины", стр. 21). К такого рода "неверным" отнесены, в частности, суфии ("Хадисы и термины", стр. 22). "Большими многобожниками" провозглашаются те, кто "приравнивает кого-либо в чем бы то ни было к Аллаху" ("Основы исламского вероучения", стр. 57). Многобожниками являются, по утверждению книги, иудеи и христиане — потому, что они "избрали могилы своих пророков местами для совершения молитв" (там же, стр. 66). Подобные люди, строящие церкви над могилами своих праведников и украшающие их иконами, "относятся к числу наихудших созданий перед Аллахом" ("Хадисы и термины", стр. 62). Иудеи и христиане объявляются в книге "неверными" (Там же, стр. 89). В круг, названный "враги ислама", книга однозначно включает "миссионеров (имеются в виду христианские миссионеры. — А.И.), востоковедов, коммунистов" (Раздел "Призыв", стр. 86). Я обращаюсь к цитированию этой книги по двум причинам. Во-первых, потому, что она подготовлена официальным саудовским органом (Министерством по делам Ислама, вакфов, призыва и ориентации КС А), т.е. она содержит официально одобряемое изложение ваххабизма, а во-вторых — потому, что она вполне доступна для каждого участника обсуждения. Она распространяется по всей России, в настоящее время ее можно приобрести в ряде книжных киосков в Москве.

Возьмем другую доступную нам ваххабитскую публикацию — одну из очень многих. Вот брошюра, изданная на русском языке Министерством по делам Ислама, вакфов, призыва и ориентации Королевства Саудовская Аравия, — "Необходимость соблюдения Сунны Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!) и признание безбожниками тех, кто отвергает ее", написанная бывшим верховным муфтием КСА Абд-аль-Азизом Бен Базом. Тут мы тоже найдем такое определение джихада, как "отстаивание интересов Аллаха вооруженным способом". Важно отметить, что, по логике автора и издателей, неприятие, т.е. отвержение такой трактовки джихада мусульманами превращает их в безбожников, т.е. всё тех же "неверных" — перечитайте название брошюры. Признание безбожниками (такфир от араб, слова "кафир", неверный) — один из главных постулатов ваххабизма. "...Нарушающий (трактуемые по-ваххабитски положения ислама. — А.И.) открыто или тайно должен знать, что он становится безбожником и должен ожидать возможного убийства или заключения его" (Указ. соч. С.35). Нельзя не обратить внимание на то, что в ваххабитской литературе постоянно

всплывает тема тайного, скрываемого неверия мусульман, которое является основанием для ваххабитского такфира и, соответственно, ведения вооруженного джихада против них. Это — прямое оправдание насилия против любого мусульманского сообщества, которое либо целиком, либо частично может быть обвинено в "тайном", "скрываемом" неверии — пусть даже эти мусульмане словом и делом следуют Корану и Сунне Пророка.

*Выступление
Председателя Координационного Совета
мусульман Северного Кавказа,
муфтия Духовного Управления Мусульман
Ингушетии шейха Магомеда Албогачиева*

Ислам — религия мира

Прежде всего, разрешите мне поблагодарить организаторов этой конференции лично от себя и от лица всего мусульманского духовенства Северного Кавказа. Тема сегодняшней Конференции очень актуальна. Люди должны знать, что такое ислам, к чему он призывает, в чем заключается его суть и исходит ли от ислама кому-либо угроза.

В Ингушетии, как и в Чечне, ислам основан на суфизме. Мне часто приходится слышать, что в конфликтной ситуации на Кавказе виноват ислам. Это не так. Конфликтная ситуация на Кавказе — следствие конкуренции основных политических сил в мире. И когда речь идет об исламе, необходимо понимать, что его просто используют, чтобы замаскировать свои подлинные цели, люди, не имеющие к исламу никакого отношения. Аллах ниспослал нам ислам, чтобы посредством его управлять жизнью отдельного человека, регулировать жизнь общества, а также для того, чтобы ислам стал светочем, озаряющим путь людей, выводящим их из мрака к свету. И то, что справедливые и гуманные принципы ислама оказались отодвинутыми в сторону, привело людей к лишениям и страданиям. Настоящий мусульманский лидер должен бороться за справедливость в мире, и за подлинное благочестие внутри себя. Ему следует вооружиться добродетелью, милосердием. Но те, кто развязывает войны, якобы во имя веры, несет людям разорение и смерть — не может считаться мусульманином. Все споры могут и должны решаться мирным путем. Все усилия верующих следует направлять на то, чтобы на земле воцарились мир и безопасность, справедливость, добро, честь и достоинство. Мусульманская концепция права закрепляет за всеми людьми их права, чтобы никто и ни в чем не был ущемлен. Честность, правдивость, целомудрие, богобоязненность, стремление к истине — все это в комплексе составляет моральный облик мусульманина. Ислам основан на братстве и уважении прав личности. Наша исламская честь обязывает нас относиться с глубокой симпатией, искренним сочувствием не только к мусульманам. Согласно Корану, ислам несовместим с нетерпимостью, недоброжелательностью в отношении немусульман. Мусульманин должен быть для людей образцом благонравия, праведности, чести, радушия, привлекать их сердца чистотой своих принципов, основанных на истиной справедливости. В Коране говорится: "Не дает вам Аллах запрета на тех, кто не сражался с вами из-за вашей религии, не изгонял вас из ваших жилищ. Вы не должны быть несправедливыми к ним, ибо Аллах любит справедливых. А дает вам Аллах запрет на тех, кто сражался с вами из-за вашей религии, гнал вас из ваших жилищ или содействовал вашему изгнанию, чтобы вы не брали их в друзья, ибо они нечестивые".

Председатель Координационного Совета мусульман Северного Кавказа, муфтий Духовного управления мусульман Ингушетии шейх Магомед Албогачиев.

К "людям Писания" — евреям и христианам — независимо от того, живут они среди мусульман или нет, у мусульман особое отношение. Коран указывает, что по происхождению они люди "небесной религии", между ними и мусульманами особое родство и близость. А значит, у религиозного противостояния между конфессиями в России нет никаких оснований. К сожалению, разговоры об исламской угрозе, которые муссируются СМИ и среди некоторых безответственных руководителей (даже на федеральном уровне) приводят к тому, что теперь даже школьник в каждом мусульманине видит потенциального экстремиста или террориста. Так не должно быть. Надеюсь, эта конференция поможет нам в этом отношении многое исправить.

Хочется отдельно сказать о суфизме, который является основой ислама на северном Кавказе. Это особое аскетическое течение в исламе. Первыми суфиями считали аскетов, которые были сподвижниками Мухаммеда (да благословит его Аллах и приветствует). Но наибольшее развитие суфизм получил в VI-IX вв., когда проповедники ислама стали обучать верующих очищению души от мирской скверны, через воздержание и аскетизм. Главное, для суфия — очищение сердца, воспитание его с целью обретения богобоязненности и благочестия. Суфизм воспитывает в человеке различные качества, соединяющие человека с Всевышним. Суфизм подтвержден авторитетом Корана и Сунны и огражден от недостатков и всякого рода внешнего влияния.

Суфизм в Ингушетии представлен нашбадийским и кадирийским тарикатами. В прошлом году мы праздновали 200-летие Великого шейха, святого, бескорыстного, человеколюбивого Кунта-ходжи. Он был родоначальником кавказского варианта кадирийского тариката в Чечне, Дагестане и Ингушетии. Он же стал, по воле Аллаха и милости его, причиной принятия ислама большинством ингушей в 1876 году. 150 лет назад в разгар

Кавказской войны, когда чеченцы под предводительством Шамиля (принявшие на себя все тяготы войны) были поставлены на грань физического уничтожения, он предложил отказаться от ведения дальнейших боевых действий и искать мира. Проповедуя отказ от кровопролития, Кунта-ходжи вступал в конфликт со сторонниками Шамиля, проповедовавшими мюридизм и газават против захватнической политики царизма, в то время как в учении Кунта-ходжи важную роль играли идеи братства и недопустимости конфликтов между людьми. И все же, несмотря на противодействие официального духовенства, учение шейха стало очень популярно среди уставшего от войны, и связанной с ней жестокости, народа. Идеи братства и единения в период социальной апатии находили поддержку, в первую очередь, в беднейших слоях народа. Появление Кунта-ходжи, говорившего благочестивые речи, вайнахи воспринимали как чудо. Люди жадно ловили его слова, ибо они оживляли измученные сердца, залечивали раны, очищали их души. Подробно его учение изложено в трактате, который написал Абдусалам Тутгерей — его секретарь и сподвижник. В его учении большое значение отводится связи мюрида с устазом. Учение Кунта-ходжи опирается на следующие принципы:

- мюрид со своим шейхом должен иметь непрерывную связь;
- сердце мюрида должно быть свободно от зависти;
- в своем присутствии мюрид не должен допускать осуждение людей, так как это — страшный грех;
- мюрид обязан относиться к людям уважительно, не должен допускать осуждение братьев (если это происходит в его присутствии, он обязан вступить за единове́рца);
- мюрид должен почитать любого другого устаза, даже если тот находится во вражде с его устазом.

Устаз является для мюрида посредником между ним и Всевышним. Обязательным условием духовного совершенствования мюрида является полное подчинение воле устаза. Мюрид, следующий суфизму, полностью выполняет все требования Корана и Сунны. Устаз является ответчиком перед Всевышним за образцовое поведение своего мюрида.

Перечисленные положения суфизма идентичны учению многих течений в исламе. Суфизм признает положения шариата. Согласно учению суфизма порицания достоин всякий, кто избрал своим ремеслом ложь, а также тот, кто ее слушает. Суфизм предостерегает от сомнительных, безнравственных поступков. Шейх говорил, что если человек безразличен ко всему, довольствуется только тем, что он ест и пьет, такой человек далек от нравственного совершенства. По его мнению, к душевным высотам человек может прийти только через сердечную любовь к Всевышнему и к людям. Он также говорил, что остановивший в своем сердце гнев, простивших зло, молящий Аллаха за тех, кто злословит — истинный раб Божий. Шейх осуждал пренебрежительное отношение к бедным и нищим. Один человек как-то спросил Кунта-ходжу: "Я хочу надеть на свою голову чалму. Правильно ли я хочу сделать?" То ему ответил: "Сначала оберни свое сердце чалмой, очищаясь от греха и порокам, а затем голову. Если ты хочешь носить

чалму не ради Аллаха, а ради славы, оставляя свое сердце грязным, то это обернется против тебя". В своем учении Кунта-ходжи уделяет большое значение чистоте сердца.

Проповедуя свое нравственное учение, шейх исходил из духовной культуры, обычаев, традиций веками сложившегося "адата" вайнахов (отвергая, при этом, те аспекты, в которых он видел зло). О высоком нравственном облике Кунта-ходжи говорит и то обстоятельство, что он отказывался принимать элементарную помощь от своих мюридов. Осуждая высокомерие, гордыню, корыстолюбие, шейх утверждал, что если эти чувства присутствуют в мюриде, то он лишится своего устаза. Шейх говорил, что мюрид должен подчиняться всякому, кто старше его по возрасту. Но уважать следует и того, кто младше, так как возможно, что он меньше согрешил. Шейх выступал и против бытовавшего среди вайнахов обычая различать местных жителей и чужаков, утверждая, что перед лицом Аллаха все мусульмане равны. Кунта-ходжи был выдающимся аскетом, ведя нищенскую жизнь. Это была не тщеславная демонстрация, рассчитанная на популярность, а реальная норма его жизни, продиктованная искренним стремлением во всем подражать Пророку. Он отказывался от подарков, которые ему приносили верующие, а те, что ему приходилось брать, он отдавал бедным. Он стремился не афишировать свою святость. О нем можно сказать, что это был человек, у которого образ мысли и образ жизни находились в гармонии. Кунта-ходжи придерживался норм и принципов общечеловеческой духовности и нравственности, осуждал зло, творил и утверждал добро. В час тяжелого испытания для своего народа, он добивался установления духовного братства людей, их очищения и возвышения. Кунта-ходжи после Кавказской войны стремился указать уставшему от насилия и страданий народу путь религиозного, нравственного и социального возрождения. И не его вина в том, что его нравственно-гуманистические воззрения, утверждающие общечеловеческие ценности, не получили должного развития на Северном Кавказе. Не подлежит сомнению тот факт, что суфизм оказал огромное влияние на политическую жизнь народов Дагестана, Чечни, Ингушетии, став для них источником религиозно-политического мировосприятия.

Сегодня много говорилось о различных исламах: атлантистском, ваххабитском, традиционном. Па самом деле ислам, конечно один - традиционный. Просто некоторые безответственные люди берутся интерпретировать его на свой лад. Но их домыслы уже ни к исламу, ни к Корану уже никакого отношения не имеют. Так вот, суфизм — это традиционный ислам. И именно такой ислам традиционно исповедуется у нас — на Северном Кавказе. Ваххабиты же, или как их еще называют, ихваны, это зачастую молодые люди, оторванные от своих корней. Они обвиняют всех тех, кто не разделяет их ошибочное вероучение, в неверии. И в этом большая проблема. Если они раскаются и примкнут к основной массе народа Чечни или Ингушетии, вернуться на истинный путь, мы будем этому очень рады. А закончить свое выступление я хотел бы словами Кунта-ходжи. Когда настало время его прощания с мюридами, один из его учеников спросил шейха: "Ты нас покидаешь, а что ты нам оставляешь напоследок?" Шейх

ответил: "Я завещаю вам любить друг друга. И если вы тысячу раз спросите об этом, ответ будет один — любите друг друга, так как из любви друг к другу исходит все хорошее". Давайте, дорогие друзья, будем любить друг друга во имя Всевышнего Создателя, уважать друг друга. И будем стремиться быть истинными мусульманами.

Главное, что, на мой взгляд, угрожает исламу — это невежество. К сожалению, очень редко встречается подлинное, высокое знание о том, чем на самом деле является ислам. Мы молим Аллаха о том, чтобы наша сегодняшняя встреча, была воплощением искреннего служения Ему одному. Мы молим Его, чтобы он даровал нам, нашим родителям, нашим детям мудрых устазов, шейхов, таких как Кунта-ходжи. Мы молим Всевышнего Аллаха утвердить наши стопы на стезе веры и благочестия и повести нас по ней к благу, успеху, величию и спасению.

*Выступление
заместителя полномочного представителя
Президента РФ в Приволжском федеральном округе
Владимира Зорина*

Ислам в системе государственных и церковных отношений

Россия — уникальная страна. По своей поликультурности и многоконфессиональности она, наверное, не знает себе равных. Только в рамках нашего Поволжского федерального округа представлены практически все 58 основных конфессий. За последние десять лет на территории округа зарегистрировано более 4500 религиозных общин. Из них 49% — православных, 38% — мусульманских, 9% — различных протестантских и 4% — других конфессий. Мы составили этноконфессиональную карту округа. Получилась очень интересная картина. И задача наша состоит в том, чтобы все это многообразие этносов, цивилизаций, культур, конфессий стало не катализатором напряженности, а источником стабильности, возможно, даже отправной точкой нашего дальнейшего роста. Я хотел бы с удовлетворением отметить, что в проекте коллективной резолюции, с которым мы имели возможность ознакомиться, записана очень важная, на мой взгляд, мысль. Там говорится о том, что традиционный ислам по большинству параметров имеет с Россией общие стратегические интересы. Я бы добавил, что ислам — это естественный партнер Российского Государства. И стратегический, и тактический. Ведь те задачи, что сегодня решает государство — укрепление целостности геополитических позиций в мире, борьба с сепаратизмом, с терроризмом — также являются и целями исламской уммы. Но в отличие от государства, для которого опасность этих явлений очевидна, в исламской умме тревога еще не слишком велика. Конечно, я полностью разделяю мнение уважаемого муфтия Ингушетии, который утверждает, что говорить об исламской угрозе невежественно. Именно невежество, как показала практика, и рождает экстремизм, радикализм и все прочие беды, с которыми мы сегодня сталкиваемся и которыми очень обеспокоены. Из всего комплекса проблем, связанных с государственно-церковными отношениями, я хотел бы выделить несколько. Во-первых, нужно признаться, что сегодня государство не располагает достаточным количеством квалифицированных чиновников, которые бы разбирались и в государственных, и в церковных делах. Эту проблему мы можем решить только вместе. Да, у нас религия отделена от государства. Мы — светское государство. Но у нас очень много общих задач — и стратегических, и тактических — которые мы должны решать вместе. Например, в нашем округе мы в целом ряде заведений открыли специальные курсы по изучению этих проблем.

Заместитель полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе Владимир Зорин.

Преподаватель Военного университета, кандидат исторических наук, полковник Олег Кулаков.

Не менее важной задачей, на мой взгляд, является подготовка отечественного духовенства, в том числе мусульманского. Здесь назывались впечатляющие цифры — сколько в последние годы было открыто новых мечетей. Но, на мой взгляд, следует уделить особое внимание и тому, кто и что там станет проповедовать. Сегодня ни одно Духовное Управление не в состоянии решить эту проблему самостоятельно. Я предлагаю обратить на этот вопрос особое внимание.

24 июня, после торжественного открытия новой мечети в Нижнем Новгороде (она называется "Таубэ" — "Покаяние") по инициативе Сергея Владиленовича Кириенко был организован "круглый стол". В его работе принял участие присутствующий здесь уважаемый Талгат Таджуддин. Участвовали и представители Равиля Гайнутдина и Иц-хака Гусмана. На этом "круглом столе" было заявлено о создании "единого образовательного пространства", "единого образовательного стандарта", который должен действовать в подготовке мусульманских священнослужителей. По-моему, это — отрядный пример продуктивного сотрудничества государства и

священнослужителей. Еще раз хочу подчеркнуть, что ни в коем случае государство не должно вмешиваться в вопросы подготовки кадров, но оно может и должно создать благоприятные условия для такой работы. В XIX веке, например, существовал "Кодекс требований для священнослужителей" — как православных, так и мусульманских. Там указывалось, что священник должен знать и каким требованиям должен соответствовать мулла. Таким образом, и православная церковь, и мусульманская умма были гарантированы от невежественных священнослужителей. А ведь невежество в религиозных вопросах сейчас зачастую играет роковую роль. Это приводит часто к необоснованным обвинениям, что нарушает мир и согласие. А это, в свою очередь, мешает нам активнее работать в области гуманитарного сотрудничества. У нас есть общий противник — это наркомания, преступность. У нас есть очень серьезные обязательства перед незащищенными слоями населения. Не следует об этом забывать. Завершая выступление, я еще раз хочу подчеркнуть, что ислам — это стратегический и тактический союзник нашего государства. У нас очень богатый опыт сотрудничества, но нужна четкая концепция государственно-церковных отношений и конфессиональной политики. Я знаю, что работа над ней ведется очень активно. Надеюсь, что с этим документом мы все скоро сможем ознакомиться.

*Выступление
муфтия Духовного Управления Мусульман
Республики Татарстан
Фарида Салмана Хайдарова*

Раскрытие сущности понятия "ваххабизм" применительно к российской специфике

Уважаемое высокое собрание! Я постараюсь раскрыть сущность понятия "ваххабизм" применительно к российской специфике. Еще несколько лет тому назад понятие "ваххабизм" было известно очень ограниченной группе советских, затем российских исследователей — прежде всего востоковедам, исламоведам, религиоведам. Верующие же мусульмане изредка сталкивались с этим явлением в реальной жизни. Устойчивая группа лиц — приверженцев ваххабизма, правда, они предпочитают не называть себя ваххабитами, известна в Татарстане с 80-х годов. Примером может служить деятельность бывшего чистопольского имам-хатыба Нарули Махлюхунова и созданной им общины. Другим примером является устойчивая община под руководством муллы Файзрахмана, известная под "прозрачным" названием "Саф-ислам" (то есть чистый, правильный ислам). Открытие внешних границ, свободный, неограниченный информационный обмен между мусульманами Российской Федерации и мусульманами из зарубежных стран, отсутствие класса квалифицированных государственных чиновников привело к тому, что местные ваххабиты-самоучки уступили место хорошо подготовленным в теоретическом и практическом плане заграничным "братьям". Финансируемыми частными, а в большинстве случаев правительственными ваххабитскими фондами, так называемые "борцы за чистый ислам" начали рьяно выполнять директивы западных спецслужб, направленные на разрушение единого политического, экономического, культурного пространства на территории бывшего Советского Союза. Исполнителями директив западных спецслужб в отношении мусульманского населения Российской Федерации (до того СССР) стали спецслужбы ряда Ближне- и Средневосточных государств... Мы здесь договорились называть вещи своими именами. Так что я сразу, скажу: прежде всего это спецслужбы Саудовской Аравии. Я говорю об этом, поскольку по долгу службы сталкивался с этим явлением неоднократно. Речь идет обычно о таких прекрасных вещах, как "исламский образ жизни", "мусульманская мораль", "забота о ближнем". Всеми этим благими пожеланиями они прикрывались ради реализации своих далеких от благотворительности планов по насаждению чуждой псевдомусульманской идеологии среди мусульман бывшего СССР, и прежде всего молодого поколения. Другой важнейшей целью было развязывание искусственных внут-риконфессиональных противоречий. Примером может служить образование многочисленных искусственных "Духовных Управлений" на территории Российской Федерации (в Татарстане, Башкортостане, Ульяновской области, Мордовии и пр.). Так была предпринята попытка развалить Центральное Духовное Управление мусульман России, наследующее богатые традиции

взаимоотношений между патриотическим исламом и Российским Государством... Наконец, в их планах было создание условий для межконфессиональной вражды. Примером этого могут служить бесконечные злобные выпады в адрес Центрального Духовного Управления мусульман России, руководство которого является последовательным сторонником Российского мусульманского патриотизма, сторонником межнациональной, межконфессиональной гармонии. Недобросовестные оппоненты постоянно обвиняют ЦДУМ в экуменизме, в попытке "срастить ислам и православие", что, мягко говоря, не соответствует действительности.

Государство, вследствие того, что на него навалились проблемы политического и экономического характера, в какой-то момент вообще оказалось сторонним наблюдателем, а не ответственным арбитром и покровителем российского ислама. Сказывался и недостаток специалистов. Даже сейчас грамотных людей, которые разбираются в таких тонких вещах, как "ваххабизм", "фундаментализм", "традиционный российский, евразийский ислам", крайне мало. Думаю, пальцев одной руки хватит, чтобы сосчитать таких специалистов. Это привело к тому, что ваххабитские базы покрыли целые регионы России. Ваххабиты появились даже в Москве. Критическая масса накапливается. Причем зачастую об этой проблеме не хотят говорить чиновники, для которых исследование этого вопроса — их прямая обязанность. Можно подумать, будто если о ваххабизме не говорить, его не будет! Однако, например, в Татарстане ваххабизм есть. Причем в угрожающих масштабах. Теперь нам предлагают не говорить об этом в масштабах России. Результатом может быть ситуация, аналогичная ситуации в Татарстане, но уже по всей России. Ваххабизм — это в первую очередь политическое учение. Несмотря на то, что в светской среде принято считать, будто ваххабизм — это ответвление ислама, для истинного мусульманина понятие "ваххабизм" никак не может ассоциироваться с Божьей религией. Конечно, ваххабизм использует в своих интересах исламскую обрядность, терминологию. Это и дало возможность некоторым говорить, что ваххабизм — исламское течение. Однако основополагающим вопросом для любого религиозного учения является вопрос Богопонимания. Искажение классического Богопонимания, ошибочное суждение относительно Божественной природы всегда приводило к возникновению ереси. В случае же ваххабизма ересь смешалась с политикой и получился результат еще более ужасный. Для мусульман тот, "кто предает Аллаха из человеческих свойств, тот совершает "уфр" (акт неверия)". Это высказывание принадлежит имаму Атта-хаи Рахматулали, одному из авторитетнейших разработчиков Символа веры ислама. Кроме того, стержневой осью учения ваххабизма является "талхит", или Единобожие. Понятие Единобожия детально разработано авторитетнейшими мусульманскими учеными. Ваххабиты же бесконечно далеки от истины. Ваххабизм приписывает Всевышнему свойства творения, то есть движение, перемещение в пространстве, нахождение где-либо. Более того, ваххабизм приписывает Творцу образ сотворенного (руки, ноги, глаза и пр.). Все это является страшным нарушением истинного мусульманского Богопонимания. А это, по

единодушному мнению ученых, выводит ваххабитов из мусульманской общины.

Однако вопрос о Богопонимании — это удел избранных... Уважаемый председатель, г-н Игнатенко, продемонстрировал нам ваххабитский учебник. Такие учебники ныне печатаются не только на русском языке, но и на языке национальностей исповедующих ислам (языках кавказских народов, татарском, башкирском и др.). И никто в Государстве Российском пока не положил конец этому безобразию. Если бы мы, сторонники традиционного российского евразийского ислама, попытались распространять свои книги в Саудовской Аравии, мы оказались бы в застенке... Совершая в 1997-м году малый хадж, я купил для установки на могиле своей прабабушки надгробный камень, погрузил его на автобус, и вот на границе Саудовского Королевства этот камень арестовали. Мне сказали, что в Саудовской Аравии никаких захоронений не существует (одно из положений ваххабитской ереси), а значит, и могильный камень оттуда вывозить нельзя...

...Принятие мировоззрения ваххабизма предполагает следующий шаг — очищение местного ислама. С чем мы сегодня и сталкиваемся на Кавказе, в Татарстане, Башкортостане, Ингушетии, Мордовии и пр. Большинство мусульман в современном мире обладает минимальным набором знаний. Это предоставляет ваххабитам прекрасные возможности распространять свое страшное учение, основополагающей частью которого является борьба за "очищение ислама". По мнению ваххабитов, ислам сегодня далек от правильного состояния. Мусульмане превратились чуть ли не в язычников. По их мнению, в исламе введено множество "нововведений", которые ведут к язычеству, многобожию. Более того, в современной ваххабитской литературе есть даже специальный термин, означающий "новое невежество" (по аналогии со "старым невежеством", имевшим место до прихода Пророка). Применительно к татарским мусульманам таким "новым невежеством" считается складывавшийся 1112 лет комплекс ежедневного ритуального богослужения, похоронный обряд, обряды, связанные с поминанием покойных, историко-религиозных памятных мест, могил святых угодников, святых источников, все традиционные молитвословия. Несмотря на то, что эти обряды были разработаны позднее, все они соответствуют духу ислама. Утверждение же ваххабитов, что обряды эти были неизвестны во времена Пророка, и поэтому являются нововведениями, безосновательны и неприемлемы для мусульман. Именно в деле борьбы с этими обрядами, вытеснения их из народной среды ваххабизм сегодня и в Татарстане, и в других российских регионах добился серьезных результатов.

Однако самым опасным является постулат ваххабизма о вооруженной борьбе. Ваххабитское представление о джихаде делится на две части. Борьба с внутренними врагами, то есть с единоверцами, исповедующими ислам не по-ваххабитски. И борьба с иноверцами — прежде всего с христианами и иудеями, а также с неверующими и язычниками. К чему приводит реализация подобной доктрины, наглядно можно увидеть на примере Алжира. Там идет борьба с "безбожниками" (с теми, кто является таковым с точки зрения алжирских ваххабитов). В Дагестане борьба с соплеменниками,

в Боснии борьба с христианами. Теперь, похоже, настало время Македонии. Особенно активно ваххабиты борются с теми, кто понимает опасность их ереси. Происходит захват мечетей, медресе, проникновение во власть, подкуп чиновников. Принятие идей предполагает и принятие методов. Поэтому попустительство ваххабизму, скажем, сегодня в Татарстане — тем более что все это делается на законодательной базе, которая до сих пор противоречит федеральному законодательству, — может привести к необратимым последствиям. На сегодня является неоспоримым факт участия татарских ваххабитов не только в антигосударственных мятежах, которые происходили на некоторых территориях Российской Федерации, но и в осуществление взрывов на территории самого Татарстана. Это и история со взрывом газопровода, и попытка проведения взрывов в Казани, Набережных Челнах. Это наталкивает на мысль о том, что ваххабитская "дуга нестабильности" от Северного Кавказа через все Поволжье протянулась к Татарстану. Далее — Ульяновская область, Саратовская, Волгоградская, Астраханская...

Таковы, на мой взгляд, некоторые характеристики понятия "ваххабизм" в условиях Российской Федерации. Если бы эти характеристики были в свое время приняты во внимание соответствующими органами и ответственными лицами государства, и в регионах, и в центре, я думаю, было бы возможно каким-то образом выработать общее понимание этого вопроса и способы эффективного противодействия. Сегодня наши оппоненты уже пытаются говорить, что ваххабитами являемся... мы. Себя же нынешние ваххабиты теперь рекомендуют как "правильных мусульман". Если представители государства не обратят внимания на эту лукавую мимикрию, вопрос этот будет окончательно запутан.

*Выступление
муфтия Духовного Управления Мусульман
Пермской области Муххамада Талия Хузина*

Православно-мусульманские отношения — основа процветания России

На нашей конференции обозначена очень важная тема. Первое, о чем бы я хотел сказать: на российскую мусульманскую умму влияет несколько факторов. Во-первых, в последнее десятилетие, с тех пор, как появилась реальная возможность расширения религиозной деятельности, легализации религиозных организаций в Российской Федерации, до сего дня отсутствует концепция государства о построении взаимоотношений с религиозными организациями. Это очень важный момент — раз нет концепции, то нет и нормальных полнокровных отношений. Есть эпизодические, хаотические взаимоотношения. Где-то в каких-то субъектах Федерации к нам относятся неплохо, где-то о нас знают, но не хотят нами заниматься, где-то о нашем существовании предпочитают не знать. Чиновники зачастую оказываются ангажированными антиисламскими силами или же просто коррумпированными.

Сегодня на конференции говорилось, что такая концепция готовится. Существует два варианта текста. Первый вариант поддержан Центральным Духовным Управлением мусульман России в лице Верховного муфтия Талгата Таджуддина и Русской Православной Церковью в лице Председателя Отдела внешних церковных сношений митрополита Кирилла, а также множеством других религиозных организаций. Эта концепция построена с уклоном в традиционализм. Если в двух предыдущих "законах о свободе совести" термин "традиционная религиозная организация" практически отсутствовал, то предлагаемая концепция этот термин определяет. Вторая концепция разработана, на наш взгляд, с чисто атеистической точки зрения, повторяя уже существующий закон. Несколько слов о существующем "Законе о свободе совести и религиозных объединениях". Нам вообще не нравятся слова: "о свободе совести". Во-первых, совесть или есть, или отсутствует. А что значит "свободная совесть" я, например, не понимаю. Наверное, необходимо принимать закон просто "о религиозных организациях", а не "о свободе совести". Когда этот закон задумывался и был принят — в 1997-м году — то из принятого уже закона, под давлением различных и международных структур и различных стран Запада, были исключены шесть или семь концептуальных моментов. Закон задумывался как барьер на пути проникновения в Россию чуждых нам учений и течений, деструктивных сил и сект. На самом деле, он стал "головной болью" для всех традиционных религиозных организаций Российской Федерации. Прохождение процедуры перерегистрации в структурах Министерства юстиции стало тяжким испытанием, как будто Судный день уже наступил. В результате перерегистрацию в Российской Федерации прошли 90% религиозных организаций. 10% выпали из поля зрения Закона. В то же время, те деструктивные силы, секты и течения, против которых был направлен

Закон, зарегистрировались моментально — многие в течение одних суток. Всем в России понятно, как это делается. Хочу остановиться на роли, которую играет пресса в нагнетании так называемой исламофобии. Если в армии воинскую часть покидает рядовой Иванов, то наше телевидение и наши средства массовой информации так и говорят, что "воинскую часть с оружием в руках покинул рядовой Иванов". Но если умудрится воинскую часть покинуть рядовой Муххамедшин, то он обязательно будет представлен как "исламский экстремист". И вот такой тенденциозный подход и постоянное нагнетание "исламской истерии", на самом деле, сыграли огромную роль. Пусть в Москве это не ощущается. Мы приезжаем очень часто в Москву, можем ходить спокойно в чалпане зеленом, в чалме, в тюбетейке. В Москве это нормально. Никто остро не реагирует. Но если мы в своем регионе на улице появляемся в традиционной одежде, то реакция бывает непредсказуемой. Я хотел бы сказать, что пресса в этом вопросе ведет себя крайне невоспитанно, крайне непатриотично. Хотя для них слово "патриотизм" вряд ли вообще приложимо — они этим термином уже не пользуются.

И третий момент, на чем бы я хотел остановиться — это возможность, нужность и важность межконфессионального диалога в России. В особенности православно-исламского диалога. Все эти годы мы — и наши православные братья, и правоверные мусульмане, — были озабочены каждый своими проблемами. Если для православия крайне острой является проблема западного прозелитизма (например, тяжелая ситуация на Украине), то для нас стали серьезным бичом такие радикальные исламские течения, как ваххабиты, салафиты и другие. С 1991-го года все эти течения активно проникали к нам и с Запада, и с Юга. Как Верховный муфтий говорит: "Только белые медведи к нам еще не ходили с увещеваниями". Всему этому внутри России противостояло только Центральное Духовное Управление мусульман России... Я умышленно не касаюсь проблем Северного Кавказа, для этого есть свои специалисты, они, если надо, сами скажут об этом... Используя отсутствие концепции взаимоотношений, используя "дырявый" наш Закон, в России были организованы различные параллельные исламские структуры. Один из плодов их деятельности вам сегодня демонстрировали — ваххабитский учебник, выпущенный фондом Ибрагим Аль Ибрагима совместно с Министерством по делам печати Саудовской Аравии. Такие учебники издаются тысячами, десятками тысяч экземпляров на разных языках. И мы, вместо того, чтобы заниматься проблемами образования, проблемой молодежи, проблемой наркомании, проблемой суицида в нашем обществе, — мы занимались таким вот безобразием.

Что всему этому, может быть преградой, противовесом или противоядием? Только наша работа, только наша плодотворная деятельность. Если мы будем вместе участвовать в разработке концепций и законов, в разного рода реальных делах, то тогда, я считаю, те негативные явления, которые присутствуют в нашем обществе, будут преодолены. Вдумайтесь: в 49 субъектах Российской Федерации существуют различные радикальные исламские центры! Противодействовать этому можно только если каждый из

нас будет болеть за наше общество, за нашу Родину, будет патриотом своей страны. Это не ущемляет ни наших исламских норм, ни наших убеждений, ни наших традиций.

Мы 1112 лет, слава Богу, находимся в исламе здесь в России. Мы не "луняне" и не "марсиане" — мы граждане Российской Федерации. Если мы, основываясь на таких традициях, будем жить, то все эти новые параллельные исламские структуры, партии, фонды, центры — все они канут в Лету. Останется Россия. Великая, многонациональная, многоконфессиональная. Дай Бог!

*Выступление
Председателя Духовного Управления Мусульман
Санкт-Петербурга и Северо-западного
Региона России Жафяра Пончаева*

Ислам как религия согласия

Во Имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Хвала Тому, Кто облагодетельствовал нас Исламом и осветил Верой наши сердца, наставив детей Адама созидать на Земле и запретив распространение зла и угнетения! Приветствие и мир Его Посланнику Муххамеду, его благородному роду, благочестивым сподвижникам и каждому, кто следует путем мира, добра и справедливости! Досточтимые братья!

Участники и гости высокого форума, собравшиеся в столице нашей страны — гостеприимной Москве!

Мне доставляет большую честь и удовольствие приветствовать Вас от имени мусульман Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона Российской Федерации, приветствовать ваши благородные усилия, направленные на священное дело достижения желанного мира, безопасности и очищения нашей религии от чуждых для мусульман новых течений и направлений, навязываемых еретиками.

На протяжении XV веков своей славной истории Ислам по праву доказал, что является Религией Мира. Среди всего круга фундаментальных принципов человеческого общежития подлинный Ислам на первое место всегда ставил принцип жизни в справедливом, безопасном мире, где признается святость жизни каждого человека, где нет места угнетению и дискриминации по мировоззренческим, расовым или национальным признакам, где высшей ценностью является человеческое достоинство. Ибо, согласно нашему Ханафитскому маз-хабу, нет превосходства одних людей над другими, кроме как в благочестии: "Ведь самый достойный из вас пред Аллахом, — говорит Всевышний в Коране, — самый благочестивый" (49:13). Мы, последователи исламской религии, верим в Создателя Мира и Вселенной, и собрались сегодня сообща решать актуальные проблемы, связанные с Исламом, непосредственно касающихся нас, и в решении которых мы все кровно заинтересованы. В этом деле, надеюсь, нас объединяет общность и решимость содействовать нашим руководителям страны разобраться в том, что представляет собой ислам как религия Уммы Пророка, и течения, впоследствии образованные, как "ваххабизм". По крайней мере на сегодняшний день это течение, кроме экстремизма, в России ничего не показало. Примеров для подтверждения моих слов предостаточно — это и Северный Кавказ, Поволжье, по СНГ — Средняя Азия и далее Афганистан.

После 90-х годов XX века все больше стали втягиваться в Россию различные международные организации, благотворительные фонды, которые использовали тяжелое экономическое положение в пост советском пространстве, раздавая прихожанам по килограмму сахарного песка в виде гуманитарной помощи, сумели расколоть наше общество и духовенство на лагеря. Целью этой затеи стал контроль сфер влияния и покушение на

природные богатства нашей страны. Большая активность этих структур наблюдалась ни где-нибудь, а в развитых регионах с богатыми природными ресурсами. Именно здесь мы чувствуем угрозу Исламу, когда, используя религию, решаются политические и экономические замыслы, вплоть до получения власти вооруженным путем.

Ислам — религия мира, и его принцип жизни в справедливом, безопасном мире — это высший нравственный закон, который мусульмане готовы отстаивать при любых обстоятельствах и за соблюдение которого они несут коллективную ответственность. Такая ответственность за судьбы мира особенно возросла в нашу необычайно сложную эпоху, когда перед человечеством со всей остротой встал вопрос о сохранении самой жизни на Земле от угрожающего беспредела экстремизма.

Ислам учит, что все люди — дети одного праотца, Адама, что в их разделении на расы, народы и племена мы должны видеть великий замысел Всевышнего Аллаха в полной мере проявить в человеке необычайное богатство многогранной природы, которой он так щедро наделен Создателем. Каждый народ в своем историческом развитии накапливает опыт, который может оказаться полезным для всех людей нашей благословенной Земли и которым им предписывается обогащать друг друга. Россия вобрала в себя за многовековую историю частицы цивилизаций и Востока, и Запада. Мы, россияне, всегда ощущали себя евразийской страной, и основная часть российской территории находится в Азии. Данное преимущество мы на протяжении долгого времени не использовали должным образом. Поэтому политическая, экономическая и религиозная обстановка должна способствовать увеличению жизненного уровня и безопасности. Разобщенные народы слабы. Только объединившись, они могут заставить отойти от замыслов экстремизма и реакционных течений. Мы, религиозные деятели, вместе со всеми лидерами конфессий, вместе со всеми людьми доброй воли считаем своим первейшим долгом не жалеть усилий для развития дружбы и нравственного воспитания нашего общества. Над нашим обществом нависла угроза не только религиозная, но и наркотическая. Наркотическая зависимость происходит из-за отсутствия Веры в человеке, раздвоения личности, распутного образа жизни и непризнания законов Божьих.

"О вы, которые уверовали! — предупреждает нас Всевышний Аллах,— Если придет к вам распутник с вестью, то постарайтесь разузнать, чтобы по неведению не поразить каких-нибудь людей и чтобы не оказаться кающимися в том, что вы сделали" (49:6). Да и в начале 90-х годов нас поразили религиозным течением, от которого по сей день не можем вылечиться.

Мы, религиозные люди, призываем всех жить в добре и согласии по закону жизни. Это закон Божий, нарушение которого никому не дозволено: "... и не сейте на земле зло и не разрушайте ее, после ее благоустройства, и молитесь Ему со страхом и надеждой..." (7:56). Спасибо за внимание.

*Выступление
Чрезвычайного и Полномочного Посла
Исламской Республики Пакистан
господина Ифтихара Муршеда*

Религия терпимости не предполагает экстремизма

Прежде всего, разрешите выразить глубокую признательность руководителям Движения "Евразия", организовавшим такую замечательную и своевременную конференцию, а также за ту прекрасную подготовительную работу, которая была проделана. На меня очень сильное впечатление произвели доклады, которые я здесь услышал. Я действительно узнал много нового. Поскольку нам предстоит заслушать еще много докладчиков, я постараюсь быть кратким.

В первую очередь, я хотел бы высказаться по теме, вынесенной в название конференции. Ислам в своих базовых положениях считает агрессию недопустимой. Агрессия запрещена в Священном Коране. О какой бы исторически сложившейся версии ислама речь ни шла — все они однозначно запрещают агрессию. И любой мусульманин, который предпринимает агрессивную акцию, так же, как и любое государство, которое решается на агрессию в отношении другого государства, нарушает учение Корана.

*Чрезвычайный и Полномочный Посол
Исламской Республики Пакистан господин Ифтихар Муршед.*

Другой важнейший момент. Коран учит, что в вопросах веры не может быть никакого принуждения. Нельзя использовать религию в политических целях, нельзя ее навязывать человеку. Этого принципа придерживался и Святой Пророк. Ислам — это религия терпимости, она не предполагает никакого экстремизма, никакой агрессии.

В исламском обществе, в исламском государстве не может быть речи ни о каком милитаризме, не может быть речи ни о каком тоталитаризме.

Руководитель не может ставить себя выше Корана, выше закона, предусмотренного Кораном. Поэтому, например, никакой законодательный орган, исламский парламент не может легализовать гомосексуализм. Никакой руководитель, никакая законодательная власть не может отобрать права человека, предусмотренные, гарантированные Кораном.

Несколько слов о докладе уважаемого Александра Дугина, который я слушал с огромным интересом. Мне кажется, вы слишком всерьез относитесь к теории Хантингтона, очень популярной на Западе. Хантингтон, профессор Гарвардского университета, утверждает, что с окончанием "холодной войны" конфликт идеологий постепенно вытесняется конфликтом цивилизаций (христианской и исламской). Он цитирует индийского писателя Энджи Акбара, который, в свою очередь, пишет об этом в книге "Столкновение цивилизаций". Однако, на мой взгляд, эта теория абсолютно не верна. Достаточно для этого посмотреть на подлинную исламскую доктрину, исламские тексты, исламскую традицию. Кстати, бывший президент США Ричард Никсон прокомментировал это положение в своей последней книге "За пределами мира". Никсон утверждает, что конфликт между исламским миром и христианским Западом вовсе не является неизбежным. Более того, он утверждает, что Запад не может более оставаться равнодушным к тем конфликтам, в которых в качестве жертвы выступают мусульмане. Никсон задается вопросом: "Неужели для цивилизованного западного человека есть существенная разница в том, если, например, при обстреле Сараево в 90-х гг. снаряд разрывается в доме мусульманина или христианина?" То есть на новом этапе христианский Запад, напротив, призван не к конфликту, а к защите законных интересов мусульман.

Хотелось бы также напомнить о еще двух точках в мире, в которых сегодня льется кровь мусульман. В Джаму и Кашмире продолжается конфликт, который длится уже много лет. Причем это не религиозная война. Международное Сообщество гарантировало мусульманам Джаму и Кашмира возможность реализовать их законное право на самоопределение. Это постановление Совета Безопасности ООН последние десять лет нарушается, 70 тысяч человек уже погибли: женщины, старики, дети. Другая "горячая точка" находится на Ближнем Востоке — я имею в виду Палестину. Там также нарушается резолюция ООН, предусматривающую вывод израильских войск с палестинской территории и ликвидацию незаконных поселений.

Хочется также высказаться о проблеме Чечни. Мы в Пакистане всегда считали, что из этой войны нет двух выходов. Чечня является неотъемлемой частью России. Это — однозначно! Из этого мы и исходим в оценке этой проблемы.

В заключение позвольте еще раз подчеркнуть, что ислам — это современная религия. Религия мира, отрицающая насилие. Благодарю за внимание!

*Выступление
Чрезвычайного и Полномочного Посла
Исламского Государства Афганистан
Абдул-Вахаба Ас се фи*

Противостоять талибам наша общая цель

С удовлетворением хочу отметить, что доклады, которые я заслушал на этой замечательной, очень своевременной конференции, мне представляются исключительно интересными. Выводы, которые были сделаны докладчиками относительно перспектив ислама в грядущем тысячелетии, исключительно важны. Мы, мусульмане, руководствуемся прежде всего положениями Корана, которые способствуют развитию как отдельного верующего, так и общества. Но, к сожалению, не все действуют в соответствии с положениями Корана. Есть отдельные личности и группы, которые называют себя мусульманами, а на самом деле допускают акты агрессии, насилия, нарушают общечеловеческие права, нарушают права мусульман. Они называют себя мусульманами, но ислам гласит: "Не следует вступать в группы, которые действуют во вред благосостоянию человека", их же деятельность прямо противоположна той, которая достойна настоящего мусульманина.

Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламского Государства Афганистан Абдул-Вахаб Ассефи.

Мне хотелось бы обратить внимание собравшихся на ту страшную угрозу, которую представляет собой движение "Талибан". Кстати, это угроза не только для Афганистана, но и для всего мусульманского мира. Это напоминает распространение эпидемии. Совершенно нерелигиозное движение, выполняющее конкретную политическую задачу, прикрывается исламом, на деле же оно лишь позорит исламский мир перед лицом Мирового сообщества. Талибан не имеет ничего общего с историей и культурой Афганистана. Многие мои коллеги — профессора, научные

работники,— знают, конечно, что история самобытной афганской цивилизации насчитывает многие века. Талибы же пытаются отбросить афганский народ в безвременье, лишить его культурного наследия.

Нет смысла долго останавливаться на событиях, происходящих сейчас на оккупированной талибами территории Афганистана. О них всем известно. Хочется только подчеркнуть, что весь исламский мир, все мусульмане должны объединить усилия в том, чтобы не допустить широкого распространения этой идеологии, позорящей ислам. И я надеюсь, что эта конференция во многом будет этому способствовать. Не следует забывать, что "Талибан" и подобные ему экстремистские движения от Филиппин до Кавказа, от Алжира до Косово распространяют подстрекательские лозунги, призывают к свержению законных правительств, навязывают народам чуждую им человеконенавистническую идеологию, не имеющую никакого отношения к исламу. Мы обязаны этому противостоять. Я хотел бы пожелать вам всем в этом удачи. Спасибо.

*Выступление доктора исторических наук, профессора,
заведующего отделом сравнительных теоретических
исследований Института Востоковедения РАН,
Роберта Ланда*

Россия и ислам — конфликт или взаимодействие?

Я верну уважаемое собрание к историческому аспекту вопросов, которые сегодня обсуждаются. Более ста лет назад крупнейший мусульманский мыслитель России Исмаил Бейгастремский подчеркнул, что Россия не питает никаких враждебных чувств к исламу и народам, его исповедующим. Это подтвердил уже в 90-е годы XX столетия французский историк Николя Верд, когда он признал, что в СССР образовался "новый социум общей судьбы с участием многих этносов и конфессий". Добавим от себя: новизна этого "социума общей судьбы" была довольно относительной, ибо сложился он задолго до 1917 года, в ходе многовекового, противоречивого, временами конфликтного, но все же плодотворного процесса взаимодействия и взаимовлияния культур, хозяйственной и духовной жизни, производственных навыков и политических интересов различных народов Российской Империи. В СССР этот процесс продолжился, хотя и на базе иной идеологии и технологии, другой организации экономики и структуры общества. Эволюция русско-мусульманских отношений играла в этом процессе главенствующую роль. В ходе этой эволюции, насчитывающей более тысячи лет, длительные и кровопролитные конфликты как бы оттесняли на второй план столь же длительные и плодотворные взаимодействия, взаимовлияния и взаимопонимание, сыгравшие громадную, еще до конца не исследованную роль в истории и собственно России, и российского ислама. Почти 250 лет власти Золотой орды над Русью многое определили в судьбе Московского государства. И в армии, и в культуре, художественных вкусах, привычках, этике и эстетике русских князей и бояр, тесно общавшихся с ордынской элитой, очевидно влияние Орды. Русская знать пополнялась ордынцами особенно в XIV-XV веках, и к XVII веку до 17% ее элиты, то есть 156 семейств из 915, составляли потомки ордынцев. У них многое было заимствовано из области политической культуры и методов правления, из судебной практики, боевой техники, организации казны, сбора налогов, таможи, дипломатического этикета. Боярская дума во многом имитировал ханский совет — "диван". Курултай Казани именовали "Вся земля Казанская" — в соответствии с этим на Руси стали созывать "Земские соборы". По образцу казанской военной прослойки "агланов" возникло на Руси сословие "детей боярских". А сами "агланы", в дальнейшем пополнив московскую конницу, дали название одному из ее отрядов — уланам. Даже стрелецкое войско было сформировано по образцу крымских "туфанкчи". Значительное в XVI веке влияние Казанского ханства и других постордынских государств на быт и архитектуру Руси впоследствии уменьшилось. Особенно с начала XVII века. Однако на землях мусульман легитимность власти Российского Государя определялась признанием его законным наследником хана Золотой Орды, почему его и называли "акпадишах", то есть "Белый Царь", правитель "Белой орды" (так называлась

мусульманами Золотая Орда). Войны России против Золотой Орды и ее преемника — Крымского ханства — длились вплоть до 1783 года, то есть до присоединения Крыма, и очень дорого стоили. Разорительные набеги и угон в рабство десятков и сотен тысяч россиян неимоверно ожесточали русских людей. Нередко поэтому они, захватив ту или иную мусульманскую область, долго не могли избавиться в ней от "комплекса завоевателя". Но присоединение этих областей к России, наряду с негативными аспектами, имело и позитивные для мусульманской стороны моменты. Прежде всего — освобождение от контроля более отсталых тогда Османской Империи и Ирана, а также стоявших за их спиной Западных держав, делавших первые шаги в своей колониальной политике. Присоединение к России означало также прекращение феодальных междоусобиц, ликвидацию рабства, подъем и обновление экономики, культуры, образования, здравоохранения. Мусульманские регионы постепенно втягивались в российский процесс экономического, политического и социального развития. Начали строиться фабрики, шоссейные, железные дороги, шахты, заводы, ирригационные каналы, плотины, способствующие развитию традиционных садоводства и хлопководства. В разных городах Империи, в том числе с немусульманским большинством, строились мечети, медресе, библиотеки для мусульман. Уровень грамотности среди мусульман кое-где, в частности в Поволжье, превышал общероссийский, составив в 1897 году более 20%. Параллельно шел процесс взаимопознания культур России и ислама, усиление контактов и взаимопонимания между ними, преодоление барьеров, создававшихся грубым колонизаторством царизма, фанатизмом, нетерпимостью, непониманием и отсутствием доброй воли у той и другой стороны. Упомянувшийся выше Исмаил Бейгастремский писал, что для мусульманских народов русская культура ближе, чем западная. Он полагал, что Востоку нечего ждать добра от Запада, и что сеять недоверие и вражду к России среди мусульман, выставляя ее истребителем и беспощадным врагом западной культуры — прямой расчет европейцев. Он довольно точно предсказал дальнейший ход событий. А именно: "Грабитель экономически весь Восток, держась "на дружеской ноге", и ослаблять Россию периодическими войнами с мусульманами, снаряженными и вооруженными западными "друзьями" — вот политика, от которой Запад, во всяком случае, ничего не теряет". И другие его слова звучат пророческим предостережением: "Западу выгодно и он доволен, если в России и на Востоке находятся исторические, географические, этнологические мотивы взаимной вражды и недоверия". Время доказало правоту Исмаила Бейгастремского, осуждавшего как ассимиляторов, не считавшихся с интересами и правами мусульман, так и фанатиков, выступавших за разрыв жизненно важных тысячелетних связей между мусульманами и Россией. Его призыв к русским и мусульманам идти рука об руку, чтобы обрести одинаково нужные им свет, правду и сносную жизнь, услышали и по-своему интерпретировали самые разные мусульманские деятели, среди которых были и националисты, и эсеры, и даже марксисты. Большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 года, сумели избежать развала исторически сложившейся России, а следовательно, и

вышеупоминавшегося социума "общей судьбы", во многом благодаря помощи и самоотверженным усилиям немногочисленных, но выдающихся мусульманских лидеров, таких, как Мулланур Вахитов, Мерзаид Султангалиев, Урар Прыскулов и других, которые превосходно знали обычаи, интересы и специфику своих народов. Тогда политика интернационализма, признания равноправия и самоопределения народа, выработанная с участием мусульман, привлекла их симпатии к большевикам (на фоне великодержавного консерватизма "единой и неделимой империи", защищавшегося белыми генералами). Однако большинство тех, кто привлек мусульман на сторону большевиков, впоследствии трагически погибло.

Многие вопросы истории мусульман СССР являются сейчас предметом споров и дискуссий. Вместе с тем, из истории не вычеркнуть того, что советизация мусульманских регионов сопровождалась модернизацией общества, ростом производства, расширением сферы образования, социальных гарантий, расцветом национальной культуры, внедрением новейших технологий, началом формирования гражданского самосознания и правовой культуры. Происходило сближение народов СССР. В том числе в социо-культурном и личном плане. Поэтому явно несостоятельно преувеличение негативного опыта совместной жизни в СССР, которое имеет место ныне. Рожденные распадом СССР отрицательные явления в области экономики, технологии, культуры, объективно стали сегодня подталкивать республики СНГ к сотрудничеству на новой основе. По тому же пути идут, в основном, и регионы внутри России. Однако данный процесс тормозится событиями в Чечне, принявшими более острый характер. Сначала ввиду особо неблагоприятного сочетания экономических, политических, исторических и социальных факторов, касающихся, в том числе, и религиозной жизни. А затем — ввиду мощного воздействия на ситуацию в республике военной, финансовой и религиозно-идеологической поддержки международных организаций исламского экстремизма и терроризма. Ввиду всего этого, важность приобрел не только внутрироссийский, но и интернациональный аспект чеченской проблемы.

В целом же, отношения России и мира ислама постепенно нормализуются. Важную роль в этом играет новизна политики правительства постсоветской России в мусульманском вопросе, заключающаяся в содействии возрождению ислама в стране, предоставлении полной свободы для религиозной, культурной и образовательной деятельности мусульман. Это выражается и в росте числа мечетей на территории России, и в росте числа мусульманских учебных заведений — как средних, так и высших. Расширились возможности и для получения молодыми мусульманами духовного и светского образования в странах ислама. Периодически созываются съезды и форумы мусульман, обсуждающие не только религиозные вопросы как раньше, но и проблемы экономики, культуры, истории социальной жизни мусульман. Значительную роль стала играть и мусульманская пресса России, до 90-х годов почти не существовавшая. Таким образом, интерес к исламу в России носит не только исторический, научный и литературный характер. Ислам — это важнейший компонент

идеологической ситуации в современной России, имеющий не только религиозное и политическое, но также моральное и социальное значение. Несмотря на тяжелое положение в стране, войну в Чечне и неурегулированность многих последствий распада СССР, в России созданы и создаются стабильные условия для возрождения ислама и его интеграции в социо-политическую и социокультурную жизнь страны. Максимальное использование этих условий в интересах и России, и самих мусульман. Опыт истории доказал, что обе стороны практически не имеют иной альтернативы, кроме совместной жизни и плодотворного взаимодействия на освоенном ими историческом пространстве от Сибири до Карпат.

*Выступление
доктора исторических наук,
заведующего отделом стран Ближнего и Среднего
Востока Института востоковедения РАН
Вячеслава Белокреницкого*

Пакистанский исламорадикализм и его роль в регионе

Прежде всего хочу поблагодарить организаторов конференции за приглашение принять в ней участие и выступить с докладом. Он посвящен относительно узкой теме и касается процессов не на глобальном, а на региональном уровне. Глобальные факторы, имеющие, безусловно, существенное, а иногда и решающее значение, мною не рассматриваются. Это первое предварительное замечание. Второе вызвано тем, что, занимаясь изучением Пакистана более трех десятилетий, я привык считать, что эта страна находится на периферии нашего общественного мнения, общественного кругозора. Сегодня, участвуя в работе конференции, я убедился, что ситуация изменилась. И дело не только в выступлении посла Пакистана. Представляемая им страна не раз упоминалась в целом ряде докладов. Перемены связаны, видимо, с тем, что изменилась геополитическая ситуация для России и Пакистана. Последний как бы приблизился к нашим границам, к границам региона безопасности России. Сказывается, разумеется, и то, что быстрый демографический рост вывел Пакистан на седьмое место в мире по величине населения (и второе среди мусульманских государств, после удаленной от Евразии Индонезии), а также и то, что с Пакистаном оказались тесно связаны многие международно-политические проблемы ислама, исламской цивилизации, исламского радикализма.

Теперь, с вашего позволения, я перейду непосредственно к теме своего доклада. Я хочу коснуться главным образом трех вопросов. Во-первых, о существовании пакистанского исламорадикализма и породивших его факторах; во-вторых, о его основных направлениях и формах; и в-третьих, о действиях вне Пакистана и взаимодействии со сходными региональными течениями.

Современный исламорадикализм или исламизм я понимаю как религиозно-политическую идеологию, связанную с реализацией определенного проекта действий, а именно такого, который исходит из необходимости разрешения всех проблем, затрагивающих мусульман, исключительно на базе исламских норм, прописанных в шариате как системе положений, выведенных из Корана и Сунны, (см: Исламизм: глобальная угроза? - НИИ социальных систем. М.,2000, с.4) Не буду углубляться в связанные с этим теоретические вопросы, сошлюсь на их разработку в ряде последних работ наших ведущих исламоведов, прежде всего одного из организаторов данной конференции А.А.Игнатенко и, в частности, на его прочитанный сегодня в первой половине дня доклад.

Надо отметить, вместе с тем, что разработка проблем исламизма осуществляется у нас в основном арабистами и основывается по преимуществу на реалиях арабо-мусульманского мира. Между тем, в индо-мусульманском ареале, к которому принадлежит Пакистан, а отчасти и

Афганистан, обнаруживаются, естественно, некоторые специфические черты. Наблюдаются они и в тюрко-мусульманском регионе. Эти особенности, не нарушая главных закономерностей, придают исламорадикализму конкретные формы. В Пакистане можно выделить три основные направления или разновидности исламистских проектов.

Первый из них связан с деятельностью ведущей религиозной партии и разветвленной религиозно-общественной организации Джамаат-и ислами (сокращенно ДИ в переводе - Исламское общество). ДИ возникла ровно 60 лет назад как группа исламских реформистов, сплотившаяся вокруг широко ныне известного не только в Пакистане, но и за его пределами теоретика-исламиста Саеда Абул Ала Маудуди. Вплоть до начала 90-х годов ДИ занимала среди религиозно-политических сил страны бесспорно лидирующую позицию. Хотя это направление имеет генетическую связь с учением улемов суннитско-ханафитской школы деобанди, главным носителем идеологии этой школы является другая религиозно-политическая организация — Джамиат-е-улама-е-ислам (ДУИ Сообщество исламских богословов). Уступая ДИ по популярности в масштабах всей страны, ДУИ традиционно имела более сильные позиции в северо-западных пуштунских и белуджских районах вдоль границы с Афганистаном. Развернувшийся в Афганистане в 80-х годах джихад и политика военной администрации Пакистана во главе с М.Зия-уль-Хаком помогли ДУИ резко усилить свои позиции. Этому способствовало также и то, что улемы-деобанди контролировали большую часть быстро разросшейся в 80-90-х годах системы начальных и средних учебных заведений (дин-и мадарис), а также ведущие центры высшего религиозного обучения (дар-ул-улум). Религиозное образование получило распространение главным образом в наименее развитых северных и западных регионах страны, населенных по преимуществу пуштунами, белуджами и западными панджабцами. Оно охватило и значительное число беженцев из Афганистана, благодаря чему во многом в середине 90-х годов появилось афганское Исламское движение "Талибан". Рост влияния ДУИ в 90-е годы не затмил силу ДИ, но заставил последнюю потесниться. С деобандским направлением генетически связаны не только эти партии, но и религиозно-просветительское движение "Таблиги джа-маат" или "Джамаат-и таблиги" (Общество распространения). Сегодня уже упоминалась роль организации "Таблиги" в создании афганского движения "Талибан". Хотя ее нельзя отрицать, нужно иметь в виду, что главный вклад, с идеологической и организационной точек зрения сделала ДУИ, а не Таблиги, хотя есть сведения, что по каналам последней осуществлялись в 90-е годы вербовка иностранных участников афганского джихада и переводы материальных средств.

Доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом сравнительных теоретических исследований Института Востоковедения РАН, Роберт Ланда.

Доктор исторических наук, заведующий отделом стран Ближнего и среднего Востока Института востоковедения РАН Вячеслав Белокреницкий.

Итак, если первые два потока можно считать деобандскими (пури-танско-ханафитскими), то третье следует отнести к ваххабитским, хотя прямо и не связанным с учением Мухаммада ибн-Абд-аль-Вах-хаба. Оно восходит к возникшему в Индии еще в 19-м веке ортодоксальному течению Ахл-е хадис (люди хадиса), отрицавшему или сводившему лишь к мнению авторитет всех суннитских мазхабов. В 60-х годах 20-го века в столице пакистанского Панджаба Лахоре возникла организация Маркази джамиат-е (Центральное сообщество) ахл-е хадис, а в 80-х годах там же образовалось движение "Дават-валь-Иршад" (Призыв и наставление) Как и выше упомянутая "Таблиги джамаат", "Дават-валь-Иршад" является религиозно-идеологической и просветительской организацией. Очень важно отметить, что в 80-90-х годах в Пакистане наблюдается приобретение исламорадикализмом экстремистских свойств. Каждое из основных его направлений обзаводится боевыми военизированными организациями. К ДИ

примыкают группы "Хезб-уль-муд-жахедин" (Партия участников священной войны) и отряды "Аль-Бадр". В рамках деобандской семьи наибольшей активностью отличаются "Сипах-е сахаба" (Воины-сподвижники Пророка), "Харкат-уль (Фронт) муджахедин", "Лашкар-е-(Ополчение) Джангви", "Джайш-е (Армия) Мухаммад". Наконец, "Дават-валь-Иршад" патронирует крупную вооруженно-диверсионную группу "Лашкар-и-тайиба" (Ополчение чистых).

Надо заметить, что к экстремизму политический ислам в Пакистане обращается сначала под воздействием его втянутости в межафганскую войну, имевшую в годы "холодной войны" ярко выраженный внешний аспект. Это обстоятельство уже тогда, в 80-е годы, вызвало широкое распространение в стране теневой, нелегальной экономики и деструктивной культуры. Не удивительно, что в условиях расширяющегося незаконного владения оружием, роста каналов контрабанды и масштабов наркоторговли, экстремизм превратился в спутника и видимое проявление исламизма.

С окончанием холодной войны ситуация для Пакистана еще более ухудшилась. Во многом потеряв весьма значимую для него военно-экономическую поддержку давнего союзника США, он оказался в то же время в состоянии перманентной конфронтации с Индией в связи с развернувшимся в индийском штате Джамму и Кашмир антиправительственным движением. Определенные государственные структуры в Пакистане, конечно, поддерживали это движение, но они вряд ли были бы способны создать его сами и, что называется, на пустом месте.

Так или иначе, но Кашмир, наряду с Афганистаном, стал двумя главными внешними точками приложения сил пакистанского исламо радикализма и его боевых экстремистских организаций. Рассуждая геополитически, можно представлять себе дело так, что образовалась своеобразная исламистская дуга, северо-западным концом которой является Афганистан, северо-восточным - индийский Кашмир, а центральная часть пролегает по Пакистану. При этом Пакистан платит огромную цену за это свое центральное положение. Религиозно-политический экстремизм вылился там в жестокую борьбу между сектами, вызвал к жизни явление, получившее по аналогии с коммунизмом (столкновением религиозных общин) название сектарианизм. Так, вышеупомянутые экстремистские организации направления деобанди с 80-х годов вступили на путь кровавых разборок с шиитами, составляющими примерно 20% пакистанских мусульман. У шиитов появились свои боевые группы, такие, как "Сипах-е Мухаммад" (Воины Пророка) На протяжении почти двух десятилетий не прекращается также тайная война, часто ведущаяся по законам кровной мести, между суннитами - непримиримыми сторонниками школы улемов-деобанди и приверженцами учения улемов-барелви. Последнее не относится к категории пуританских, освящает традиции низового народного ислама и традиционно пользуется поддержкой и расположением большинства рядовых верующих мусульман в стране. Среди барелви, между тем, также появились боевые группы и непримиримые движения такие, как "Сунни техрик" (Суннитское движение). Общее число жертв заказных убийств, террористических и

диверсионных актов, по ряду оценок, превысило за последние полтора десятилетия 5 тысяч человек.

Надо отметить, что внутренняя и внешняя ипостаси исламорадикализма в его крайних проявлениях тесно связаны между собой. В Афганистане под крылом у талибов скрывается от пакистанского правосудия несколько десятков пакистанцев, подозреваемых в организации и осуществлении убийств и массовых расправ. Образовавшийся деобандско-талибский радикально-экстремистский синтез дополняется нахождением в Афганистане обвиняемых в терроризме арабских исламистов во главе с Усамой бин Ладеном. Экстремисты из арабских стран, составляющие основу организации "Аль-Каида" (Основа), действуют также и в Кашмире наряду с пакистанцами, выходцами как из контролируемых Пакистаном районов бывшего княжества Джамму и Кашмир, так и из других провинций страны. К обрисованной выше радикально-экстремистской дуге в 90-е годы добавилась еще одна, намеченная, правда, в основном пока лишь пунктиром. В ее центре находится Афганистан. Северным концом она, главным образом, через Таджикистан, выходит в Центральную Азию, прежде всего в Ферганскую долину, что в наибольшей степени угрожает стабильности Узбекистана, а восточным - в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая.

Систему этих взаимосвязанных дуг дополняет еще одна большая дуга, проходящая через центр исламского мира — Саудовскую Аравию. Радикально-экстремистские силы в этой и ряде других арабских стран осуществляют влияние в широком диапазоне, на востоке проходящим через Пакистан во внутренние районы Азии, а на западе через Турцию на Кавказ, прежде всего в Чечню.

Пакистан таким образом оказывается прямо или косвенно связан с основными путями распространения радикально-экстремистских волн и потоков, что и определяет, между прочим, его нынешнее весьма существенное международно-политическое значение. Оно, конечно, еще более возросло после фактического превращения страны в ядерную державу. Однако для самого Пакистана как современного национально-территориального государства, исламского, но не исламистского, такое положение на перекрестке религиозно-экстремистских путей чревато большими осложнениями. Представляется, что нынешнее руководство страны во главе с генералом Первезом Мушаррафом (20 июня с. г. ставшим президентом) достаточно хорошо понимает опасности дрейфа в сторону исламизма. В последнее время власти предпринимают усилия по ограничению сферы незаконного владения оружием. Ими, кроме того, объявлено о мерах, затрудняющих сбор пожертвований на цели джихада в Кашмире и Афганистане, а также вербовку добровольцев для пополнения боевых джихадистских ополчений. Важные результаты может принести объявленная государством программа повышения качества и изменения содержания обучения в религиозных школах, попытка превратить медресе в достаточно современные учебные заведения, призванные дать трудовые навыки, а не служить инструментом подготовки воинов вооруженного джихада. Возглавляемое военными правительство принимает также решения об

ограничении роста военных расходов и повышении эффективности системы сбора налогов. Помимо целей достижения весьма необходимой для страны макроэкономической стабилизации, последние усилия направлены на то, чтобы сократить размеры неконтролируемого оборота денежных и материальных средств, что должно остановить процесс эрозии, деградации государства.

Все это, как вы понимаете, напрямую связано с перспективами исламорадикализма в Пакистане. Успех правительственных мероприятий ослабит его влияние, а неудача поставит под угрозу самые основы государственности и вызовет волну дестабилизации не только в Пакистане, но и в прилегающем к нему обширном регионе.

*Выступление
преподавателя Военного университета,
кандидата исторических наук,
полковника Олега Кулакова*

Ислам и талибы

На территории современного Афганистана ислам распространялся в основном в VII-IX вв. нашей эры (в 652 г. арабами был взят Герат, в 707 г. Балх, в начале 90-х годов VIII в. Парван, Гор-банд и Панджшер). Однако полностью Афганистан стал мусульманским только после обращения в ислам в 1896 г. при эмире Абдурахмане Кафиристана. То обстоятельство, что период исламизации Афганистана формально длился около 1200 лет, свидетельствует о сложном процессе распространения ислама среди оседлого населения, племен, находившихся на разных уровнях развития, принадлежавших к различным этносам. В ходе исторического развития, эволюции, конфессиональной ассимиляции, адаптации положений ислама, на основной части территории Афганистана среди большинства этносов получил распространение ислам суннитского направления ханафитского мазхаба, который, в отличие от других мазхабов (шафиитского, ханбалитского и маликитского), более терпимо относится к другим религиям, допускает широкое использование основ обычного местного права (адата) и законов светской власти (ведь Афганистан населяют и пуштуны). Многие кочевые племена (не только афганские), где домусульманские патриархальные обычаи были очень сильны, принимали ислам именно ханафитского мазхаба. Столетия ушли на притирание суннитов и шиитов. Вместе с тем то обстоятельство, что в течение длительного времени Афганистан находился на периферии мусульманского мира, разрозненное мусульманское духовенство до последнего времени не играло государствообразующей роли и прямо не посягало на государственную власть. В целом его роль сводилась к освящению светской верховной власти и ее духовной поддержке.

В результате в Афганистане сложилась своя традиция взаимоотношений светской и духовной власти, которая очень часто играла роль консолидирующего фактора в межэтнических отношениях. Появление в Афганистане талибов знаменовало собой утверждение качественно нового уровня регламентации жизни афганского общества. В конце сентября 1996 года, установив свою власть над столицей Афганистана, талибы официально объявили, что отныне страна будет называться Исламским эмиратом Афганистана, а мулла Омар был провозглашен "повелителем правоверных" — амир-аль-муминин. Ислам был провозглашен государственной религией, официальной идеологией и нормой жизни. Центральная власть оказалась разделенной: в Кандагаре, где находится штаб-квартира талибов, функционирует Большой совет во главе с М. Омаром, выполняющий обязанности законодательного органа. В его состав входят муллы и известные полевые командиры талибов. Общественная и политическая жизнь афганцев регламентируется декретами амира, утвержденными Большим советом. В Кабуле действует правительство талибов, в состав которого введено

несколько департаментов и комиссий, призванных обеспечивать реализацию исламских норм. Для укрепления своей власти и реализации планов по всеобщей исламизации общественной жизни руководство талибов возродило совет улемов, которому было вменено в обязанность "разъяснение населению целей и задач правительства Исламского эмирата Афганистан и наставление их на путь истины".

При Верховном суде создан новый орган — Центральный совет по изданию фетв, председатель которого является заместителем председателя Верховного суда. Сам совет стал высшей инстанцией, выносящей решение относительно соответствия шариату тех или иных указов и решений всех ветвей власти, в том числе и повелителя правоверных.

Исламизация коснулась и экономической сферы. Талибы вводят те формы ислама, которые еще со времен Пророка и "правоверных халифов" регламентировали все вопросы экономики, финансов, торговли и т.п. Так, талибы объявили об отмене ростовщичества и банковского процента. В качестве одного из "подлинно исламских форм экономики" рекомендуется внедрять различные виды сельскохозяйственных и торговых товариществ-ширкетов, основанных на принципе "капитал+труд" и справедливом разделе доходов между владельцем капитала и работником.

Нововведения коснулись прежде всего повседневной жизни афганцев. По поступающим из Афганистана сообщениям талибская "полиция нравов" неукоснительно соблюдает все самые жесткие декреты, которые объявляет по радио "Шариат" руководство талибов (особенно это касается Кабула и др. центральных и северных непештунских городов и провинций). Мусульманским женщинам повсеместно запрещено появляться в общественных местах без чадры и без сопровождения мужчин-родственников, а также работать, получать образование и медицинское обслуживание в местах, где могут оказаться мужчины. По той же причине им нельзя посещать общественные бани и портняжные мастерские, садиться к шоферам-мужчинам в такси, допускать что-либо в своем внешнем облике и поведении, способное привлечь нескромные взоры посторонних мужчин, если они не проявили "бдительности", если они не пресекли "нескромность", "аморальное поведение" женщин-мусульманок. Обучение девочек допускается до достижения ими брачного возраста (9 лет). Такие науки, как география, история, математика, по мнению талибов, им не нужны.

Мужчинам-домохозяевам также вменено в обязанность закрашивать черной краской окна домов: на первом этаже — чтобы чужие муясчины не смогли подглядывать с улицы за женщинами его семьи, и на верхних этажах — чтобы и свои мужчины не подглядывали за женщинами в соседнем дворе.

Мужчинам, помимо пятикратной молитвы, соблюдения поста в месяц рамазан и всех религиозных праздников, предписывается отращивать бороду определенной длины, не носить европейской прически и одежды, не слушать европейскую музыку. Не курить иностранные сигареты, не употреблять спиртные напитки и наркотики, не увлекаться азартными играми на деньги. Не устраивать бои животных и птиц и не допускать сделок по ссудам со взиманием процента и т.п. За все эти прегрешения полагаются примерно

одинаковые меры в системе наказаний танзир. Талибы запретили празднование нерелигиозных праздников. Так было запрещено празднование Ноуруза — Нового года по календарю солнечной хиджры, одновременно отмечавшийся 21 марта населением страны и как День первой борозды, и как день поминовения усопших родственников.

Повсеместно запрещено телевидение и фотографирование. За совершение уголовных преступлений талибами введено публичное отсечение конечностей, либо смертная казнь. Смертный приговор угрожает и тем, кто был уличен в вероотступничестве, идолопоклонстве.

Талибы прибегают к массовым казням непущтунского населения в центральных и северных районах, обвиняя его в предательстве и поддержке войск "Северного альянса". Мулла Омар в интервью саудовской газете "Али-Шарк аль Аусат" прямо назвал жертв массовых казней мятежниками против шариата. А на вопрос, считают ли талибы убитых ими нарушителей вообще мусульманами, последовал хотя и не прямой, но достаточно определенный ответ: "Мы не совершаем молитвы над их трупами и не предаем погребению". Если рассматривать действия талибов с точки зрения классического ислама, то в их действиях просматривается много противоречий и отступлений от основных положений.

Проведение жесткой исламизации в районах проживания национальных меньшинств, к примеру, входит в противоречие с веками сложившимися традициями и полностью отрицает адат и законы светской власти, допускаемые ханафитским мазхабом (на основе которого, кстати, якобы основывается концептуальное строительство эмирата Афганистана).

Не подпадают ни под какую аргументацию проводимые талибами массовые казни представителей национальных меньшинств, исповедующих ислам.

Прослеживается противоречие между заявлениями талибов о запрещении потребления наркотических средств и откровенным поощрением производства наркотиков. В Кандагаре крестьяне получают даже денежные авансы под будущие урожаи мака. После их погашения они отдают талибским властям еще 10% натурой (!) или деньгами в качестве налога, а остальное продают перекупщикам — агентам наркобаронов, владеющих фабриками и лабораториями по переработке опиума в героин. Последним также открыт кредит Кандагарского банка. Результат такой политики талибов не заставил себя ждать — за 1999 г. 75% (ок. 4.600 т.) производимого в мире опиума-сырца приходится на зону, подконтрольную талибам. Мусульманский мир еще не знал такого покровительства наркодельцам на правительственном уровне.

Много вопросов возникает в связи с титулом муллы Омара — амир-аль-муминин.

Первый — каковы географические пределы, в которых мыслят себя талибы, так как по существующим исламским канонам обладатель такого титула является повелителем всех правоверных, в том числе и в странах, с которыми у Афганистана нет даже общих границ. В этой связи очень многое могли бы прояснить работы по исламу лидеров талибов, включая самого Омара. Однако таких работ пока нет, да и имена лидеров талибов не являются

авторитетными среди мусульманских богословов, подавляющее большинство которых воздерживается от комментариев, когда речь заходит о талибах. В руководстве исламского эмирата только пуштуны, нет ни одного представителя мусульман-суннитов других национальностей. В этих условиях очень трудно определить и основу взаимоотношений традиционных союзников талибов, полноправных членов мирового сообщества — Саудовской Аравии, ОАЕ и Пакистана. На чем основан ваххабитско-талибский альянс, каковы его цели, при том, что отступления от канонов ислама вызывающе очевидны? Подводя итог своему выступлению, хотелось бы выделить ряд проблем, которые логически вытекают из вышесказанного:

— является ли предлагаемый талибами ислам истинным, или его новой трактовкой, или, быть может, мы являемся свидетелями зарождения новой традиции, у истоков которой стоят талибы;

— насколько близки в своих действиях талибы к одной из провозглашаемых ими целей — миру в Афганистане.

В заключение разрешите поблагодарить организаторов конференции за приглашение принять участие в работе и возможность выступить. Очень надеюсь, что мое выступление будет содействовать работе нашего форума по проблеме, важность которой трудно преувеличить.

*Выступление
кандидата исторических наук,
сотрудника Института этнологии
и антропологии РАН Ахмеда Ярлыкапова*

Ваххабизм на Кавказе

События последних 15 лет XX века вызвали значительные перемены на конфессиональной карте России и других стран бывшего СССР, стремительно вовлекая их в водоворот всемирного религиозного процесса. За считанные годы глубоко светская, в значительной мере атеистическая Россия столкнулась лицом к лицу с теми проблемами, о которых знали лишь узкие специалисты — религиоведы и востоковеды. Резко убрав пресловутый "железный занавес", Россия должна была быть готова к тому, что в открытые ею ворота ринутся не только здоровые и прогрессивные силы. Отсутствие элементарного контроля со стороны государства за тем, что творится в религиозной сфере, как и в какую сторону идут процессы религиозного возрождения, привело к тому, что среди некоторой части мусульманского населения Северного Кавказа вполне легально распространились идеи радикального и экстремистского содержания.

Не стоит, впрочем, и преувеличивать степень закрытости советского общества. В этом плане было бы не лишним напомнить, что, при всей изолированности Советского Союза от внешнего мира, мусульманская часть его населения не была совершенно отрезана от своих собратьев за рубежом. Действительно, при всем многообразии локальных форм, ислам един, и это его единство не может подвергаться сомнению.

Понятно, что наблюдающаяся последние десятилетия мировая тенденция к усилению радикальных настроений среди мусульман, известная в западной прессе как "фундаментализм новой волны", никак не могла обойти стороной и жителей бывшего Советского Союза. Другое дело, что условия, сложившиеся здесь в результате распада государства, проведения радикальных экономических реформ, резкого роста интереса к религии привели к тому, что радикализация части населения имела свои специфические причины и формы. Радикальные идеи на Северном Кавказе распространились главным образом в форме ваххабизма. В своем докладе я постараюсь на основе результатов проведенных в регионе полевых исследований осветить причины успеха ваххабитской пропаганды, ее корни, идеологию и организационную структуру ваххабитского движения на Северном Кавказе.

О "ваххабизме"

По сей день среди российских исследователей ислама не утихают споры относительно правомерности использования в отношении отечественных последователей радикальных течений ислама термина "ваххабизм". Есть мнение, что термин "ваххабиты" применительно к ним некорректен, потому что они сами себя так не называют и протестуют против такого названия. Для их обозначения предлагается термин "салафиты". Однако термин "ваххабиты" вполне можно использовать в научном обиходе. Слово "аль-

ваххабийя" (ваххабиты) прочно утвердилось в мусульманском мире; именно этим термином обозначают последователей Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба на арабском Востоке. Ввиду того, что, хотя не все радикальные фундаменталистские идеи, распространенные сегодня в исламском мире, напрямую имеют отношение к классическому ваххабизму, но при этом стоят с ним на одной идеологической платформе, мусульмане везде называют их носителей "ваххабитами". Не стала в этом плане исключением и Россия, и бывшие республики СССР. Важно лишь понимать, что этот термин обозначает широкий спектр радикально-фундаменталистских подходов к интерпретации исламского вероучения, получивших наиболее полное и систематизированное изложение в трудах Ибн Таймийи (XIII в.) и Мухаммада Ибн Абд аль-Ваххаба (XVIII в.). Даже в Саудовской Аравии, на родине "классического" ваххабизма, его уже давно не существует. По сообщениям молодежи, прошедшей обучение в учебных заведениях Саудовской Аравии, вопреки распространенному мнению, "классический" ваххабизм сегодня не является официальной идеологией королевства. Улемы, поддерживаемые государством, подчеркнуто не следуют строго одному учению или одной богословско-правовой школе (мазхабу). Эта позиция саудовских улемов, несомненно, восходит к взглядам Ибн Таймийи, который первым выступил против таклида, т.е. жесткого следования учению одного из четырех имамов-основателей богословско-правовых школ в суннизме. Большое место идеи Ибн Таймийи занимают также и в идеологии движения "Братьев-мусульман", относимых в исламском мире к разряду "ваххабитских".

Таким образом, в XIX-XX веках значение термина "ваххабизм" расширилось, став обозначением всех фундаменталистских и радикальных течений в суннизме. Поскольку среди мусульман Северного Кавказа данный термин широко используется именно в этом смысле, я также буду его использовать в своем сообщении. Отмечу лишь, что как традиционалисты, так и реформаторы вносят в обозначение противной -стороны элемент уничижительности. Иногда используются и другие термины для взаимного обозначения. Например, у карачаевцев ваххабитов называют "къарасакъал" ("чернобородые") за то, что они не бреют свои бороды, а те своих оппонентов именуют "мавлютчу" ("мавлидисты") или "сумкачу" ("сумочники"). Сами ваххабиты никогда себя так, естественно, не называли и не называют. На заре этого движения, в XVIII веке, среди них было распространено самоназвание ахль ат-тавхид или муваххидун ("люди единобожия", "единобожники"). Сегодня на Кавказе они не любят, когда их называют "ваххабитами", изображая это слово как "ругательный ярлык, запущенный в обиход российскими спецслужбами". Они предпочитают называть себя "общиной мусульман" (джама'ат ал-муслимин), салафитами (салафиюн) или "братьями" (это вообще распространенная форма обращения друг к другу в ваххабитских общинах на Кавказе).

Причины, условия и пути проникновения ваххабизма на Кавказ

Ваххабитское движение на Кавказе имеет сравнительно недолгую историю. Первые их общины стали появляться еще в 1970-х годах, постепенно расширяя свое влияние. Иными словами, ваххабизм на Кавказе изначально местное явление. Однако дальнейшее его расширение, тоже, кстати, имевшее внутренние причины, происходило во многом за счет внешних влияний.

Прекращение тотального контроля над религией со стороны государства, наступившее в начале 1990-х годов, значительно облегчило ведение миссионерской деятельности. Основная масса тех, кто называл себя мусульманами, имела лишь самые общие и не всегда верные представления о своей религии. Полная религиозная неграмотность населения, отсутствие представлений о различных толках, существующих в рамках суннитского направления ислама, идеализированные представления об исламе как о единой религии, не разделенной на различные направления и толки, привели на первых порах к серьезному численному росту рядов реформаторски настроенных мусульманских общин, призывавших верующих вернуться к "чистому" исламу. Действительно, за 70 лет атеистического господства на Кавказе под оболочкой ислама бытовали верования и обряды, которые порой противоречили духу и букве Корана и сунне Пророка. Многие из них с началом экономических реформ, сопровождавшихся обнищанием большинства населения, стали весьма разорительны для мусульман. Наиболее тяжелым бременем на них ложилась традиционно пышная на Северном Кавказе похоронно-поминальная обрядность.

Первоначально органы государственной власти сами много способствовали распространению ваххабизма среди местного населения, не предпринимая никаких мер для того, чтобы не допускать проповеди радикальных идей. Здесь сказался целый комплекс причин, среди которых, несомненно, и отсутствие опыта работы аппарата власти в условиях религиозной свободы, отсутствие хорошо подготовленных специалистов.

Многих привлекала простота, доступность идей, здоровый образ жизни членов ваххабитских общин, царящий в них дух братства. Среди причин расширения влияния ваххабитских идей следует также назвать пауперизацию экономически активного населения, рост протестных настроений в связи с усилением коррупции и преступности. Ваххабитские проповедники активно критиковали все эти негативные явления в современном кавказском обществе, умело использовали в своих целях идеи братства и социальной справедливости, заложенные в исламе, и призывали немедленно и любыми путями установить шариат для устранения всех пороков общества. Эти причины привели к тому, что у ваххабитского движения на Северном Кавказе сложилась своя особая социальная база. Подавляющее большинство последователей ваххабизма в регионе составила молодежь, которая, во-первых, еще не успела интегрироваться в общинную жизнь, и поэтому имела возможность открыто возмущаться теми порядками, которые, по их мнению, противоречили исламу и были обузой в материальном плане. Во-вторых, трудоспособная и социально активная молодежь в первую очередь стала жертвой безработицы в горских республиках, которые всегда имели избыток рабочих сил. В целом по Северному Кавказу до 70% молодых людей в

возрасте моложе 30 лет не имеют сегодня работу. В Республике Дагестан, где ваххабизм распространился наиболее широко, среди молодежи в возрасте 18-28 лет безработица составляет почти 60%.

Идеи ваххабизма распространились и среди горских переселенцев на равнину, которые также оторвались от своих материнских общин в горах. Особенно много их было в многонациональных Кизи-люртовском и Хасавюртовском и в предгорном Буйнакском районах Республики Дагестан. Идеальный лидер дагестанских ваххабитов Ба-гаутдин Кебедов (Баха ад-дин Мухаммад) в городе Кизилюрте открыл медресе, в котором обучалось одновременно до 700 студентов — мутаалимов (медресе действовало с 1989 по 1997 г.) В 1998 г. жители трех сел Буйнакского района — Карамахи, Чабанмахи и Кадар — объявили себя "исламской территорией", на которой действуют только законы шариата, с выдворением представителей местных властей и силовых органов. Этот анклав, не подчинявшийся светским дагестанским властям, просуществовал целый год, демонстрируя тем самым окружающему населению жизнеспособность идеи "шариатского правления". Успеху ваххабитской пропаганды способствовала также помощь зарубежных негосударственных исламских фондов, в основном из Саудовской Аравии и Кувейта, на средства которых, к примеру, шла активная издательская деятельность, предпринимались даже попытки теле- и радиовещания (на территории так называемой Кадарской зоны в Буйнакском районе Республики Дагестан). Среди этих фондов и организаций широкую известность получили благотворительные фонды аль-Харамейн, аль-Игаса, международная исламская благотворительная организация "Тайба", Всемирная Ассамблея исламской молодежи (WAMY), Общество социальных реформ, Международная исламская организация спасения (МИОС), фонд "Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим" и другие. Одним из путей проникновения ваххабитских идей стала учеба молодых людей из республики Кавказа в учебных заведениях Саудовской Аравии, Кувейта, Пакистана. По данным на 1996 год, только из одной Республики Дагестан за границу получало исламское образование свыше 1230 юношей, при том, что все население республики составляло тогда около 2 млн. человек. Несмотря на то, что на Королевском колледже в городе Медина (Саудовская Аравия) и других учебных заведениях, как и во всем исламском мире, обучали принципам всех четырех мазхабов (толков) суннитского направления ислама, в их программах, видимо, все же преобладающее значение придавалось изучению наследия Ибн Таймийи и принципов ханбализма. Такое впечатление у меня сложилось в результате бесед с молодыми людьми, прошедшими обучение в духовных учебных заведениях Саудовской Аравии. В этих учебных заведениях кавказская молодежь получила весьма основательный идейный фундамент под религиозную нетерпимость и радикализм, для которых в посткоммунистическом обществе уже была готова почва. Эти люди в целом немногочисленны; они составляют сегодня интеллектуальную элиту ваххабитов, подпитывая их идеологически. В отличие от основной массы ваххабитов, они достаточно последовательно следуют канонам "классического" для ваххабизма ханбалитского мазхаба.

Другим путем проникновения ваххабитских идей, помимо учебы молодежи за границей, следует назвать деятельность иностранных проповедников. Особенно много их побывало в регионе в начале 1990-х гг. Во всех республиках Северного Кавказа местные жители, негативно настроенные по отношению к ваххабитам, поминают недобрым словом проповедников из зарубежных стран. По их свидетельствам, эти люди через переводчиков в открытую призывали народ к вооруженной борьбе против "неверных", под которыми понимались в основном местные русские и Россия в целом. Уже к середине 1990-х гг. государство стало контролировать их деятельность, однако дело уже было сделано.

Еще одним источником проникновения ваххабитских идей на Северный Кавказ является Пакистан. Радикальная интерпретация ислама попадает на Северный Кавказ как прямо из Пакистана, так и опосредованно, через среднеазиатских ваххабитов. Установленным фактом является то, что в Нефтекумский район Ставропольского края ваххабитские идеи проникли усилиями гражданина Узбекистана, который известен как Саид-мулла. Этот эмиссар появился в крупном ногайском селе Каясула в 1993 г. вместе со своей семьей. Интересно, что устроиться здесь ему помогли местные власти. Глав сельской администрации С. Г. Арутюнов помог ему прописаться и устроиться на работу, выделил землю под строительство жилого дома и помогал со строительством. В таких тепличных условиях Саид-мулла развернул свою пропагандистскую деятельность и быстро подготовил в среде местной молодежи своих сторонников. Сколоченная им община ваххабитов, хоть и была немногочисленной, но проявляла большую активность. Энергичные молодые люди быстро победили с помощью заграничного гостя в диспутах местных религиозно малограмотных стариков и прибрали к своим рукам мечеть. Саид-мулла, сделав свое дело, давно уже отбыл к себе на родину, но в каясулинской мечети его дело продолжает в качестве имама один из его учеников.

Здесь же следует отметить, что проникающие из Пакистана ваххабитские идеи представляют наибольшую опасность для Северо-Западного Кавказа. Если саудовский вариант ваххабизма пока оказывает сильное воздействие в основном в сфере, так сказать, идеологической (упор на ведение "великого" джихада), то пакистанский вариант нацеливает своих адептов на практическую деятельность, т.е. наведение "малого", или вооруженного джихада. Распространением ваххабитских идей из Пакистана через Среднюю Азию можно объяснить, мне кажется, тот факт, что довольно много молодых людей из восточных районов Ставропольского края приняли активное участие в боевых действиях в Чеченской республике на стороне противников российской власти. Кроме того, местные ваххабитские общины широко используют помещения в мечетях для занятий спортом и боевыми искусствами, демонстрируя тем самым сугубо практическую направленность своей деятельности.

Идеология и организационная структура ваххабитского движения на Кавказе

Основой идеологии ваххабитов Кавказа является признание источником вероучения только Корана и достоверной, как они подчеркивают, сунны. В одном из конспектов ваххабитского мутаалима говорится: "Мусульмане должны искренне принять учение Ислама, воплощение в Священном Коране — Слове Аллаха и Сунне — высказываниях пророка Мухаммада. Они выступают против того, чтобы мусульмане слепо и безоговорочно следовали принципам только одного из четырех мазхабов (богословско-правовых школ). Вопреки ошибочному представлению, кавказские ваххабиты не отрицают мазхабы, а лишь демонстративно отказываются основываться на одном из них (т.е. отрицают таклид). Так же, как и саудовские ваххабиты, их кавказские единомышленники признают четырех имамов, основателей суннитских мазхабов и двух богословов — Ибн Таймийю и Ибн аль-Кайима, не признавая авторитета последующих поколений богословов.

Отсюда — призыв ваххабитов к очищению ислама от "недозволенных новшеств (бида), которыми, по их мнению, оброс ислам на Северном Кавказе. Они резко выступают против многих обычаев и обрядов, укоренившихся среди местных мусульман — цикла поминальных обрядов, включающий чтение Корана по усопшему, проведение обряда выкупа грехов покойного (деур), раздачу милостыни на кладбище; против празднования мавлида (дня рождения пророка Мухаммада) и т.д. Однако наиболее непримиримо ваххабиты настроены против местного суфизма и связанного с ним культа святых. Почитание шейхов, зикры, посещение могил святых шейхов (зийарат) и многое другое из практики последователей местных тарикатов ваххабиты считают признаком их глубочайшего и осознанного заблуждения, многобожия (ширк) и неверия (куфр). В неверии обвиняются не только последователи тарикатов; неверными ваххабиты объявляют всех мусульман, которые не разделяют их точки зрения. Идеологи ваххабизма отводят одно из ведущих мест джихаду — борьбе за веру. В уже упомянутых мной конспектах ваххабита говорится: "Ислам — религия Джихада и жизни. Ислам предписывает каждому мусульманину не щадить ни своего имущества, ни своих сил во имя победы Ислама". Иными словами, ведение джихада ваххабиты считают обязанностью каждого мусульманина. При том они считают, что сегодня джихад обязательно принимает форму вооруженной борьбы против врагов ислама. В одной из листовок, распространявшихся в Дагестане так называемым "Центром исламского призыва "Бадр", среди десяти столпов "исламского джамаата" под номером четыре называется джихад (естественно, понимаемый как вооруженная борьба).

Если внимательно проанализировать идеологию кавказских ваххабитов, то нетрудно будет заметить, что конфликтный потенциал содержат два основных положения ваххабитского учения: во-первых, положение о том, что те, кто не согласен с их интерпретацией ислама, являются отошедшими от ислама и, во-вторых, положение о вооруженном джихаде против неверных. Российский исламовед А.А. Игнатенко даже считает эти два положения системообразующими, органично присущими салафизму (ваххабизму). Полевые исследования позволили установить отсутствие четко организованной структуры ваххабитского движения на Кавказе, а также

единой богословско-правовой доктрины, которой бы они придерживались. Последователи ваххабизма придерживаются и шафи-итского, и ханафитского толка суннитского направления ислама при безусловном признании принципов учения Мухаммеда ибн Абдель Ваххаба, которое играет роль цементирующей основы движения.

Само движение в ходе полемики с мусульманами-традиционалистами и властями кое-где эволюционировало до крайних экстремистских позиций, что привело, в частности, к попыткам форсированного введения шариата, что не могло не вызвать конфликта с российской правовой системой. Среди ваххабитов имеется немало молодых людей, готовых сражаться из идейных соображений. Однако не все ваххабиты придерживаются экстремистских взглядов; среди них есть также и те, кто вполне готов на сотрудничество с представителями традиционалистов. Члены небольшой ваххабитской общины в селе Ново-Дмитриевка Тарумовского района Республики Дагестан во время беседы со мной сетовали на то, что местные мул^ы так и не отозвались на их призывы собраться вместе и обсудить существующие идейные разногласия. "В мечеть нас тоже не пускают. В день пять раз азан должен провозглашаться, мы могли бы это делать. А сейчас что? Двери мечети все время заперты, открываются они только на пятничную молитву. Разве это по-мусульмански?" — говорит один из них.

На Кавказе случилось так, что радикальные идеи ваххабитского толка были развиты далее и взяты на вооружение лидерами террористов и сепаратистов всех мастей. Они дали возможность идейно обосновать ведение вооруженной борьбы как против федеральной власти, так и против местных властей, несмотря на то, что последние зачастую возглавляются формально мусульманами. Успешному наполнению радикально-фундаменталистских идей элементами экстремизма способствовала также проводимая в Чечне военная операция, которая преподносится идеологами сепаратистов как война "христианско-иудейской" России против мусульман Кавказа. Между тем, поступающие из Чечни данные свидетельствуют о том, что многие из тех, кого сегодня принято громогласно объявлять ваххабитами, на самом деле таковыми вовсе не являются, а лишь ловко используют в своих целях экстремистскую интерпретацию ваххабитского учения. Ни Басаев, ни Удугов, ни Яндарбиев по своему уровню и знаниям не могут сравниться с такими духовными лидерами ваххабитов, как Багаутдин Кебедов или ныне покойный Ахмад-кади Ахтаев. "Ваххабит" Басаев открыто носит нагрудный талисман, что ваххабизмом категорически запрещено. Среди воюющих против российских войск в Чечне вряд ли наберется много тех, кто основательно сумел вникнуть в идеологию ваххабизма. Организационная структура ваххабитского движения на Северном Кавказе довольно проста. Каждую общину (джамаат) возглавляет амир — человек, руководящий как религиозной, так и общественной жизнью общины. Джамааты, как правило, не объединены организационно; каждый из них фактически автономен. У ваххабитов в регионе нет какой-то объединяющей организации или партии; создававшиеся прежде структуры практически все к сегодняшнему дню

развалились. В то же время все ваххабитские общины знают о существовании друг друга и, скорее всего, контактируют, хоть и не часто.

Каждая ваххабитская община старается обзавестись двумя немаловажными исламскими институтами: школой при мечети (мадраса) и шариатским судом (махкама шар'ийа). Этими институтами обзаводились достаточно крупные и крепкие ваххабитские общины, в основном на территории Юго-Восточного Кавказа. Имелись попытки создания таковых и на территории Северо-Восточного Кавказа, но они достаточно быстро были прикрыты. Сегодня эти институты ваххабитов по всему региону вынуждены действовать подпольно, за исключением некоторых районов Чечни.

Ваххабиты не представляют собой какого-то однородного движения. На сегодняшний день среди них оформились два основных течения: радикальное и умеренное. Радикалы требуют немедленного установления исламского правления на Северном Кавказе и повсеместного введения в мусульманских районах норм шариата. Умеренное же крыло справедливо указывает на то, что нормы шариата вводить не у кого, поскольку основная масса тех, кто считает себя мусульманами, сами плохо себе представляют даже основы собственного вероисповедания. Они считают, что проблему установления исламского правления надо отодвинуть на будущее, поскольку попытки введения шариата не имеют под собой реальной основы. Первоначально следует воспитать поколение мусульман, искренне стремящихся жить по шариату.

Наиболее экстремистски настроенные ваххабиты организовали военизированные группировки. Например, в одной только Республике Дагестан к лету 1999 г. действовало более 70 вооруженных ваххабитских группировок. Безусловным лидером вооруженной части ваххабитов считается иорданец Хаттаб, до сегодняшнего дня воюющий против российских властей в Чечне. В конце 1997 г. к нему примкнули многие дагестанские ваххабиты, перешедшие в Чечню вместе со своим идеологом Багаутдином Кебедовым. Последний смог даже организовать из военизированных групп так называемую "Исламскую армию Кавказа", активно участвующую в военных действиях на территории Чечни против федеральных сил. Еще один лидер военизированных групп ваххабитов — дагестанец Джарулла Радж-бадинов. Он известен как организатор вооруженного ополчения в селах Карамахи и Чабанмахи Буйнакского района Республики Дагестан, имевший самые тесные контакты с Хаттабом. Поскольку до сих пор отряды Басаева и Хаттаба не разгромлены, можно утверждать, что одной из сильнейших военных организаций ваххабитов является базирующийся на территориях, контролируемых сепаратистами, "Конгресс народов Ичкерии и Дагестана". Не стоит сбрасывать со счетов и того факта, что значительная часть ушедших в подполье ваххабитов, так или иначе, тоже вооружена; перед государством будет стоять задача планомерного их выявления и изъятия оружия, что может растянуться на долгие годы.

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что ситуация с ваххабизмом на Кавказе характеризуется сложностью и неоднозначностью. Ваххабизм здесь распространился почти исключительно в среде молодежи, и стал серьезным и долгосрочным фактором в стране. Долгосрочный характер ваххабизма определяет также тот факт, что, несмотря на то, что ваххабизм долгое время активно насаждался из-за границы, он все же родился и укоренился на местной, хорошо подготовленной для него почве.

Ваххабитское учение содержит в себе радикальные идеи, которые потенциально способны вызвать конфликты в и без того беспокойном кавказском регионе. Творчески развитые лидерами сепаратистов в Чечне, они стали серьезным идеологическим обоснованием проводимой здесь вооруженной борьбы против российской власти. В то же время само ваххабитское движение не отличается единством и сплоченностью своих рядов. Наряду с непримиримыми, призывающими к ведению вооруженного джихада до победного конца, есть немало и умеренно настроенных ваххабитов, способных на разумный компромисс. Сумеют ли местные и федеральные власти воспользоваться отсутствием единства в рядах ваххабитов? Ответ на этот вопрос мы получим лишь со временем.

*Выступление
кандидата исторических наук,
эксперта Международной общественной организации
"Центр стратегических
и политических исследований"
Константина Полякова*

Арабо-мусульманское влияние на ислам в России:

Проблемы и противоречия (90-е гг. XX в.)

На фоне произошедших на рубеже XX и XXI веков глобальных перемен стали заметны попытки вовлечь Россию в противостояние с исламским миром, чреватые серьезной угрозой ее безопасности и территориальной целостности. К настоящему времени отчетливо прослеживаются отдельные фазы этого процесса. Возросшая после распада Советского Союза активизация исламистов в соседних с Россией регионах способствовала стремлению ряда стран спровоцировать в России борьбу с исламским экстремизмом. Обострение проблемы сепаратизма Чечни под исламскими лозунгами вызвало стремление зарубежных мусульманских кругов к вмешательству во внутрироссийские дела. Постепенное вовлечение России в урегулирование кризиса на Балканах происходило на фоне попыток противопоставить православное большинство и мусульманскую общину в самой России. Проведение предвыборных кампаний в нашей стране стало сопровождаться попытками части политиков использовать религиозную (исламскую, православную и т.п.) риторику в борьбе за власть. Вооруженный конфликт в Дагестане 1999 г. увеличил вероятность формирования собственно исламского экстремизма в России. И, наконец, террористические акты в российских городах и новая военная кампания в Чечне придали "исламской составляющей" Северо-Кавказских событий международный характер.

Динамика развития религиозно-политической ситуации в 90-е годы в России еще раз показала, что ислам выступает одним из важных факторов, определяющих отношения нашей страны с внешним миром. Это обусловлено тем, что Россия является крупной мусульманской страной. По общему числу проживающих в ней приверженцев этой религии (около 12,5%) Россия превосходит многие исламские государства. Более тридцати разных по численности мусульманских народов, живущих на территории России, являются ее исконными жителями. Велик вклад мусульман в духовную и культурную традицию российского общества. Растет удельный вес мусульман в предпринимательских кругах России. Все более заметно участие инациональных мусульманских диаспор в экономической жизни страны. Представители мусульманской общины постепенно входят в политическую элиту России, выражая более или менее адекватно социально-экономические и соответствующие им политические интересы части электората. Общественные организации российских мусульман, чья деятельность не выходит за рамки действующего законодательства, являются полноправными участниками политического развития страны.

Проблема роста религиозного экстремизма, с которой столкнулась часть новых государств на постсоветском пространстве, включая Россию, носит многоплановый характер. Поиск путей ее решения требует взвешенного и беспристрастного подхода. Это вызвано не только опасным характером любых экстремистских проявлений самих по себе, но и деликатностью религиозного аспекта данной проблемы, связанного с безусловным требованием уважения к чувствам верующих. Многоплановость этой проблематики предполагает рассмотрение весьма сложной и во многом противоречивой совокупности внутренних и внешних предпосылок и условий социально-экономического и политического характера, которые способствуют формированию религиозных экстремистских тенденций на постсоветском пространстве. В числе наиболее актуальных на сегодня стали вопросы, связанные с влиянием внешнего фактора на процессы распространения идеологии исламского фундаментализма в России и других странах СНГ. В частности, в отечественной и зарубежной востоковедной политологии продолжается дискуссия о соотношении внутренних и внешних причин соединения ислама и политики,— факторов, способствующих появлению и развитию исламизма. Среди отечественных исследователей, которые наиболее активно разрабатывают эту тему в целом, а также отдельные аспекты данной проблематики (А.А. Игнатенко, Р.Г. Ланда, А.В. Малашенко, С.А. Мелькров, В.В. Наумкин, Л.Р. Сюкияйнен, А.Ю. Умнов и др.), существуют разные точки зрения в оценке как самого феномена исламского фундаментализма, так и степени влияния внешнего фактора на радикализацию ислама в мусульманских регионах СНГ. Необходимо оговориться, что здесь под влиянием внешних условий на процессы радикализации ислама в России понимается воздействие всего комплекса внешних факторов (главным образом, политических, идеологических, организационных и иных), которые способствуют или могут привести в дальнейшем к нарушению относительной стабильности в российском исламе, переходу части верующих от умеренных взглядов в области теории и практики ислама на позиции религиозной нетерпимости в вопросах веры и экстремизма в сфере политики. В этом контексте термин "исламизм" употребляется для обозначения практики использования исламской религии в политических целях.

Очередная волна радикализации и политизации ислама в современном мире происходит в форме процессов, которые по-разному квалифицируются как отечественными, так и зарубежными исследователями. Иногда эти процессы рассматриваются как следствие "цивилизационного противостояния", и трактовка происходящих в мусульманском мире событий осуществляется, условно говоря, с позиций "возрождения ислама". В этом подходе, в частности, прослеживается мысль о том, что современный исламский фундаментализм — это закономерное явление в рамках очередной волны "исламского ренессанса". Например, оно отражает стремление части мусульман к возрождению "истинных" исламских ценностей в условиях глобализации. Другие исследователи чаще делают акцент на конкретных социально-экономических интересах, которые стоят за активизацией

исламских движений. При этом предполагается, что существующее несправедливое положение в международных отношениях, отсутствие реально устраивающих население развивающихся стран результатов в построении демократического (гражданского) общества, нерешенность острых социально-экономических проблем,— все это выступает факторами, способствующими переходу фундаменталистов на позиции политического экстремизма. При таком подходе проблема так называемого "исламского терроризма" предстает как отражение экстремальных форм борьбы за равноправное участие в мировой политике, реакция на засилье западных стран в мировых делах, за национальный (или конфессиональный) суверенитет, иногда за сохранение права на социокультурную самобытность, но чаще всего — как стремление к решению внутренних проблем на путях установления "исламского порядка". Исходным пунктом другого подхода, как правило, выступает анализ геополитических интересов в международных делах. При этом предполагается, что, например, за "ваххабизмом" в России (движением "Талибан" в Афганистане, "салафитами" в Египте, Йемене и других арабских странах и т. д.) стоят определенные политические силы, которые используют радикализм этих и подобных движений и организаций для решения своих корыстных, в конечном итоге, задач. Под таким углом зрения исламские экстремисты могут предстать всего лишь оружием для проведения политики отдельных западных или восточных государств, направленной на достижение конкретных целей: создание позиций в жизненно важных для них регионах, установление своего контроля над торговыми путями, транспортировкой энергоносителей, добычей отдельных видов минералов и т. п. Приведенное выше схематичное и далеко не полное изложение некоторых точек зрения на эту проблему показывает, что в целом она продолжает оставаться открытой. Вместе с тем, в литературе достаточно убедительно отмечается, что воздействие внешнего фактора на радикализацию ислама в мусульманских регионах России носит ограниченный характер и определяющими для этого процесса являются внутренние условия. В частности, Д. В. Макаров пишет: "Признавая очевидную роль внешнего фактора в распространении фундаменталистских идей на Северном Кавказе, все же следует подчеркнуть, что этот процесс отражает прежде всего глубинные социокультурные сдвиги внутри местных обществ и неспособность традиционного ислама удовлетворить формирующиеся в них новые интеллектуальные, духовные, социальные и политические интересы". В этом плане весьма важным предстает вопрос соотношения идеологии национализма и религиозного фундаментализма, который может послужить фактором, сдерживающим процессы радикализации ислама в Российской Федерации. Рассматривая эту проблему в середине 90-х годов, Р.Г.Ланда прогнозировал, что "одной из причин неудачи фундаменталистов на всем постсоветском пространстве будут национализм и регионализм. В сущности, они весьма сходны и иногда проявляются даже одновременно. Невозможно установить ни солидарность всех мусульман СНГ, ни даже исламских фундаменталистов в условиях, когда сугубо националистические настроения берут верх практически во всех

мусульманских республиках бывшего Союза, а внутри некоторых из них регионализм оказывается сильнее национализма". Этот тезис сохраняет свою актуальность до настоящего времени.

Для анализа дальнейшего развития процессов радикализации ислама в России представляется продуктивным рассмотрение совокупности социально-экономических и соответствующих им политических интересов всех слоев исповедующего ислам населения. В конечном счете "спрос" различных социальных групп населения на "радикальный" ислам, который предполагает, помимо прочего, решительные шаги по установлению "исламского порядка" (отождествляемого частью населения с социальной справедливостью, национальным равноправием, равенством всех перед законом и т. п.) рождает соответствующее "предложение". При этом социальная база исламистов пополняется за счет представителей тех групп населения, которые связывают удовлетворение своих социально-экономических и соответствующих им политических интересов с установлением исламской формы правления. В то же время сами по себе внутренние условия, способствующие появлению у населения потребности выразить свои интересы с использованием лозунгов "радикального" ислама, не могут быть достаточными для возникновения широких исламских общественно-политических движений фундаменталистской направленности. Даже при наличии субъективного фактора (каковой в России пока отсутствует), возможность создания основных предпосылок для распространения идей "радикального" ислама реализуется на первоначальном этапе через влияние внешних условий.

В 90-е годы XX века страны Арабского Востока выступили важной составляющей внешнего воздействия на ислам в России. Именно в этот период, в силу изменения международного положения нашей страны, а также значительных внутренних трансформаций, арабо-мусульманское проникновение в Россию стало особенно ощутимым. Российская внешняя политика, испытывая своеобразный "комплекс вины" за прошлое, иногда следовала возникшему в то время тезису о потере интереса арабских стран к России (сравнивался уровень сотрудничества России с масштабами взаимодействия бывшего СССР со странами Арабского Востока). В свою очередь, "исламская составляющая" внешнеполитического курса ряда арабских стран в отношении России стала вызывать тревогу некоторых исследователей в связи с возможностью создания структуры политико-экономического и военного сотрудничества государств Ближнего и Среднего Востока. Предполагалось, что эта структура может рассматривать в качестве зоны своих интересов не только государства Закавказья и Центральной Азии, но и российский Северный Кавказ. При этом, например, Л. Хоперская отмечала, что "для достижения поставленных целей мусульманские государства активно используют национальные спецслужбы, которые предпринимают попытки к созданию широкомасштабного происламского лобби во властных структурах всех уровней. Среди их приоритетных задач — стремление обеспечить единое руководство над всеми мусульманскими организациями России, усилить позиции исламского фундаментализма на

территории Северного Кавказа". В то же время В.А.Ахмедов высказал мнение о том, что "складывающаяся сегодня на Кавказе ситуация является для арабов весьма непростой и даже потенциально опасной, поскольку новые геополитические реалии здесь могут сформироваться без участия арабов и должного учета их интересов. В этой связи в ряде арабских государств весьма неоднозначно воспринимают попытки США, Турции и Израиля по установлению нового миропорядка на части Ближнего Востока, прилегающей к Кавказу". Приведенные выше мнения экспертов относятся к международному аспекту формирования российского (в том числе Северо-Кавказского) направления внешней политики арабских государств. Однако отношение арабских стран к складывавшейся в 90-е годы в России религиозно-политической ситуации, в том числе на Северном Кавказе, во многом стало отражением их собственных острых внутренних проблем в этой сфере, — в первую очередь, проблемы религиозного экстремизма. В минувшее десятилетие для России во многом стали характерны проблемы социально-экономического порядка, которые ранее считались специфичными для стран "третьего мира". Соответственно, стали проявляться присущие ранее "развивающимся странам" некоторые черты религиозно-политической ситуации (обострение межконфессиональных противоречий, проявление религиозной нетерпимости, усиление фундаменталистских тенденций и др.). В этой связи накопленный арабскими странами опыт по противодействию религиозному экстремизму представляет интерес для России не только с точки зрения предупреждения и локализации внешних угроз со стороны исламских группировок радикальной направленности. Он важен также и для анализа внутренних социально-экономических условий, способствующих радикализации ислама в нашей стране.

Процессы, происходящие в российском исламе, находятся в поле зрения представителей влиятельных религиозных кругов, духовных лидеров, видных теологов и также религиозно-политических деятелей арабских стран. По мере возможности они стремятся использовать складывающуюся ситуацию с целью распространения своего идейного влияния на исламские общины в России, в первую очередь на мусульманскую часть представителей российской политической элиты и предпринимательских кругов. Применительно к 90-м годам представляется возможным выделить следующие основные каналы арабо-мусульманского влияния на развитие общественно-политической ситуации в российской мусульманской общине.

1. Официальные связи между мусульманскими деятелями арабских стран и российскими служителями ислама. В этот период существенно расширились контакты между арабскими и российскими религиозными деятелями по линии духовного, просветительского, научно-религиозного, культурного и т.п. обмена. Эти связи не только содействовали развитию традиционных отношений России с арабо-мусульманским миром, но и выступили залогом укрепления отношений новой России с международным мусульманским сообществом. Арабские религиозные деятели стали более активно посещать Россию, принимая участие в различных исламских форумах. Так, например, в работе международной исламской конференции "Роль мусульман в духовном

возрождении России" (Москва, 5-6 июня 1999 г.) участвовали делегации из Египта, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Кувейта, Ливии, Алжира, Сирии, Судана, Иордании и Катара. В их составе были представители ряда исламских организаций, расположенных на территории арабских стран, таких, как: Всемирная Ассамблея исламской молодежи, Благотворительный фонд "Ибрагим бен Абд аль-Азиз аль-Ибрагим" (Саудовская Аравия); Комитет мусульман Азии, Общество "Даава ва Игаса" (Кувейт); Исламский благотворительный фонд "Зейд бен Султан" (ОАЭ), Исламское благотворительное общество Государства Катар; Благотворительное общество "Аль-Ислах" (Бахрейн); Всемирная Лига исламского призыва (Ливия); Всемирная Организация исламского призыва (Судан) и др., а также представители арабских СМИ.

В рассматриваемый период возросло участие зарубежных религиозно-политических и общественных деятелей арабских стран в духовной и религиозно-политической жизни российских мусульман (включая общественно-политические, культурно-просветительские и т. п. мероприятия). Посещение в этих целях нашей страны делегациями из арабских стран позволяет зарубежным религиозным деятелям устанавливать прямые контакты со своими российскими коллегами, делиться опытом и в определенной мере оказывать влияние на ход исламских форумов. В некоторых случаях арабские представители непосредственно участвовали в мероприятиях, имеющих политический характер. Так, например, в работе состоявшегося 11 апреля 1994 г. первого съезда мусульман Ингушетии приняли участие делегации из Саудовской Аравии, Сирии, Судана и ОАЭ. Почти одновременно с работой вышеупомянутого съезда в апреле 1994 г. в селе Экажево Назранского района был торжественно открыт Исламский институт имени короля Саудовской Аравии Абдаль-Азиза Фахда, который чуть позже, 15 июля 1994 года, был переведен в станицу Орджоникидзевскую Сунженского района Республики Ингушетия.

2. Религиозное и светское образование, подготовка кадров священнослужителей из числа российских граждан в исламских учебных заведениях арабских стран. Большую роль в изучении гражданами России религиозных и светских дисциплин стали играть исламские учебные заведения Арабского Востока, в том числе ведущие исламские университеты "Аль-Азхар" (Египет), "Каравиин" (Марокко) и "Аз-Зейтуна" (Тунис). Возросло участие арабских преподавателей, а также получивших образование в арабских странах российских специалистов в учебном процессе в большинстве исламских образовательных заведений в самой России. По линии официальных российских религиозных структур студентов направляли для продолжения образования в учебные заведения Египта, Марокко, Сирии, Саудовской Аравии, Катара, Ливии. К 1999 г. в России действовало около 110 зарегистрированных учебных заведений для мусульман, в которых в разном объеме изучались религиозные дисциплины и арабский язык. В них работали преподаватели из Египта, Сирии, Иордании и других арабских государств. Многие российские священнослужители, получившие исламское образование в странах Ближнего Востока и Северной Африки, впоследствии

заняли авторитетные позиции в религиозных структурах Российской Федерации (глава Духовного управления мусульман Республики Татарстан Г.Исхаков получил второе религиозное образование в Ливии; председатель Центрального духовного управления мусульман России Т.Таджуд-дин обучался в самом известном исламском университете "Аль-Азхар" в Каире; председатель Духовного управления мусульман Азиатской части России Н. Аширов получил образование в Алжире, г. Константина).

В то же время российские мусульманские священнослужители высказывали неоднозначное отношение к росту числа соотечественников, обучавшихся за границей. Так, например, многие имамы Северного Кавказа считают, что укреплению позиций "радикального" ислама способствуют, в частности, алимы, обучавшиеся в Саудовской Аравии, Ливии, Катаре, Египте, Сирии и других мусульманских странах. Говоря о подготовке за рубежом кадров служителей ислама, Р.Гайнутдин (ДУМЕР) в 1999 г. предостерегал: "Через несколько лет ислам в России может оказаться в руках выпускников зарубежных мусульманских учебных заведений, рассчитанных на совершенно иной тип мусульманина... Именно они могут стать проповедниками, теоретиками и практиками радикального ислама, распространить его по всей стране. Практика показала, что среди вернувшихся после учебы на родину молодых специалистов наибольший радикализм проявляют богословы, прошедшие религиозную подготовку в тех странах, где власти не могли в полной мере оградить иностранных слушателей от влияния местных радикальных неправительственных религиозно-политических организаций (НРПО). Кроме того, наиболее восприимчивы к идеям исламского экстремизма оказывались россияне, которые не сумели окончить полный курс в исламских учебных заведениях в арабских странах (языковой барьер, неспособность адаптироваться к местным условиям жизни, недостаточность исходной подготовки). Одной из возможных причин возникновения негативных явлений в сфере исламского образования россиян в арабских странах являются отсутствие должного централизованного контроля за подбором абитуриентов со стороны официальных российских исламских структур. В 90-е годы подбором обучающихся в России занимались автономно представители практически любых зарубежных исламских организаций.

3. *Общественная и религиозно-просветительская деятельность арабо-мусульманской диаспоры в России.* По оценочным данным автора, в конце 90-х годов численность арабской диаспоры в Российской Федерации достигла почти 50 тыс. человек (в частности, только арабское землячество в Москве насчитывало более 10 тысяч человек, приблизительно столько же — в Санкт-Петербурге, около 2 тысяч — в Ставрополе, 1 тысяча — в Ростове-на-Дону, чуть меньше — в других крупных городах России). Ежегодно российское гражданство или вид на жительство получали несколько сот арабов. Наряду с проживающими в России представителями арабских деловых кругов, натурализовавшихся арабов (в том числе политических эмигрантов), арабо-мусульманские общины в нашей стране состоят, в основном, из студентов различных российских вузов. Кроме того, арабская диаспора в России постоянно

пополняется за счет эмигрантов и лиц, прибывающих по линии частного въезда. Некоторые мотивируют свой приезд в Россию соображениями личной безопасности. Постоянно проживающие в России арабы-мусульмане работают, в том числе, в качестве персонала в представительствах международных исламских организаций. Они участвуют в создании исламских обществ, выступают инициаторами учреждения на территории России мусульманских организаций, распространяют исламскую литературу и видеоматериалы и т. п.

4. Деятельность на территории России официально зарегистрированных представительств исламских международных и национальных арабских благотворительных организаций. Наиболее заметна роль арабских представителей действующих на постоянной основе в России филиалов международных исламских гуманитарных организаций. Этому способствует широкий спектр решаемых ими уставных задач. Например, Всемирная исламская благотворительная организация (штаб-квартира в Кувейте) занимается в России просвещением, оказанием материальной и моральной помощи мусульманам и мусульманским организациям, издательской деятельностью, финансированием строительства мечетей, организацией международных исламских форумов. Московское отделение благотворительной организации Международный гуманитарный призыв (ОАЭ) (зарегистрирована в России 24.09.92 г.) осуществляет гуманитарную помощь людям, страдающим от нищеты, болезней, стихийных бедствий и социальных конфликтов и т. п.

С начала 90-х годов в местах проживания этнических мусульман на территории Российской Федерации начали действовать различные исламские гуманитарные организации, связанные с Саудовской Аравией. Наибольшую известность получили: Московское отделение Международной исламской организации спасения (МИОС) (зарегистрировано 10.11.1992 г.); Московское отделение Международной ассоциации благотворительной помощи "Тайба" (12.02.1993 г.); Московское отделение общественной организации — научного общества Комиссия по научным знаниям в Коране и Сунне (23.04.1993 г.); Российский фонд — Ибрагим бен Абд аль-Азиз аль-Ибрагим ("Ибрагим аль-Ибрагим"). Последний совместно с Министерством по делам ислама Саудовской Аравии финансирует программы проведения в российских регионах семинаров по исламской тематике. Только летом 1995 года они прошли в Казани, Уфе, Тюмени и Саратове. Кроме того, Фонд проводил отбор кандидатов для учебы в исламских университетах арабских стран.

5. Проповедническая и организационная деятельность в России представителей исламских миссионерских организаций. Арабо-мусульманское влияние на ситуацию в российском исламе происходит в процессе деятельности различного рода миссионерских организаций, осуществляемой, в том числе, с территории арабских стран. Так, в ряде регионов России (Дагестан, Кабарда, Адыгея, Ингушетия, Татарстан, Башкортостан) обосновались мусульманские миссионеры суннитской Ассоциации уведомления о грядущем Страшном суде и исламского призыва ("Джамаат

ат-таблиг ва ад-дава аль-исламийя"). Ассоциация возникла в Индии в начале XX века и затем ее влияние распространилось на Пакистан, Бангладеш, другие страны Азии, большинство арабских стран, а также Европу и Америку. На территории России эта ассоциация действует со времен Советского Союза. Ее вклад в дело борьбы с коммунизмом саудовские авторы (Аль-Джихни) оценивают весьма высоко. Главный духовный центр этой организации находится в Дели, откуда осуществляется руководство национальными ассоциациями во всем мире. Члены Ассоциации заявляют, что "не вмешиваются в политическую деятельность", утверждая, что их политика "отвергает всякую политику". Такая позиция вызывает критику со стороны радикальных фундаменталистов — в частности, Исламской группы ("Аль-Гамаа аль-исламийя"), которая выступает за активное противодействие "врагам ислама".

В ходе учебы в российских вузах или работы в представительствах иностранных благотворительных организаций в России, граждане арабских стран — сторонники такого рода религиозных ассоциаций — распространяют исламскую литературу, оказывают идейную и материальную поддержку своим российским единомышленникам. Для пропаганды своих взглядов и поиска новых сторонников члены этих объединений активно участвуют в работе религиозных семинаров, симпозиумах, научных и культурных международных мероприятиях. Иногда под лозунгами "возрождения культурно-исторического наследия ислама" в некоторых мусульманских регионах России активисты этих ассоциаций проводят деятельность, направленную на отрыв их от "влияния Москвы". Значительным вниманием сторонников таких ассоциаций пользовался до недавнего времени северокавказский регион. Определенное число исламских миссионеров-арабов прибыло в свое время на Северный Кавказ, добросовестно заблуждаясь в отношении характера происходящих там событий. Позднее, разочаровавшись в целях своего приезда, они предпринимали попытки покинуть районы боевых действий, но оказались заложниками создавшейся ситуации, поскольку прибыли в Россию в обход официальных властей. Вместе с тем, в ходе проведения контртеррористической операции в Чечне, отмечались случаи непосредственного участия отдельных "проповедников" в деятельности бандформирований. Так, например, 17 марта 2000 г. в селении Гойты российская контрразведка задержала гражданина Ирака по имени Абд аль-Азиз Мухаммед Абд аль-Вахаб, дезертировавшего из армии в ходе войны в Персидском заливе и перебравшегося в Данию, где он получил политическое убежище. В июле 1998 г. аль-Вахаб вылетел в Турцию, а оттуда в Грузию, далее — в Чечню. В рядах боевиков он выполнял роль муфтия, благословляя похищения женщин, убийство единоверцев, пытки и т. п. В связи с возросшим в 90-е годы участием арабов в возрождении ислама в России и попытками их влияния на религиозно-политическую ситуацию в нашей стране, возник ряд проблем. К числу основных предпосылок их появления можно отнести следующие: — последствия идеологического противостояния с рядом арабских стран в годы существования Советского Союза, взаимное недоверие как один из

результатов последующей обоюдной вовлеченности в региональные и международные конфликты (Афганистан, Югославия, Центральная Азия);

- неоднозначность мотивов оказания арабскими странами помощи мусульманам в России (стремление использовать исламскую гуманитарную помощь для создания своих политических позиций в России; ослабить критику правящих режимов за недостаточное внимание к проблемам мусульман в других странах; переориентировать деятельность наиболее активной экстремистски настроенной части религиозной оппозиции за пределы своих стран);
- спонтанность и нескоординированность как между собой, так и с российской стороной попыток арабо-мусульманских стран, их организации и отдельных граждан (подданных) оказать поддержку российским мусульманам;
- слабое знание некоторыми арабскими представителями действующего в России законодательства российских реалий; отдельные попытки действовать в обход существующих в Российской Федерации официальных религиозных структур;
- отсутствие должного учета российской стороной обязательности исламских приоритетов во внешнеполитической деятельности ряда арабских стран;
- недостаточная проработка российской стороной позиции в отношении проблемы религиозного экстремизма, отсутствие четкого понимания существа проблемы исламского фундаментализма и его связи с мусульманским экстремизмом;
- тенденциозность в освещении рядом арабских и российских СМ деятельности обеих сторон в связи с событиями на Северном Кавказе. Среди основных проблем, вызванных арабо-мусульманским влиянием на ислам в России, можно отметить следующее:

1. Превращение проповеднической деятельности арабских миссионеров, получения исламского образования за рубежом, финансирования исламских социальных проектов, гуманитарной помощи и других проявлений "исламской солидарности" с российскими единоверцами в фактор напряженности в российско-арабских отношениях. Поддержка мусульман в других странах считается одним из основополагающих направлений внешней политики ряда арабских стран. В этой связи, анализируя, например, особенности внешнеполитического курса государств Персидского залива по отношению к другим странам, в том числе к России, следует исходить из обязательных для этих государств исламских приоритетов. Отечественными специалистами отмечалось, что "характерной спецификой внешнеполитического курса монархий Персидского залива является ярко выраженное присутствие арабского и исламского компонентов, без которых они бы в значительной мере утратили свою индивидуальность как самостоятельные субъекты". Такое положение имеет соответствующую нормативную базу: в конституциях и основных законах всех стран "аравийской шестерки" наряду с арабизмом фиксируется исламская самоидентификация. Кроме того, практически во всех заявлениях местных

монархов говорится об их приверженности "исламской солидарности". Соответствующее обоснование правомерности применения "исламской дипломатии" в международных делах дается видными представителями научных кругов этих стран (например, Фахд аль-Микрад, Кувейт).

Практическая реализация исламских установок на российском направлении внешнеполитической деятельности стран Персидского залива в 90-е годы стала создавать условия для возникновения определенных проблем в отношениях с нашей страной. Изменения в религиозно-политической сфере жизни российского общества оказались не столь благоприятными для распространения в России "исламского призыва", как это ожидалось вначале. Попытки арабских стран сыграть активную роль в духовной и идейно-политической жизни российской мусульманской общины накладывалось на сложное переплетение политических интересов внутри российского общества.

2. Несовпадение подходов к ведению миссионерской и благотворительной деятельности, осуществляемой представителями арабских исламских организаций и отдельными лицами на территории Российской Федерации, с позицией российской стороны в отношении рамок такого рода работы. Стремление арабских стран в 90-е годы оказать поддержку российским мусульманам носило преимущественно спонтанный характер. В литературе отмечалось, что до 1998 г. никаких специальных общеисламских программ оказания помощи российским мусульманам не планировалось. Это обстоятельство во многом предопределило противоречивый характер оказываемой представителями арабских исламских организаций помощи (миссионерской, финансовой и др.) своим единоверцам в России, а также неоднозначность последующих оценок СМИ в отношении участия арабов в возрождении ислама в нашей стране. Так, например, в связи с нарастанием сепаратистских тенденций в районах традиционного распространения ислама в Российской Федерации, внимание российской стороны стала привлекать деятельность некоторых саудовских и международных исламских организаций, штаб-квартиры которых расположены в Саудовской Аравии. Линия, проводимая представителями этих организаций в России по вопросам взаимодействия с местными официальными религиозными учреждениями, и осуществлявшаяся в соответствии с принципом "исламской солидарности" работа в мусульманской общине России, в первую очередь стали предметом обеспокоенности российской стороны. С учетом достаточно сложной религиозно-политической обстановки в самой Саудовской Аравии, следует конкретно подходить к анализу как мотивов, так и последствий оказания исламской гуманитарной помощи и проведения просветительской деятельности подданными королевства в России. Большая часть негативных оценок звучала в 90-е годы в российских СМИ в адрес именно неправительственных религиозных и религиозно-политических структур, действовавших с территории Саудовской Аравии, контроль за которыми, по тем или иным причинам, соответствующие государственные органы королевства не могли полностью обеспечить. Проблема осложнялась тем, что на фоне

значительной подверженности саудовского населения исламской риторике и его немалых финансовых возможностей, местные состоятельные приверженцы "салафизма" по собственной инициативе осуществляли пожертвования действующим за рубежом радикальным организациям на нужды "защиты интересов мусульман".

Кроме того, было бы неверным преувеличивать возможности саудовских властей и по контролю за деятельностью крупных международных антиисламских организаций. Сложность заключается в том, что такие структуры, как Всемирная исламская лига (ВИЛ), включая Международную исламскую организацию спасения (МИОМ — "Аль-Игаса"), Всемирная лига исламской молодежи (ВЛИМ), Всемирный высший совет по делам мечетей (ВВСДМ) и другие при содействии саудовцев создали разветвленную зарубежную сеть представительств, которые финансируются местными исламистами и действуют фактически бесконтрольно. В прессе сообщалось о том, что указанные и другие организации оказывали значительную финансовую помощь исламским структурам Северного Кавказа, в том числе в Чечне. Несмотря на то, что их штаб-квартиры находятся на территории Саудовской Аравии и в финансовом отношении они в значительной степени опираются на поддержку со стороны королевства, эти организации не всегда следуют рекомендациям саудовского правительства. В частности, им рекомендовано не выходить за рамки официальной линии Эр-Рияда на невмешательство во внутренние дела других государств и проявлять полную лояльность по отношению к властям тех стран, где имеются их представительства.

3. Несоблюдение отдельными представительствами международных и национальных арабских исламских организаций в России, а также некоторыми гражданами арабских стран, ведущими религиозно-просветительскую деятельность в нашей стране, действующего законодательства. На начальном этапе в деятельности представительств таких организаций в России стала просматриваться тенденция по созданию структур "параллельного ислама". Возглавлявшие их российские граждане оказались связаны с этими организациями или их представителями в финансовом отношении. В обход российских официальных мусульманских учреждений ими осуществлялось распространение религиозной литературы, строительство мечетей и исламских культурных центров, материальное содействие желающим совершить хадж, а также оказание финансовой помощи отдельным священнослужителям. Они также оказывали информационное содействие работе зарубежных представителей, помогали им устанавливать связи с чиновниками государственного аппарата и депутатами из числа этнических мусульман России. Кроме того, минуя официальные российские религиозные учреждения в российских регионах, некоторые арабские исламские организации предпринимали попытки создания исламских учебных заведений для детей. В 1992-1994 гг. такие учебные лагеря организовывались на территории Чечни, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Башкортостана и Дагестана. В качестве преподавателей привлекались сотрудники организаций из различных арабских и других

исламских государств. Наиболее перспективных учащихся подготавливали для последующего продолжения образования за рубежом (в Саудовской Аравии, Тунисе, Египете и др. странах). В литературе отмечалось, что особой активностью на Северном Кавказе, включая Дагестан, отличалась международная благотворительная исламская организация "Тайба", контролируемая Саудовской Аравией. Кроме того, под эгидой Всемирной ассамблеи исламской молодежи был открыт учебный лагерь "ваххабитов" в Азербайджане (микрорайон Джанджлик в г. Баку). Преподававшие там саудовец Мухаммед алем Абдель Хамид, сомалиец Мохаммед Али Хороко, йеменцы Ареф Абдалла и Хаурузи Каид Абд ар-Рхман осуществляли подготовку исламских кадров и распространение религиозной литературы и видеокассет для Северного Кавказа, включая Чечню.

В ходе проведенной в начале 1995 г. в Министерстве юстиции России проверки деятельности отдела регистрации уставов общественных объединений, были установлены многочисленные факты нарушения действующего законодательства об общественных объединениях рядом зарубежных исламских общественных структур (российскими отделениями МИОС, международной Ассоциацией благотворительной помощи "Тайба", Агентством гуманитарной помощи; межрегиональным общественным объединением Мусульманский молодежный союз и др.). Как выяснилось, инициаторами создания большинства отделений были указаны одни и те же российские граждане, которые отрицали факты своего участия в открытии филиалов зарубежных фондов и организаций, а также членства в них. Руководящие должности в зарегистрированных по инициативе российских граждан отделениях зарубежных исламских организаций занимали иностранцы, членство которых в созданных структурах также документально не было подтверждено.

Практика работы арабских исламских благотворительных фондов в России показала наличие целого ряда проблем. В литературе уже отмечалось, что на рубеже 80-90-х и в начале 90-х годов среди российских мусульман, в особенности из числа религиозных и общественных деятелей, имела место эйфория относительно перспективы материальной поддержки исламского возрождения в России. Они буквально засыпали просьбами о вспомоществовании делегации из богатых нефтедобывающих стран. Причем деньги, полученные на возрождение религии, уходили в коммерческие структуры. Стало заметно, что многие арабские представители слабо ориентируются в российских реалиях, проявляют излишнюю доверчивость в отношении непорядочных "деятелей от ислама". Начали вскрываться факты, свидетельствовавшие о том, что полученные от исламских фондов средства использовались российскими гражданами в целях личного обогащения.

В отдельных случаях гуманитарной деятельностью занимались выходцы из арабских стран, имевшие небезупречную репутацию. В частности, как было установлено в процессе разработки российскими спецслужбами гражданина Египта Саад ад-Дин Саад Таха аль-Лаббана, в начале своей деятельности в саудовской Аравии он занимался организацией паломничества в Мекку и, собрав порядка 8 млн. долларов, скрылся в Египте. За финансовые

махинации у себя на родине он был приговорен к тюремному заключению, но бежал в Россию, где активно издавал "ваххабитскую" литературу, организовывал исламские курсы и поддерживал тесные отношения со всевозможными исламскими организациями, находящимися на территории России и бывших республик Советского Союза (в Астане он занял пост руководителя Института арабского языка и восточной литературы). Финансирование этой деятельности поступало от крупных бизнесменов из Саудовской Аравии, ОАЭ, Египта, Кувейта. При этом не все суммы использовались по гуманитарному назначению. Как следует из объяснительной записки бывшего сотрудника фонда "Зам-Зам" Биляля Сайда (ливанца, 1974 г. рождения), аль-Лаббан в течение 1998 г. получил более 500 тыс. долларов США наличными на благотворительные цели от различных зарубежных исламских организаций. Фактически на благотворительные цели было израсходовано около 20 тыс. долларов. Остальная сумма пошла на финансирование незаконных вооруженных формирований в Чечне (Хаттаб-Басаев. Часть средств была присвоена лично аль-Лаббаном. Для этих целей он использовал созданную им в Москве в 1995 г. корпорацию "Развитие", которая торговала конфетами и макаронными изделиями, и организованный им же в 1998 г. благотворительный фонд "Зам-зам".

4. Стремление политических сил сепаратистской направленности в России использовать зарубежную помощь, а также авторитет и возможности международных и национальных арабских исламских организаций в своих интересах. Создававшиеся в 90-е годы в России политические организации, использовавшие исламскую символику, предпринимали активные попытки по налаживанию контактов с международными и национальными арабскими исламскими организациями. Со своей стороны, некоторые арабские представители принимали участие в подготовительных мероприятиях по созданию политических организаций в нашей стране. Например, Генеральный секретарь Международного союза исламских студенческих организаций, Мус-тафа Мухаммед Тахан в книге "Будущее ислама на Кавказе и Средней Азии" (1995 г.) так описывает свое непосредственное участие в создании Исламской партии возрождения (ИПВ) на территории России. По его словам, "Исламская партия возрождения возникла в период перестройки как отражение идеи создания независимого района для мусульман". М. Тахан пишет: "Мы проконсультировались с некоторыми нашими братьями в Москве, Узбекистане, Таджикистане и других странах и назначили проведение учредительной конференции в городе Астрахань 9 июня 1990 г. На ней собралось около 200 делегатов из всех исламских районов. Мы объявили на этой конференции о создании Исламской партии возрождения. Требования партии сводились к призыву объединения мусульман Советского Союза, воспитанию подрастающего поколения в духе Корана и сунны, защите социальных и политических прав мусульман. ИПВ издала ряд книг на местных языках, газет и журналов: "Ад-Даава" в Узбекистане, "Баям хак" и "Ан-Наджа" в Таджикистане, "Нур-аль-сиалм" на Северном Кавказе, "Аль-Вахда" ("Единство") в Москве. Наша партия действовала (в интересах - К.П.) преодоления регионализма, исламских

юридическо-теологических расхождений и всего того, что нарушает единство мусульман в этой стране".

Иной взгляд на участие иностранных представителей в создании политических партий на территории Российской Федерации — в частности, ИПВ, — был у российских правоохранительных органов. Так, в ноябре 1992 г. российская контрразведка, осуществлявшая разработку ИПВ, сообщала, что "большую часть зарубежных эмиссаров составляют приверженцы ваххабитского толкования ислама, финансирующие Исламскую партию возрождения. В Дагестане эмиссары активно используют структуры махачкалинского Исламского культурного центра. В этом плане выделяется гражданин ОАЭ Сервах Абед Саах, организовавший в Кизилюртовском и Хасавюртовском районах издание, пропагандирующее ваххабизм, а также руководитель филиала Международной исламской организации "Спасение" по Северному Кавказу и Азербайджану, гражданин Алжира Зарат Абд аль-Кадир, который финансирует подготовку боевиков в Чечне". По данным российских спецслужб, филиалу Исламской партии возрождения в Дагестане Саудовской Аравией в 1992 г. было выделено 17 миллионов долларов.

В отдельных случаях компетентные органы шли на пресечение деятельности представителей подобных организации. Причиной такой реакции властей было то, что зарубежные миссионеры в своих проповедях допускали высказывания, вызывающие межрелигиозную рознь. Так, например, в 1993 г. подданный Саудовской Аравии Абд аль-Хамид Джафар Дагистани, который возглавлял русский отдел отделения МИОС ("Аль-Игаса") в Саудовской Аравии, выступая в Исламском институте (бывшем Доме политпросвещения) в г. Грозном, открыто призвал к "джихаду" — "священной войне с неверными". По данным российских правоохранительных органов, А. Дагистани выполнял деликатные поручения саудовских спецслужб. Четыре месяца в году он проводил в России, совершая поездки в Татарстан и на Северный Кавказ. В том же 1993 г. он предпринял попытку объединить мусульман Татарстана и близлежащих регионов в исламское общество фундаменталистской направленности "Сура". Два года спустя посольству Королевства Саудовская Аравия было заявлено о нежелательности его пребывания на территории России.

5. Возможное включение территории России в зону влияния радикальных исламских НРПО Ближнего Востока, прибегающих к методам террора. В конце 90-х годов появилась угроза вовлечения России в зону влияния радикальных исламских группировок ближневосточного и североафриканского происхождения. Следует отметить, что рассмотрение влияния неправительственных религиозно-политических организаций (НРПО) стран Ближнего Востока и Северной Африки на ситуацию в российской мусульманской общине и процессы радикализации ислама в России связано с рядом трудностей. Во-первых, деятельность, проводимая такого рода объединениями, носит преимущественно негласный характер (что определяет скудность источниковедческой базы). Во-вторых, акции НРПО вызывают наибольший резонанс в общественном мнении, поскольку часть из них прибегает в своей борьбе к методам террора (что обуславливает

противоречивость фактических данных). В-третьих, экспертные оценки результатов их деятельности в определенной мере подчинены конъюнктурным соображениям политической ситуации (что сказывается на их объективности).

Возможность включения России в зону деятельности НРПО определяется рядом предпосылок. Прежде всего следует указать на стремление части арабских НРПО перенести свою пропагандистскую и организационную деятельность туда, где население оказывается более восприимчивым к идеям исламского фундаментализма. Можно согласиться с мнением российского исследователя В. Ахмедова, который считает, что "некоторые радикальные исламские организации, не имеющие, в силу ряда субъективных и объективных факторов, возможности самореализоваться в районах исторического влияния исламской цивилизации, нашли удобную нишу для воплощения своих замыслов на периферии исламского мира, в регионе, где традиционно были устойчивы позиции христианства, а население в своей массе было слабо подготовленным в культурно-просветительском плане к восприятию идей истинного ислама". Наряду с серьезными противоречиями между самими НРПО (достаточно указать на борьбу за лидерство между палестинскими исламскими группировками), одним из возможных объяснений идейно-политического кризиса, поразившего "традиционные" группировки исламистов в 90-е годы, стала растущая конкуренция их влиянию со стороны так называемого "ваххабизма" (в литературе еще: "псевдоваххабизм", "конфликтный ваххабизм" и т. п. — не путать с господствующей религиозной ваххабитской доктриной в Королевстве Саудовская Аравия!). Если раньше, в 70-80-е годы, радикальные исламские группировки (преимущественно суннитские, фундаменталистские) на Ближнем Востоке носили достаточно замкнутый характер, представляя собой своеобразные "секты" носителей "истинного" ислама, то те, кого сейчас в разных странах мира принято называть "ваххабитами", составляют как бы новую генерацию агрессивных исламистов.

Кроме того, существуют предпосылки, связанные с участием в 90-е годы России в разрешении различных региональных конфликтов, значительная часть которых происходила в мусульманских регионах. Ввиду наличия "горячих точек" на территории нашей страны (Северный Кавказ), в непосредственной близости от ее границ (Центральная Азия), а также в зоне внешнеполитических интересов Российской Федерации (Балканы, Ближний Восток), Россия в период 1994-99 гг. оказалась противопоставлена целому ряду исламских стран и движений. В свою очередь, вовлеченные в эти же конфликты ближневосточные НРПО оказались "по разные стороны баррикад" с Россией. Это противостояние стало заметным в ходе событий на Балканах. В связи с резким обострением вооруженного конфликта в Косово, радикальные исламские круги в арабских странах приняли участие в антисербской пропагандистской кампании. Например, лидеры Египетских группировок "Аль-Гамаа аль-исламийа" и "Аль-Джихад аль-исламий", воспринявшие позицию России в Балканском кризисе как враждебную мусульманам Косово и исламскому миру в целом, выразили намерение

действовать против интересов нашей страны. Другое влиятельное ближневосточное движение — "ХАМАС" — в своем заявлении по поводу косовских событий призвало арабские и исламские государства "принять меры по оказанию срочной помощи мусульманам Косово и предотвращению повторения трагедии, которая выпала на долю палестинского народа". Однако главным виновником кризиса "ХАМАС" называло все же США, которые "прикидываются защитниками мусульман Косово, хотя поддерживают сионистскую оккупацию Палестины и террористические действия против палестинского народа". Представители "ХАМАС" заявили также, что "американское вмешательство — это попытка под прикрытием лозунга о правах человека достичь собственных целей, заключающихся в установлении полного контроля на Балканах". К этому следует добавить, что до конца 90-х годов угрозы со стороны Ближневосточных НРПО, как правило, не были направлены конкретно против России, а обращены в адрес всех европейских стран.

До конца 90-х годов не было достаточных оснований утверждать о широкомасштабной идеологической и организационной деятельности арабских НРПО на территории России. Судя по косвенным признакам, идейно-политическая активность ближневосточных НРПО в России направлена в основном на колонию арабоязычных выходцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Среди них встречаются лица, симпатизирующие идеям группировок, возникших на базе "Братьев-мусульман" ("Аль-Гамаа аль-исламия", "Аль-Джихад аль-исламия", "ХАМАС" и др.). В интересах своих организаций отдельные их представители занимаются изучением и анализом социально-политического и экономического положения в государствах СНГ. Повышенный интерес представители радикальных арабских НРПО проявляли в регионе Северного Кавказа. В свое время, в обход официальных духовных управлений в нашей стране, эмиссары НРПО организовывали отправку российских граждан из Дагестана и Чечни в исламские учебные заведения в арабских странах. В этих учебных заведениях в течение нескольких лет отдельные студенты подвергались активной идеологической обработке со стороны функционеров НРПО и возвращались в Россию фанатичными приверженцами идей "чистого" ислама. Кроме того, на территории Чечни в специальных лагерях инструкторы, которые являлись, как правило, членами или сторонниками, в том числе, арабских НРПО, помимо преподавания военных дисциплин, вели пропаганду идей сепаратизма и создания на новых "независимых" территориях "исламских государств".

6. Конфликтогенный характер соотношения "привнесенных" мазхабов с традиционными формами ислама в российских регионах; противоречие между "традиционным" (российским) и "чистым" (т. н. "арабским") исламом. Активная проповедническая деятельность миссионеров-арабов в Российской Федерации может служить основанием для краткого рассмотрения вопроса сочетания "привнесенных" мазхабов с традиционными формами ислама в российских регионах. Отечественный исследователь А.А.Ярлыкапов на основании данных своих полевых исследований, проведенных в ногайской

степи, убедительно показывает, что даже сама по себе растущая разобщенность российских мусульман по мазхабам (ханафитскому и шафиитскому) несет в себе большой конфликтогенный заряд. Им отмечается, что к концу 80-х годов, когда началось бурное возрождение ислама, основная масса мусульман уже была оторвана от традиционно исповедуемых форм ислама. О таких тонкостях, как ориентация на определенный мазхаб, помнили лишь муллы, да и то не все. В начале 90-х годов, когда интерес к исламскому вероучению особенно возрос, рынок мусульманских регионов страны, в том числе и Ногайской степи, заполнила прекрасно подготовленная и изданная литература на русском языке (в издательствах "Сантлада", "Бадо", известных своей ваххабитской направленностью). Эта литература, с одной стороны, немало способствовала росту образованности мусульман, но с другой, она готовила почву для радиализации определенной их части, в первую очередь молодежи, ставшей основным ее потребителем. Широко распространявшиеся "ваххабитскими" издательствами работы идеологов исламского фундаментализма (Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, Абу Аля аль-Маудуди и др.) воспитывали в них неприятие традиционных для российских мусульман форм ислама.

В этой связи можно было бы указать на некоторые не вполне совершенные с точки зрения перевода произведения, изданные в 2000 г. под эгидой Министерства по делам Ислама, вакуфов, призыва и наставления Саудовской Аравии при содействии благотворительной организации "Ибрагим бен Абд аль-Азиз аль-Ибрагим". В одной из таких книг, написанной ведущим саудовским теологом бен Базом, говорится дословно следующее: "Пророк Мухаммед сказал: "действующий против наших приказаний является отклоняющимся (грешным)". "Это значит, что нарушающий открыто или тайно, должен знать, что он становится безбожником и должен ожидать возможности убийства или заключения его". Очевидно, что отсутствие надлежащей редакции не только затрудняет правильное понимание данного и некоторых других высказываний саудовского религиозного деятеля, но и приводит к искажению смысла (может быть понято так, что "грешник" становится "безбожником" и превращается в объект убийства).

В качестве примера российского региона, где в последние годы "синтезировался" ислам фундаменталистской направленности, можно привести Республику Дагестан. Несмотря на то, что сложившаяся в Дагестане ситуация стала следствием целого комплекса социально-экономических и политических противоречий, важным фактором ее развития выступило привнесение в республику извне идей "возрождения" ислама. Уже в середине 80-х годов в Дагестане стала отмечаться активизация миссионерской деятельности "ваххабитов" (главным образом в ряде городов и районов республики, преимущественно с аварским и даргинским населением — Махачкала, Буйнакск, Кизилюрт, Сухокумск, Табасаран и др.). Их деятельность в начальный период сводилась к собственному организационному строительству, открытию школ, агитации и пропаганде, привлечению сторонников. Постепенно шло формирование собственной фундаменталистской доктрины, некоторые обозреватели (например,

М.Л.Шевченко) высказывают в этой связи предположение о создании в "джамаатах" Дагестана собственной школы фикха (исламской юриспруденции).

В свою очередь, представители ДУМЕР отмечали, что для ваххабизма на Северном Кавказе и в меньшей степени в других регионах, где компактно проживают мусульмане, "характерно стремление реформировать традиционный суннизм, адаптированный к российским историческим реалиям и привести его в соответствие с тем нормативным пониманием ислама, который привился во времена Пророка Мухаммеда и его сподвижников" (27). Схожей оценки придерживается председатель Исламской демократической партии Дагестана Аб-дурашид Саидов, отмечая, что "в доктринальном смысле сторонники Багауддина — это мусульмане, которые совершенно не признают традиционные или этнические наслоения на сам ислам" (при этом сами "ваххабиты" называют себя "салафитами"). Со временем привнесенные в Дагестан идеи исламского фундаментализма стали претерпевать изменения в сторону все большей радикализации. В конце 90-х годов, по мнению З.Арухова, "о "ваххабизме" в Дагестане можно говорить лишь условно, так как нынешние дагестанские радикалы "выросли" из ваххабизма, и сегодня их следовало бы называть "салафитами". До того, как они пришли к идеям ваххабизма, они разделяли идеи "Братьев-мусульман" и, как показывают последние события, на настоящем этапе их деятельность все более соответствует идеологии крайне радикальных организаций типа "Гамааль аль-джихад", "Аль-Джихад аль-ислами", "Хизбалла". В этой связи следует отметить, что вопрос о происхождении (отечественном или зарубежном) появившегося в Дагестане, а также в некоторых других регионах Российской Федерации "ваххабизма", стал постепенно переходить в другую плоскость. Видимо, идеи "очищения" ислама уже стали "приживаться" на постсоветском пространстве, соединившись с местными фундаменталистскими течениями. В этих районах нарастает противостояние между "российским" (традиционным) и, как его теперь называют, "арабским" ("салафитским") исламом.

7. Вовлеченность арабских стран в конфликт на северном Кавказе. События в Дагестане и Чечне стали серьезной проверкой для традиционно дружественных отношений между арабо-мусульманскими странами и Россией. Официальная реакция правительств большинства арабских государств на обострение конфликта была фактически однозначной - невмешательство во внутренние дела России, поддержка борьбы с терроризмом и сепаратизмом, обеспокоенность проблемой беженцев. Вместе с тем, по мере развития ситуации в зоне конфликта, в прессе все чаще стали появляться сведения, которые указывали на возможность прямого или косвенного финансирования и оказания иной помощи дагестанским и чеченским сепаратистам с территории арабских стран. В частности, со ссылкой на данные правоохранительных органов, российская пресса сообщала о том, что эмиссары независимой Ичкерии "выколачивают" деньги из чеченских диаспор в арабских странах и у частных лиц. Чаще всего сбор средств производится под прикрытием негосударственных общественных

организаций, якобы для оказания помощи страдающему от продолжения военных действий чеченскому населению. Чеченские диаспоры, раскиданные по всему миру, поддерживают тесные связи с многочисленными российскими землячествами, именно через них осуществляя переброску средств в Ичкерию. В частности, согласно оперативным данным российских спецслужб, Басаев и Хаттаб направили во все "сочувствующие" их делу страны и организации своих представителей с просьбами о финансовой поддержке (в Саудовскую Аравию, Катар, Арабские Эмираты, а также в Афганистан, к "талибам" и Усаме бен Ладену). В своих обращениях они ссылались на неизмеримо возросшие расходы по проведению "джихада" в Дагестане, а также на то, что существенно сократились поступления от чечено-ингушских предпринимателей и преступных групп в других регионах Российской Федерации. В свою очередь, З.Яндарбиев совершил поездку в ОАЭ, Катар, Саудовскую Аравию и другие страны с целью добиться от экстремистских исламских организаций финансирования и переброски в Чечню подготовленных в спецлагерях на территории Афганистана боевиков. Кроме того, стало известно, что представители Грозного в Турции по каналам электронной почты обратились к лидерам радикальных исламских организаций и движений с просьбой срочно выделить им финансовые средства и активизировать антироссийскую пропаганду. Их адресатами стали "Мировой фронт джихада" Усамы бен Ладена, "Аль-Джамаа аль-Мусаллаха" (Алжир), "ХАМАС" (Палестина), ливийские религиозные экстремисты в эмиграции. В результате в августе 1999 г. указанные и другие организации якобы передали лидеру чеченских "ваххабитов" Абдул Малику и чеченским руководителям около одного миллиона долларов.

Одним из основных способов передачи финансовых средств стал канал курьеров. На территории России неоднократно задерживались представители арабских стран (и другие иностранцы), которые въехали в страну совершенно легально, имея при себе огромные суммы в долларах. Затем эти деньги оседали в Чечне. Так, азербайджанскими пограничниками были задержаны в приграничном с Грузией Белоканском районе двое граждан Ирака, которые пытались проникнуть сначала в Грузию, а затем в Чечню. При себе они имели 300 тыс. долларов. Кроме того, была налажена переправа денежных средств для чеченских сепаратистов по надежно действующим "окнам" на российско-грузинской границе. Использовались и другие каналы, в том числе "из рук в руки". Уже упоминавшийся египтянин аль-Лаббан в декабре 1998 г., во время поездки на Северный Кавказ, на конференцию "Конгресса народов Ичкерии и Дагестана", лично передал Басаеву 200 тыс. долларов США. Указанные и другие факты свидетельствовали вначале лишь об эпизодических попытках финансовой помощи чеченцам со стороны частных лиц и отдельных организаций, осуществляемых с территории арабских стран. По мере продолжения контртеррористической операции в Чечне в прессу стали все больше просачиваться сведения о начале процесса возрастания такого рода поддержки, которые требовали своего критического осмысления. Сотрудники российских спецслужб, которые вскрывали факты причастности арабских стран к финансированию чеченских сепаратистов, в своих

заявлениях для печати подчеркивали, что "не имеют в виду какую-либо помощь, предоставляемую по правительственным каналам, однако деятельность различного рода "благотворительных" фондов и религиозных организаций осуществляется именно на территории этих государств". Так, в конце 1999 г. в Кувейте была создана неправительственная Организация исламского спасения Чечни ("Муназзамат аль-игаса ли Шешен"). В официальных реестрах госучреждений страны она первоначально не была зарегистрирована, чтобы не попасть под контроль местных властей. Как утверждалось, в своей деятельности она замыкается на Хаттаба. В задачи организации входил сбор финансовых средств, вербовка наемников и переправка их в Чечню. Маршрут доставки средств проходил через Турцию в Азербайджан, где они передавались представителям чеченских сепаратистов. За одну операцию в течение трех суток удавалось переправлять до 100 тыс. долларов США. По данным российских спецслужб, члены другой кувейтской религиозной организации — Возрождение исламского наследия ("Ихья ат-турас аль-ислами") — перечислили на счет "ваххабитского" центра "Кавказ" 40 тыс. долларов.

Среди кувейтских неправительственных организаций, которые оказывали финансовую, а также "гуманитарную" помощь сепаратистам в Чечне, в российских спецслужбах указывали на Общество социальных реформ ("Social reform society") во главе с Абдаллой аль-Мутауи. Эта организация имела региональное представительство в Грозном, куда переправлялись наличные деньги из Баку. Кувейтские представители действовали главным образом через Азербайджан, а деньги доставлялись курьерами без особой конспирации, поскольку эти финансовые суммы представлялись как пожертвования в пользу местных общин, школ, мечетей и т. д. Региональные представительства этой организации в Баку возглавлял некий Ахмад Абу Сайд. Деньги в основном получала группировка Хаттаба. Как сообщили в тот период агентству "Интерфакс" источники в российских спецслужбах, один из ближайших соратников президента Чечни, Ислам Халилов, вернувшись из Кувейта, привез 2 млн. долларов, собранных бизнесменами этой и других арабских стран. И. Халилов был приглашен в Кувейт представителем "Исламского центра", который ранее якобы передал в Чечню 11.5 млн. долларов...

В Катаре к проведению кампании по сбору пожертвований для пострадавших и беженцев в Чечне активно подключились пресса, телевидение и радио. Возглавила сбор средств неправительственная организация Благотворительное общество Катара ("Джамият Катар аль-хей-рийя") под руководством Абдаллы Дабига. К декабрю 1999 г. этой организацией для помощи Чечне было собрано около 8 млн. долларов. В марте 2000 г. в катарскую столицу прибыл бывший президент Чечни З.Яндарбиев (приглашен благотворительным обществом "Ид бен Мухаммед"). Чеченский представитель выступил с лекцией в Катарском университете, на которой присутствовали председатель Национального совета по делам молодежи и спорта, председатель упомянутого общества Мухаммед бен ат-Тани, а также послы Боснии, Мавритании и Йемена. В своей лекции на тему "Чеченское

видение исламского мира" З.Яндарбиев подверг критике "негативную позицию" руководителей исламских стран. Он фактически обвинил правительства арабских и исламских государств в том, что они боятся России и поэтому не заявляют о своей поддержке борьбы чеченского народа. Кроме того, З.Яндарбиев сообщил, что генеральный секретарь Организации Исламская Конференция (ОИК) И.Лараки, с которым он встречался в Джидде, отклонил его призыв к созыву совещания министров иностранных дел ОИК для обсуждения чеченской проблемы. Следует отметить, что другие страны ССАГПЗ — ОАЭ, Оман — отказались принимать З.Яндарбиева.

С аналогичными пропагандистскими целями чеченские делегации посещали и другие арабские страны. В частности, 20 января 2000 г. в столицу Бахрейна Манаму как гости бахрейнской общественной организации Общество исправления ("Джамият аль-ислах") прибыла группа чеченских представителей. Во время своих выступлений главный акцент они сделали на борьбе за свободу отправления ислама. Чеченцы обвиняли русских в том, что они якобы отняли у чеченского народа возможность посвятить себя "распространению религии и пробуждению исламского сознания". Члены делегации информировали о положении вокруг Грозного и потерях федеральных сил. В результате для чеченцев было собрано 15 тыс. долларов пожертвований, золотые украшения и драгоценности. Власти Объединенных Арабских Эмиратов также проявили внимание к проблеме оказания помощи мусульманам в Чечне. В конце декабря 1999 г. чеченская делегация во главе с министром транспорта И.Лабазановым официально посетила ОАЭ и была принята наследным принцем, Дубая министром обороны ОАЭ, шейхом М. аль-Мактумом. В ходе визита рассматривались вопросы политической и военной ситуации в Чечне, бедственного положения жителей, оказания гуманитарной помощи, а также возможности размещения на территории ОАЭ чеченских беженцев. Кроме того, под воздействием радикальных кругов в ОАЭ увеличился поток прочеченской пропаганды в средствах массовой информации. В конце января 2000 г. аль-Мактум провел совещание с главами некоторых спутниковых арабских телеканалов ("МВС", "Аль-Джазира", "33"). В своем выступлении министр остановился на форме подачи информации электронным СМИ, подчеркнув, что репортажи о Чечне должны убеждать местную аудиторию в необходимости финансовой и моральной помощи единоверцам. К оказанию материальной поддержки российским "ваххабитам" подключились некоторые финансовые структуры ОАЭ, в частности, Исламский банк, возглавляемый чеченцем по национальности Чаидом Аута.

Особое место среди арабских стран в деле оказания помощи Чечне заняла Иордания. В Королевстве проживает примерно 50 тыс. черкесов и чеченцев — выходцев с Кавказа, бежавших с родины в конце XIX века после Кавказской войны и переселенных в эти края правительством Османской империи. Около 10 тыс. чеченцев, представляющих 33 родовые группы, являются в основном выходцами из Ножай-Юртовского района Чечни и Хасавюртовского района Дагестана. Они проживают в четырех городах: Амман, Сухна, Су-вейлих, Зарка (последний считается национальным

духовным центром). В Иордании действует ряд Северо-Кавказских культурных и гуманитарных чеченских ассоциаций. Достаточно указать на такие из них, как Чеченское благотворительное общество под руководством чеченского шейха Абд аль-Баки Джамо (бывший министр по делам парламента Иордании) и Общество друзей Чечено-Ингушетии под руководством Сайда Бено (бывший министр общественных работ Иордании, его родственник — Салих Бено — возглавляет службу безопасности г. Аммана). По мнению обозревателей, эти ассоциации ведут сбор информации о Российской Федерации, включая Чечню.

Последнее обстоятельство служит возможной причиной того, что деятельность чеченской диаспоры в Иордании в поддержку Чечни часто отождествляется с участием Иордании в Северо-Кавказском конфликте. В литературе уже отмечалось, что, например, участвовавшие в боевых действиях в Чечне 1994-96 гг. выходцы из Иордании были именно иордано-чеченцами, а не арабами (47). Вместе с тем, радикальные исламские круги в Иордании приняли участие в сборе средств для Чечни. В середине января 2000 г. в пригороде г. Аммана — Сувейлехе, населенном преимущественно выходцами из Северного Кавказа, состоялся массовый "фестиваль солидарности с Чечней", организованный иорданскими "Братьями-мусульманами" и упомянутым Обществом друзей Чечено-Ингушетии. В ходе митинга проводился сбор пожертвований в пользу чеченцев. В процессе проведения этого мероприятия один из лидеров местной ассоциации "Братьев-мусульман" А. Арабият охарактеризовал Чечню как один из плацдармов "мирового джихада", "лагерь воинов ислама", окончательная победа которых не вызывает сомнений. Всего иорданское отделение международной Ассоциации "Братья-мусульмане" с начала 1999 г. собрало для Чечни около 20 млн. долларов. Координировал эту работу глава шариатского суда Ичкерии Абу Умар, иорданец по происхождению. Деньги поступали в Баку, в офис неправительственного фонда "Аль-Харамейн", а затем в Чечню. За один раз осуществлялась перевозка примерно 100 тыс. долларов. Наличную валюту курьеры доставляли в Чечню горными тропами через Грузию. Информация о сборе в Иордании 20 млн. долларов на нужды чеченских боевиков подтверждалась представителями МИД России.

В Йеменской Республике также отмечалась активизация радикальных исламских кругов в поддержку чеченских сепаратистов. Как уже отмечалось ранее, в силу внутривосточных и социально-экономических причин (сепаратизм шейхов крупных племенных конфедераций, кризис официальной идеологической доктрины, тяжелое экономическое положение в южных провинциях) власти Йемена не могут в полной мере контролировать деятельность местных и приезжих исламистов. Кампанию по сбору финансовых средств для чеченцев развернули представители йеменского Объединения в защиту реформ ("Аль-Ислах"). За первые десять месяцев 1999 г. "ислаховцами" было собрано около 4,5 млн. долларов США, которые поступили на личный счет йеменского шейха Абд аль-аджтда аз-Зиндани. С августа 1999 г. в йеменских городах Сана, Мукалле, Иббе, а также в провинциях Лахедж и Ахра начали функционировать пункты, где чеченские

эmissары вели пропагандистскую работу и сбор пожертвований, которые через Исламский банк переправлялись в Саудовскую Аравию, а затем в Чечню. Финансовую поддержку чеченским сепаратистам оказывала также йеменская Международная благотворительная организация (руководитель — Искали Али Салах), Международная исламская организация (зарегистрирована в США, глава — йеменец Ахмед Ясна). По учредительным документам все они занимались исключительно проповедью, строительством мечетей и медресе, и организацией паломничества из республик Северного Кавказа в Мекку.

В связи с событиями на Северном Кавказе в Ливане отмечалась, главным образом, поддержка чеченских сепаратистов со стороны неправительственных религиозно-политических группировок. В сентябре 1999 г. эмиссары Басаева и Хаттаба побывали в контролируемом исламистами лагере Айн Хелук, где договорились с его руководством об оплате подготовки боевиков для ведения боевых действий в Чечне. Шейх Тазер Махмуд аль-Муршиди, создатель и глава террористической группировки "Бригады Халеда аль-Истамбули" (по имени организатора успешного покушения на президента Египта Анвара Саadata в 1981 г., повешенного впоследствии египетскими властями), выделил в распоряжение чеченских эмиссаров группу наемников, переброской которых через Ливан в Ичкерия должен был заняться один из руководителей "Исламской армии Кавказа" Багауддин Дагестани. В сентябре 1999 г. в Дамаске состоялась встреча группы арабских "афганцев" из числа сирийских граждан с прибывшим из Аммана представителем радикальных исламских кругов Иордании Шаманом Хаму, которому в качестве пожертвований передано для ведения джихада на Кавказе 48 тыс. долларов США. Рассматривая попытки получения чеченцами финансовой помощи от арабских стран в 1990 — 2000 гг. на правительственном уровне, можно предположить, что они были безуспешными. Косвенным подтверждением этого может служить заявление находившегося в Катаре З.Яндарбиева, который вынужден был признать: "До сих пор ни в одной исламской стране мы не встретили поддержки, на которую рассчитывали". В целом, оценивая факты поступления финансовых средств в Чечню от частных лиц и представителей исламских организаций, расположенных на территории арабских стран, следует признать, что благодаря мерам, принятым их властями, официальными религиозными учреждениями, правоохранительными органами и представителями общественно-политических кругов, эти случаи в период 1999 — 2000 гг. носили ограниченный характер. Вместе с тем необходимо отметить, что зачастую эти меры принимались только после соответствующих дипломатических демаршей Москвы.

Гораздо более сложной, чем контроль за финансовыми потоками, проблемой для властей арабских государств стали вопросы недопущения участия своих граждан, а тем более проживающих за рубежом выходцев из своих стран, в боевых действиях на Северном Кавказе.

Суть вопроса состоит в том, что власти некоторых арабских государств могут только в относительной мере владеть ситуацией вокруг прибытия и

проживания на своей территории членов религиозно-политических экстремистских организаций. В частности, как уже говорилось, правоохранительные органы Йеменской Республики не имеют возможности противодействовать "покровительству", которое оказывают шейхи крупнейших племенных объединений лицам, находящимся на их территории. К числу таких лиц можно отнести арабских "афганцев", часть из которых продолжает принимать участие в событиях в Афганистане и других "горячих точках". К этому следует добавить эмигрантов из арабских стран, где власти осуществляли борьбу с исламистами (Алжир, Египет, Саудовская Аравия, Сирия, Тунис и др.), которые проживают за рубежом и ведут активную политическую и организационную деятельность. Кроме того, существует определенное число натурализовавшихся в Европе (например, в Великобритании, Франции, Голландии, Дании и пр.) выходцев из арабских стран, которые занимаются миссионерской деятельностью, являясь при этом представителями неправительственных религиозных организаций (например, "Ат-Таблиг").

Первые сообщения об участии наемников-выходцев из арабо-мусульманских стран стали появляться в СМИ в связи с событиями в Дагестане. Утверждалось, что в числе боевиков, вторгшихся в Дагестан, были отмечены так называемые "добровольцы" из Афганистана, Пакистана, Турции, Египта, Иордании, Саудовской Аравии, Йемена и ряда других мусульманских стран. Иностранцы наемники, имея опыт ведения боевых действий, проходили дальнейшую подготовку в специальных тренировочных лагерях в Афганистане и Пакистане. Кроме того, в прессе, со ссылкой на сотрудников УФСБ по Республике Дагестан, сообщалось о том, как выходцы с Арабского Востока при финансовой поддержке экстремистских сил из Египта, Турции, Афганистана, Кувейта, Ирана, Пакистана, Саудовской Аравии, Судана и Марокко готовят боевиков в Чечне. Ситуация с участием иностранных боевиков против федеральных сил на Северном Кавказе усугублялась тем, что в Чечне долгие годы на поток была поставлена незаконная выдача российских паспортов наемникам. Еще в 1993 г. Ичкерия получила 25 тыс. чистых бланков паспортов.

Потом их количество постоянно пополнялось. В числе тех, кто получил российские документы, сотрудниками российских правоохранительных органов назывались граждане Алжира М. Табцуша и А. Абуа, подданные Саудовской Аравии Алми Абдуррахман и Хамзала, которые таким образом получили новые имена и фамилии. В СМИ делалось предположение, что данное обстоятельство могло быть использовано для создания в России разведывательно-диверсионной сети.

По данным российской печати, наемники из стран Ближнего Востока прибывали по надежно действующим "окнам" на российско-грузинской границе. Так, например, в начале августа 1999 г. из Боснии и Герцеговины в Чечню прибыло почти легально два отряда наемников. Их возглавляли йеменец Абу Зубейр и босниец Хендель. Позже таких отрядов было сформировано несколько. Их возглавили египтяне Абу Ахмед и Абу Айман, алжирец Абу аль-Маали, тунисец Абу Хамза, палестинцы Абу Усама и Абу

али, саудовец Шейх Надир, иорданец Абу Ахмад, босниец Пезо (псевдонимы). По сообщениям Министерства обороны России, только за октябрь 1999 г. в район боевых действий прибыло до 300 наемников из стран Ближнего Востока. Значительную часть членов этих формирований составляли выходцы из арабских стран, которые у себя на родине находились в розыске за совершение уголовных преступлений. Финансирование вербовки и отправки наемников осуществляли мусульманские организации Исламский фонд Двух Святынь ("Аль-Хара-мейн") и Объединение мусульманской боснийской молодежи. Судя по появлявшимся в то время сообщениям, вербовка и подготовка "добровольцев" была развернута главным образом в арабских странах с относительно благоприятными для деятельности исламистов условиями. В Йемене при поддержке представителей "Аль-Ислах" с середины августа 1999 г. в городах Сане, Мукалле, Иббе, а также в провинциях Лахедж и Махра начали действовать пункты вербовки наемников для участия в боевых действиях на Северном Кавказе. Каждому было обещано вознаграждение в 100 долларов в день. Отмечалось, что военные инструкторы, представляющие радикальное крыло "Аль-Ислах", вербуют добровольцев из войск специального назначения, которым предлагают "немного пострелять и хорошо заработать". Рекруты группами по несколько человек рейсовыми самолетами отправлялись в Иорданию, затем попадали в Грузию, где их встречали чеченские эмиссары и на автобусах везли в горные районы. В этой связи указывалось также, что обучение завербованных добровольцев организовано на базе лагерей боевиков на территории Йемена с привлечением инструкторов, имеющих опыт боевых действий в Афганистане и Югославии.

Прибывавшие нелегально в Чечню наемники — арабы по национальности — не только принимали непосредственное участие в боевых действиях, но и выступали в качестве инструкторов и командиров подразделений чеченской Исламской армии "Кавказ". Как сообщал на пресс-конференции первый заместитель начальника Оперативно-розыскного управления ФСБ России А.Шагако, организаторы и исполнители взрывов в Москве, Волгодонске и Буйнакске в различное время проходили подготовку на территории Чечни в учебном центре "Кавказ", организованном Хаттабом. До того, как российские войска не заняли основную часть Чечни, в распоряжении Хаттаба, специалиста по минно-взрывному делу, имелся так называемый "Исламский институт Кавказа" (ИИК). В институте было 40 преподавателей из числа афганцев и арабов, и 160 слушателей, которые в течение двух месяцев изучали арабский язык и религиозные дисциплины. Все "студенты" института обучались в военизированном лагере "Сайд ибн Абу Вакас". Часть выпускников направлялась для продолжения учебы в Пакистан и Турцию. Финансирование осуществляли некоторые мусульманские организации и частные фонды Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, Иордании, Турции. Военная подготовка боевиков в Чечне велась и в других лагерях Хаттаба. Туда попадали практически все иностранные наемники, а не только те, кто желал получить образование в ИИКе.

Следует отметить, что освещение в российских СМИ событий на Северном Кавказе и интерпретация фактов возможной причастности к ним арабов вызвали серьезные претензии со стороны официальных представителей арабских государств. Возражения арабской стороны вызывали, в первую очередь, ошибочные ссылки на национальную принадлежность боевиков (например, иорданские чеченцы). По мнению арабских дипломатических кругов, такое положение является следствием безответственного подхода части российских СМИ, которые, в погоне за сенсацией, часто бездоказательно, тиражируют версию о якобы широкомасштабном участии представителей арабских стран в боевых действиях в Чечне на стороне сепаратистов. При этом, по их мнению, у российского обывателя создается впечатление о чуть ли не "государственной поддержке" со стороны арабских стран чеченского экстремизма, а у наименее психологически устойчивой части населения России грозит перерасти в арабофобию (исламофобию). Вместе с тем, анализ положения, которое складывается вокруг, условно говоря, "арабского фактора" в нашей стране, показывает, что процессы распространения идей "радикального" ислама в России уже не могут рассматриваться вне рамок влияния конкретных стран Арабского Востока на развитие религиозно-политической ситуации в нашей стране. Подводя итог сказанному, в целях преодоления возникающих в связи с арабо-мусульманским влиянием на ислам в России трудностей в российско-арабских отношениях представляется необходимым:

— использование имеющегося потенциала для активизации роли России в мировом исламском сообществе, что позволит также частично компенсировать утрату позиций на Ближнем Востоке, связанную с развалом Советского Союза;

— придание государственными органами России приоритетного значения исламскому аспекту, что предполагает в том числе активизацию усилий на арабском направлении российской внешней политики, улучшение скоординированности путей ее реализации с внутренней политикой российского государства;

— достижение взаимопонимания с арабо-мусульманским миром по комплексу вопросов международного и внутреннего характера, связанных, в частности, в подходами к решению межконфессиональных конфликтов, борьбе с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и этническим сепаратизмом;

— приобретение нашей страной позиций в международных исламских организациях, что позволит существенно повысить участие России в снижении уровня противостояния между исламскими и христианским миром, разрешения региональных конфликтов, в том числе, возникающих на межконфессиональной основе в самой России;

— выработка адекватной реальному положению дел политики государственных органов России и арабских стран в отношении миссионерской, благотворительной и т. п. деятельности в России зарубежных неправительственных религиозных организаций для недопущения нецелевого использования иностранной гуманитарной помощи;

— объединение усилий России и арабских стран по поиску решения проблемы религиозного экстремизма на основе требования о безусловном соблюдении прав человека, уважения чувств верующих всех конфессий, а также национального суверенитета, и не в ущерб двусторонних отношений с третьими странами;

— недопущение использования США и их союзниками на Западе и Ближнем Востоке международного сотрудничества в борьбе с религиозным экстремизмом для дальнейшего вовлечения России в противостояние с исламским миром.

В конечном счете, усиление значения России в мусульманском мире будет способствовать более эффективному решению внутренних проблем, обеспечению территориальной целостности и внешней безопасности Российской Федерации.

*Выступление кандидата исторических наук,
старшего научного сотрудника
Научно-исследовательского и проектного института
организационных решений Ахмеда Хасянова*

Восприятие Западом ислама как угрозы

В 80-90-е годы XX века ислам все чаще стал восприниматься на Западе не как вероучение или культурное наследие, но как некая политико-идеологическая доктрина, в которой заложен огромный разрушительный заряд, угрожающий полным разрушением окружающему миру. В качестве аргументации обоснованности тезиса о некоей исламской угрозе приводятся многие факты и рассуждения, вплоть до теории "столкновения цивилизаций". Было бы неправомерным изначально отвергать доводы некоторых западных специалистов и, прежде всего, политических кругов в США и ряде стран Западной Европы, относительно растущей опасности, которая исходит из мусульманского, прежде всего арабского мира. Более того, было бы ошибкой исключать вероятность исламской угрозы применительно для Западной Европы и Северной Америки. Однако еще большей ошибкой можно считать абсолютизацию этой, во многом потенциальной на сегодняшний день, угрозы.

Если попытаться разобраться с этим вопросом, то следовало бы разделить его на две составляющие части. Первая из них связана с проблемами, с которыми столкнулся Запад, в частности, Западная Европа, в результате резкого увеличения численности мусульманских общин в странах Старого Света во второй половине XX века. Вторая часть вопроса об исламской угрозе Западу затрагивает внешнее воздействие ислама, т.е. влияние общественно-политической и экономической нестабильности в мусульманском мире, прежде всего на Арабском Востоке, на ситуацию в государствах Западной Европы.

Еще полвека назад не было никаких оснований заявлять о какой-либо угрозе этноконфессионального экстремизма, обусловленного действиями мусульман на территории западноевропейских стран, так как их численность в этом регионе земного шара была крайне незначительной. Однако Вторая Мировая война сформировала новые условия. Она нанесла не только огромный материальный урон экономике государств Западной Европы, но и вызвала многомиллионные потери среди их населения, прежде всего мужского. В этих обстоятельствах после окончания войны европейские страны, столкнувшиеся с огромными социально-экономическими и демографическими проблемами, были вынуждены искать новые пути для их преодоления. Наиболее активно в этой области действовали страны-победительницы, которые для восстановления своей разрушенной экономики и обеспечения воспроизводства населения обратились к демобилизующимся солдатам своих армий, набранным в колониях, с предложением поселиться в метрополиях. По этому же пути пошла Западная Германия, которая открывала специальные пункты в странах Востока для вербовки дешевой рабочей силы, преимущественно мужчин. Плохое знание языка новой "родины" и наличие существенных различий в социокультурных традициях и

обычаях заставляли новых западноевропейцев селиться кучно, образуя землячества, что помогало им выжить в незнакомых условиях. Многие из числа этих переселенцев получали гражданство, обзаводились семьями. Постепенно на смену узаконенной иммиграции пришло новое явление - въезд в страны Западной Европы незаконных иммигрантов, которые пользовались для этого временными приглашениями своих родственников, а затем оседали в гетто, укрываясь от властей, и обустроивались при помощи и поддержке родственников, соплеменников и единоверцев. В результате этого процесса на рубеже XX-XXI веков общая численность мусульман в Западной Европе составила, по некоторым оценкам, 12-20 млн. человек, среди которых велика доля "нелегалов".

Вместе с тем следует отметить, что процесс формирования мусульманских общин в каждой из стран Западной Европы имел свои особенности, которые были обусловлены традиционно сложившимися связями этих государств-метрополий со своими бывшими колониями. Так, Франция преимущественно черпала людские ресурсы в странах арабского Магриба (Алжире, Тунисе, Марокко), Великобритания - в Пакистане и Индии, Германия - в Турции и странах Северной Африки. Однако с годами эта география претерпевала существенные изменения, связанные с глобализацией иммиграционных процессов.

Наиболее многочисленная в Западной Европе мусульманская община находится на территории Франции. В 1945 году в стране насчитывалось всего несколько тысяч мусульман. В настоящее время, по различным оценкам, мусульманская умма Франции насчитывает 3-5 млн. человек. Мусульмане составляют третью по численности конфессию в стране. К последователям ислама относят себя 3% населения Франции. Подавляющее большинство жителей Франции, или 90% ее населения, представляет римско-католическую церковь. 5% французов исповедуют протестантизм. Оставшиеся 2% населения страны причисляют себя к иудаистам и последователям других конфессий. Необходимо отметить, что мусульманская община Франции этнически неоднородна, включает в себя представителей Алжира, Туниса, Марокко, Мали, Мавритании, Сенегала, Ливана, Сирии и других стран Северной Африки и Ближнего Востока. Треть представителей мусульманской общины страны являются гражданами Французской Республики. В то же время многие мусульманские выходцы из стран Северной Африки и Азии приняли двойное гражданство, получив французские паспорта и сохранив связи со своей исторической родиной. Достаточно сказать, что многие алжирцы, осевшие во Франции и пользующиеся правом двойного гражданства, активно участвуют в общественно-политической жизни Алжира, в частности, участвуя в парламентских и президентских выборах, проводящихся в этой арабской стране. Либеральное законодательство Франции дает право получения французского гражданства по факту рождения. Так, каждый ребенок, родившийся на территории Франции, автоматически получает гражданство этой страны. Очень часто эта норма французского законодательства используется незаконными иммигрантами для легализации своего положения

в стране. Следует отметить, что мусульманская община Франция также растет за счет неофитов. Причем, случаи принятия ислама не столь уж редки для этой страны. Тем не менее, например, сообщение об обращении в ислам в конце 80-х годов известного французского философа Роже Гароди, исповедовавшего католицизм, стало сенсацией.

Первая мечеть во Франции была построена в середине XIX века. Первая мечеть во французской столице была возведена в 1922 году. В настоящее время на территории страны функционирует свыше 3 тысяч мечетей, включая собственно мечети, специальные молельные дома и помещения, приспособленные под эти цели. Примечательным является тот факт, что строительство мечетей во Франции ведется как за счет средств, собираемых французскими мусульманами внутри страны, так и за счет зарубежной помощи. Так, одна только Саудовская Аравия ежегодно выделяет на эти цели преимущественно из негосударственных фондов 45 млн, франков. Очень часто мечети становятся центрами не только культурной, но и общественно-политической жизни мусульман Франции. При них создаются различные землячества, союзы, ассоциации и организации. Необходимо отметить, что в 1939 году во Франции был принят закон, который запрещал деятельность любых общественных организаций, создаваемых иностранцами. Этот закон просуществовал вплоть до своей отмены 9 октября 1981 года. Примечательным является то, что действие этого закона распространялось на деятельность исламских организаций. Тем не менее, рост численности мусульман в стране и усиление их этнического и религиозного самосознания объективно создавали предпосылки для их объединения по этноконфессиональному признаку. Однако созданные до 1981 года ассоциации и землячества существовали в полуполюгальных условиях, что порождало определенные протестные настроения в мусульманской умме Франции. Отмена закона 1939 года открыла дорогу процессу легализации уже существовавших исламских общественных организаций и созданию новых. Так, уже в конце 1981 года при Большой мечети в Париже был создан Верховный совет по мусульманским делам. В 1985 году возникла Национальная федерация мусульман Франции (НФМФ), которая в 1986 году уже объединяла около 500 мусульманских общественных организаций страны. Руководство НФМФ установило тесные связи с Всемирной исламской лигой (ВИЛ). Позднее были созданы Ассоциация исламских студентов, Союз исламских организаций Франции, Союз молодых мусульман. В сентябре 1993 года создан Национальный координационный центр мусульман (НКЦМ), в состав которого вошло около 150 исламских ассоциаций. НКЦМ опирается на щедрую финансовую поддержку со стороны как государственных, так и неправительственных благотворительных фондов Саудовской Аравии. В то же время следует отметить тот факт, что в силу различных причин, прежде всего этнического многообразия мусульман Франции, созданные ими организации зачастую не только разрознены, но и находятся в конфликтных отношениях друг с другом. На государственном уровне власти Франции прилагают усилия для того, чтобы помочь мусульманам — выходцам из Северной Африки и Азии

адаптироваться во французском обществе. В частности, с этой целью в 1990 году правительство страны создало Комитет по делам ислама. Одновременно Франция, подобно другим западноевропейским странам, постоянно ужесточает свое иммиграционное законодательство. В то же время во французском обществе существуют острые расовые и этноконфессиональные противоречия, которые особенно обострились в 70-80-е годы. Одним из подтверждений этого является деятельность правого Национального фронта, созданного в 1972 году и возглавляемого Жаном-Мари Ле Пенем. Национальный фронт известен своим антагонизмом к арабам-мусульманам, проживающим в стране, и призывает ее власти к принудительной высылке всех иммигрантов из Франции. Второй страной Западной Европы по численности мусульман является Великобритания. Мусульманская община этой страны объединяет 2-3 млн. человек и занимает второе место по численности после христианских общин (39 млн. человек). Следом идут сикхи — 0,5 млн. человек, иудеи и индуисты — по 0,3 млн. человек. Еще около 300 тыс. человек исповедуют другие религии и верования. Численность мусульман растет как вследствие либеральных иммиграционных законов, которые имеют тенденцию к устойчивому ужесточению, так и в результате высокой рождаемости в мусульманских семьях в Англии. Следует отметить, что мусульмане Англии представлены выходцами из бывших колоний, а ныне государств Британского Содружества, включая Пакистан, Индию, Бангладеш, а также из стран Западной Африки, Малайзии, Турции и Кипра. Таким образом, мусульманская община Великобритании полиэтнична, что объясняет ее разобщенность и наличие в ней трений как по этническому, так и по религиозному признаку. Как и во многих странах Западной Европы, мусульмане Великобритании традиционно живут компактно, анклавами, не ассимилируясь с остальным населением страны. В соответствии с английским законодательством, последователям всех конфессий предоставляется твердая гарантия на религиозную свободу, включая свободу богослужения и право свободного выражения своих религиозных убеждений. До XIX века эта практика распространялась только на представителей официальной церкви государства — англиканской церкви. Пользуясь этим, в стране функционирует множество благотворительных фондов и организаций, целью деятельности которых является распространение ислама. В то же время мусульмане Великобритании сталкиваются с рядом проблем, одной из которых является отсутствие государственных мусульманских школ. В конце 90-х годов XX века в стране насчитывалось около 4,5 тыс. государственных религиозных школ, из которых 99% находятся под контролем католиков или протестантов. Государственный статус этих школ позволяет им получать немалые дотации от властей на содержание и функционирование этих школ. В этой связи представители мусульманской общины Великобритании настойчиво добиваются от властей разрешения на создание своих государственных религиозных школ, каждый раз получая отказ на эту просьбу. Тем не менее, в стране функционируют 28 независимых мусульманских школ, созданных на средства самой мусульманской общины и при поддержке зарубежных

благотворительных фондов. Это право законодательно закреплено за представителями всех конфессий Великобритании. Однако эти негосударственные религиозные школы лишены возможности получать дотации от Департамента образования страны. Координацией их деятельности занимается общественный Совет исламских школ, который объединяет почти все ныне существующие подобные школы для детей из мусульманских семей.

Первая мечеть на Британских островах была сооружена во второй половине XIX века. В 1963 году в стране функционировало только 13 официально зарегистрированных мечетей. Далее процесс строительства мечетей стал приобретать значительные масштабы. В 1980 году в Англии было зарегистрировано 203 мечети, спустя четыре года, в 1984 году, это число увеличилось до 338. В настоящее время по всей стране их насчитывается до 2 тысяч, включая молельные дома и специально оборудованные для этих целей помещения. Как уже отмечалось, в мусульманской умме Великобритании существуют заметные этнические трения, которые накладывают отпечаток на религиозную жизнь. В частности, различные мусульманские общины, сформированные по этническому признаку, создают свои мечети или оспаривают свое право на контроль за уже существующими мечетями с другими общинами.

Этот этнический фактор влияет и на формирование различных исламских организаций, ассоциаций и союзов, которые создаются либо по религиозному признаку (течения, секты и пр.), либо по национальному. Это обстоятельство предопределяет наличие в стране большого количества исламских культурных центров, созданных, в частности, подконтрольной Саудовской Аравии Всемирной исламской лигой, ливийской организацией "Исламский призыв" или благотворительными фондами других исламских стран. На сегодняшний день крупнейшими общеанглийскими мусульманскими организациями являются — Исламская миссия Великобритании, Федерация студентов исламских обществ, Союз мусульманских организаций Великобритании и Совет мечетей Великобритании.

Следует отметить, что, как и во многих других странах Западной Европы, в Великобритании в последние годы отмечается тенденция к обострению расовых и этноконфессиональных противоречий. Свидетельством этого могут служить массовые беспорядки, возникшие на национальной основе в отдельных городах Великобритании, в частности, в Лидсе и в пригороде Манчестера Олдеме, в конце мая — начале июня 2001 года.

Не менее многочисленная мусульманская община существует в Федеративной Республике Германия. По оценкам Федеральной статистической службы и других институтов, она объединяет от 2,8 млн. до 4,1 млн. человек. Вероятно, такой разброс оценок связан с тем, что наряду с постоянно проживающими в стране мусульманами значительная часть мусульманской общины представлена временными эмигрантами, прибывающими в Германию на заработки. Большинство мусульман, находящихся на территории ФРГ, составляют турки. По различным оценкам, их насчитывается до 2,2 млн. человек. Столь же представительна курдская

община в Германии, которая объединяет около полумиллиона человек. Всего же курдская диаспора в Западной Европе достигает 800 тыс. человек. Кроме них, в стране много мусульман — выходцев из Северной Африки и бывшей Югославии. Важно обратить внимание на такую особенность, что к числу постоянных жителей Германии, помимо турок и курдов, относятся мусульмане, прибывшие в страну в 70-е годы из Палестины и Северной Африки, в то время как остальные этнические группы, входящие в мусульманскую умму страны, находятся на ее территории на временной основе, на заработках. Многие из мусульман Германии обладают паспортами ФРГ, являясь ее гражданами. До второй мировой войны в Германии действовало не более десятка мечетей. В настоящее время в стране функционирует более 2 тысяч мечетей, включая молельные дома и специально оборудованные помещения. Особенно заметен этот процесс в промышленных районах страны, начиная особенно с 80-х годов. Так, первая мечеть в Руре была построена в 1972 году. В 1983 году их насчитывалось уже 24, а в 1987 году — 30. Примечательно, что здания только двух мечетей находятся в собственности мусульманских общин, а остальные мечети и молельные дома расположены в арендуемых помещениях.

Постепенно в Германии растет число обращенных в ислам немцев. В конце 90-х годов их число колебалось в пределах 100-150 тысяч человек. В то же время в стране отмечаются расистские настроения, направленные против выходцев из Африки и Азии. Эта тенденция особенно усилилась после объединения Германии. Значительное число мусульман проживает на территории Испании. Они составляют вторую по численности после католиков конфессию страны. Их доля приближается к 1,5% от общей численности населения Испании. Они представлены главным образом выходцами из Магриба, прежде всего из Марокко. Этническая идентичность большинства представителей мусульманской общины Испании объясняет ее относительное единство и сплоченность. Исламская комиссия Испании (СІЕ), объединяющая большую часть исламских организаций страны, наряду с двумя другими религиозными сообществами — евангелистов и иудеев, действующими в Испании, получила статус религиозного меньшинства, означающий "глубокое проникновение" в испанское общество. Получение этого официального статуса стало результатом подписания руководителями Исламской комиссии Испании специального соглашения с государством, которое было утверждено 10 ноября 1992 года.

Несмотря на то, что расовые и этноконфессиональные противоречия в Испании не столь заметны, как во многих других западноевропейских странах, официальный Мадрид также придерживается курса на постепенное ужесточение своего иммиграционного законодательства. До 1985 года в Испании действовала "разрешительная" политика, которая была призвана сдерживать увеличение численности иммигрантов в стране. В 1985 году в Испании был принят Закон об иностранцах, который преимущественно носит "запретительный" характер. В соответствии с этим Законом любой иностранец, который желает остаться в стране, должен получить обязательный вид на жительство, которое выдается испанскими властями при условии наличия

у него трудового соглашения в качестве доказательства стабильности его материального положения и законности его доходов. Тот, кто не может выполнить эти условия, подлежит высылке из страны.

В настоящее время в Италии проживает около 700 тысяч мусульман, или примерно 2% от общей численности населения этой страны. В середине 1995 года в Риме в торжественной обстановке была открыта крупнейшая в Италии мечеть, идея сооружения которой обсуждалась еще в 30-е годы, однако тогдашний глава итальянского государства Муссолини выдвинул в качестве условия своего согласия на данный проект одновременное строительство римско-католической церкви в Мекке, расположенной в Саудовской Аравии. Несмотря на то, что итальянская часть этого проекта была реализована "без взаимности" со стороны властей Саудовской Аравии, в Италии рассчитывают на то, что воздвигнутая мечеть станет символом религиозной терпимости.

В соответствии с действующим в Италии Законом о церкви, в стране существует трехуровневая система функционирования конфессий. Первый, высший уровень связан с деятельностью римско-католической церкви, которая обладает предпочтительным по сравнению с другими конфессиями статусом, который закреплен законодательно. На втором, промежуточном уровне находятся те религиозные общины, которые достигли соглашения с государством. К ним относятся конфессии, которые существуют в Италии в течение длительного времени. Это — вальдезианцы, иудеи и протестанты. Этот же уровень занимают те религиозные общины, которые, несмотря на более позднее возникновение, не имеют каких-либо характеристик, несовместимых с итальянским законодательством. Всем этим общинам второго уровня законодательно гарантировано положение, эквивалентное, если не равное положению католической церкви. Наконец, низший уровень в этой системе отведен религиозным общинам, которые воспринимаются как группы, находящиеся в конфликте с общественным порядком. К их числу относятся мусульмане и Свидетели Иеговы, которые лишь недавно обосновались в Италии. В соответствии с этим статусом мусульманская община страны лишена некоторых важных привилегий, которые предоставляются церквям, имеющим соглашения с государством. Их деятельность регулируется в соответствии с нормами Закона № 1159 от 1929 года и общими законами об ассоциациях. Главным ущемлением прав религиозных общин, относящихся к третьему уровню, является то, что они не могут участвовать в распределении собираемых государством налогов (0,8% индивидуального подоходного налога), а также в удержании сумм, передаваемых в дар их религиозным общинам из облагаемого налогом дохода. Всеми этими привилегиями обладают религиозные общины первого и второго уровня, которые имеют соглашения с итальянским государством. Еще одним западноевропейским государством с многочисленным мусульманским населением считаются Нидерланды. Представляемая ими община объединяет более 700 тысяч человек и уступает по своей численности только последователям римско-католической и протестантской

церквей. По своему этническому составу община неоднородна. По данным 1989 года, в стране действовало около 300 мечетей и молельных домов.

На территории Бельгии также проживает большая мусульманская община, которая идет следом за римско-католической церковью, составляя 1,5% от общей численности населения страны, и опережает общины протестантов, иудаистов и последователей более мелких конфессий и верований. Ислам относится к одной из семи конфессий, наряду с католицизмом, протестантизмом, иудаизмом, англиканством, Греческой и Русской православными церквями, которые имеют статус официально признанных государством. Такой статус гарантирует этим религиозным общинам определенную финансовую поддержку со стороны государства. Она включает скромные зарплаты для священнослужителей из государственного бюджета, а также ряд других привилегий, в том числе право запрашивать государственные субсидии на строительство и реставрацию церковных зданий; право на получение времени в радио- и телеэфире; право назначать армейских и тюремных капелланов, чья деятельность оплачивается государством; возмещение местными органами власти расходов церковной администрации.

В Западной Европе Бельгия известна тем, что на ее территории находится крупнейшая на континенте мечеть, которая была построена на средства, предоставленные Саудовской Аравией, и на земельном участке, специально выделенном для этого "королем всех бельгийцев". В 1975 году в Бельгии открыт "Брюссельский исламский центр", преподавательский состав которого был предоставлен Турцией. Примечательным является то, что на мечеть и исламский центр официально возложена задача по "исламизации всех европейских народов". Всего к концу 80-х годов в Бельгии функционировало 130 мечетей и молельных домов.

Помимо этих стран — относительно небольшие мусульманские общины существуют в Скандинавии. Так, рабочими, выходцами из арабских стран, при финансовой поддержке государственных и неправительственных благотворительных фондов из нефтедобывающих государств Персидского залива и Северной Африки, были созданы исламские центры в Финляндии, Швеции и Норвегии. В контексте этой информации можно сделать два важных вывода: *многомиллионные мусульманские общины в государствах Западной Европы сложились во второй половине XX века.* Мусульмане, приглашенные в эти страны в качестве дешевой рабочей силы, в своей подавляющей части так и не смогли адаптироваться к новым для себя условиям. Даже мусульмане второго и третьего поколений, проживающие в Старом Свете, продолжают жить по большей части изолированно, не ассимилируясь с местным населением и репродуцируя в своей среде традиции, обычаи и нравы исторической родины.

Массовый приток иммигрантов из Африки и Азии не только способствовал подъему экономики стран Западной Европы, но и породил в них острые социальные, религиозные, этнические и расовые противоречия. С одной стороны, иммигранты, недовольные условиями своей жизни и не готовые или не желающие адаптироваться к новым условиям жизни, являются

социальной базой для нестабильности, в том числе политической, в странах Запада. С другой стороны, растущие социально-экономические проблемы в Западной Европе и зачастую инстинктивные страхи перед непонятным миром выходцев из афро-азиатских стран формируют в западноевропейских обществах не только настороженность к ним, но и вызывают прямую агрессию по отношению к ним со стороны политически ориентированных крайне правых организаций и движений. В этих условиях в Западной Европе сложилась благоприятная обстановка для активизации деятельности на ее территории различных исламских организаций, которые преследуют политические цели. В частности, можно указать на деятельность сторонников алжирских Исламского фронта спасения (ИФС) и Вооруженной исламской группы (ВИГ), которые вели в 90-е годы борьбу за свержение политического режима в Алжире. По некоторым сведениям, они смогли создать свою инфраструктуру на территории Франции, превратив эту страну в свою перевалочную базу, которая использовалась для сбора финансовых средств, контрабанды оружия и укрытия своих активистов, вынужденных бежать из Алжира в Европу. Одним из элементов этой системы являлась компания "ISAG-export", которая обосновалась в Вилледжвифе (Валь-де-Марн) и формально занималась вывозом автомобилей в Алжир. Именно в экспортируемых в Алжир автомобилях устраивались тайники, в которые закладывалось контрабандное оружие. Помимо этого, коммерческая деятельность этой фирмы помогала аккумулировать значительные суммы для закупки оружия на "черном рынке" в странах Восточной и Западной Европы. Филиалы компании действовали в крупнейших городах Франции — Марселе, Перпиньяне и Рубе, а также в Италии, Испании, Бельгии, Великобритании и Германии. Активисты ВИГ интенсивно приобретали недвижимость во Франции. Так, им принадлежал ряд парижских отелей — "Белая лошадь", "Рошекуарт" и "Регент", которые использовались в качестве конспиративных квартир и источника получения наличных денежных средств. Необходимо отметить, что арабские исламисты, — а в эту тайную сеть, созданную ИФС и ВИГ, входили не только алжирцы, но также тунисцы и марокканцы, — осуществляли не только формально легальный бизнес, но занимались контрабандой ширпотреба. Кроме того, сотрудничая с местным преступным миром, они создали сеть распространителей наркотиков, в частности, в районе французского города Лилля.

Следует также обратить внимание на деятельность легальных исламских организаций во Франции. Среди них можно выделить организацию Алжирское братство во Франции (АБФ), лидерами которого были Джаафар аль-Хуари и Муса Крауш. АБФ фактически была превращена в филиал оппозиционного алжирского ИФС, выполняя задачу по исламистской пропаганде и сбору средств. О влиянии этой организации во Франции можно судить по тому, что она установила свой контроль не только над алжирской общиной во Франции, но также над тунисской и марокканской, включая второе поколение эмигрантов из стран Магриба.

В той или иной степени распространением идей политического ислама во Франции занимались такие общепольские организации, как

Национальная федерация мусульман Франции (НФМФ), возглавляемая Мухаммедом Бешари; Исламский центр в Эвре, руководимая Халилем Мерруном; Организация исламского союза Франции (ОИСФ), президентом которой является Фуад Алауи. Всего, по мнению властей Франции, на территории этой страны легально действует более 2 тысяч различных ассоциаций, служащих тыловой базой алжирских исламистов. Все они объединены в Союз исламских организаций Франции (СИОФ), возглавляемый туниском Аб-даллой бен Мансуром. В частности, в рамках СИОФ функционирует исламский институт Сен-Легер-де-Фужере, в котором готовятся имамы для Франции и мусульманских общин в других западноевропейских странах. Однако следует признать, что СИОФ уделяет основное внимание не работе в странах Западной Европы, но в регионе Северной Африки и на Ближнем Востоке.

Французские источники утверждают, что наибольший отклик идеи исламизма или исламского фундаментализма, находят в молодежной среде выходцев из Магриба. Опросы середины 90-х годов свидетельствуют о том, что 14% мусульманских подростков и молодых людей поддерживали действия алжирских экстремистов, в частности, боевиков ВИГ. Среди взрослого населения мусульман Франции этот показатель не превышал 1%. Таким образом, можно констатировать, что в целом мусульманская диаспора во Франции придерживается умеренных позиций и не настроена поддерживать обострение своих отношений с французскими властями.

Схожая ситуация сложилась в Великобритании. На Британских островах действует большое число исламских организаций, которые не скрывают своих симпатий к идеям политического ислама. Среди них можно назвать организацию "Молодые мусульмане", которая разместилась в Ноттингеме; "Аль-Мунтад аль-Ислами", которая расположена в Лондоне и объединяет в своих рядах преимущественно выходцев из Алжира. В английской столице легально действует другая исламская организация "Муслим велфае хаус", известная своими компаниями по сбору средств для алжирских исламистов. Помимо этого известно о деятельности в Великобритании исламских организаций "Мурабитун" и "Солдаты освобождения", а также Исламского фонда и Центра исламских исследований. В Лондоне базируется еще один крупный международный центр исламизма — Исламская лига последователей (священной) Книги и Сунны, объединяющая ряд экстремистских группировок. В английской столице также действует Исламская академия короля Фахда, которая была создана и функционирует на средства частных саудовских фондов. В этой академии идет обучение молодых арабов и мусульман из других регионов мира, которые обосновались в Великобритании. В то же время она является источником распространения исламистских идей в мусульманской умме страны. В марте 1983 года в рамках Партии исламского освобождения (ПИО), действующей с 1953 года, была создана группа "Аль-Мухаджирун" ("Эмигранты"). Отколовшись в 1996 году от ПИО, "Аль-Мухаджирун" начинает действовать как самостоятельная группа, а ее лидером является выходец из Сирии Омар Бакри Мухаммед, которому принадлежит торговая фирма ANFO SOF NA VIR Limited

(головной офис расположен в Лондоне, имеет филиалы в Шеффилде, Бедфорде и Лечестере). Ее высшим руководящим органом является Шура (Совет). Целью этой группы является создание мусульманского государства, живущего по законам Халифата. Общий годовой доход этой группы и ПИО, обосновавшихся в Лондоне, оценивается в 100 млн. английских фунтов. Ячейки "Аль-Мухаджирун" существуют в ряде стран Западной Европы — во Франции, Германии. В то же время отмечается, что основная деятельность этой группы направлена не против властей Великобритании, но против режимов в мусульманских странах, включая арабские, в частности, Египет. Столь же активно действует расположившееся в Великобритании Исламское благотворительное агентство, которое занимается сбором средств в поддержку "борцов за веру" по всему миру, включая Чечню, Боснию и Герцеговину, а также вербовкой добровольцев для последующей их отправки в "горячие точки" планеты.

Важное стратегическое место в деятельности арабских сторонников политического ислама занимает Италия. В частности, алжирские исламисты выбрали Апеннинский полуостров в качестве транзитной базы на пути транспортировки оружия из Западной Европы в Алжир. В созданную ими сеть были включены итальянские города Неаполь, Милан, Рим. Примечательно, что эта сеть, контролировавшаяся руководством ВИГ, также была интернациональной, включая алжирцев, марокканцев, тунисцев и египтян. Особо активной была деятельность Исламского культурного института (ИКИ), который обосновался в Милане и возник после развала в 1988 году выступавшего с умеренных позиций Исламского центра Милана. В его функции, помимо легальных мероприятий, входил сбор средств для "борцов за веру" и вербовка добровольцев для отправки в Боснию и Чечню. Более того, ИКИ располагала своим тренировочным центром, который располагался вблизи Бергамо и в котором проходили военную подготовку исламские добровольцы. Важно отметить, что ИКИ, руководимая имамом Анваром Шаабаном, поддерживала тесные связи с аналогичными организациями за пределами Италии — во Франции, США, Австрии, Дании, Норвегии, Великобритании, Германии, Швейцарии и ряде других стран.

Опорными пунктами зарубежных структур алжирского ИФС в Германии стали города Кельн, Аахен и др. Там велась работа по сбору средств, печатанию подрывной литературы, закупке оружия. Руководитель этой сети Р.Кебир поддерживал тесную связь с экстремистской организацией турецких исламистов "Новое видение мира". Параллельно с этим в Гамбурге действует Исламский центр, который, по определению его создателей, является "идеологической базой Ирана в Западной Европе с задачей распространения иранского ислама".

Следует обратить внимание на деятельность турецких партий и организаций в Германии. Наибольшей активностью среди них выделяется объединение "Милли Герюс", которая, по классификации немецкого Федерального ведомства по защите конституции, является экстремистской организацией, так как выступает за самоизоляцию турок в немецком обществе. "Мелли Герюс" считается крупнейшей исламистской структурой в ФРГ. Это

объединение располагает на территории страны 500 местными отделениями и владеет имуществом (магазины, спортивные клубы, молодежные центры и пр.) на сумму 82 млн. марок. Более того, оно контролирует частную радиостанцию "Канал 7" и "Турецкое телевидение Германии", в эфире которых, помимо музыки, преимущественно национальной турецкой, и фильмов передаются интервью с видными исламскими лидерами. Кроме этого, "Милли Герюс" финансирует систему религиозных школ, в которых изучается Коран. На территории ФРГ также действуют другие турецкие исламские организации, включая экстремистскую группировку "Серые волки", известную склонностью к проведению террористических актов. Следует отметить, что в своей массе основное внимание организаций и объединений турок-мусульман обращено к Турции, так как их главной целью является ее превращение в исламскую республику. С этой целью турецкие исламские партии и организации ведут широкомасштабную работу в среде турецких рабочих, которые после возвращения на родину должны усилить давление на светские власти страны. Тем не менее, известно, что одним из их лозунгов является создание "Исламской Республики Германия". Однако этот лозунг выглядит не более чем пропагандистским шагом, рассчитанным на придание этим партиям и организациям некоего имиджа "борцов за исламизацию Европы". Немалую силу в Германии набрала курдская диаспора, среди которой сильно влияние леворадикальных лозунгов Рабочей партии Курдистана (РПК), ведущей борьбу за создание на территории Турции независимого курдского государства. РПК создала весьма эффективную, дееспособную и разветвленную нелегальную сеть не только в ФРГ, но и в других странах Западной Европы. Однако она сориентирована исключительно на борьбу, включая проведение террористических актов, против официальных представительств Турции в Западной Европе и турецких партий и организаций, выступающих с националистических позиций.

Еще одной тыловой базой алжирских исламистов стали италоязычные районы Швейцарии, которые использовались в качестве транзитного маршрута для поставок оружия и снаряжения, а также пропагандистских печатных материалов в Алжир. Эти материалы печатались в одной из типографий в Женеве. Одним из каналов для контрабанды оружия выступали созданные в 1997 году в Женеве Исламский центр и ассоциация "Мусульмане, мусульманки Швейцарии", которыми руководили братья Хани и Тарик Рамадан. Еще большие опасения у властей большинства западноевропейских государств вызывает деятельность международных исламских экстремистских организаций. К их числу относят панисламистскую партию "Хизб ат-Тахрир" (Партия освобождения), которая имеет свои отделения в ряде стран Старого Света. Однако следует вновь признать, что главным противником сторонников этой партии являются практически все ныне существующие режимы в мусульманских странах. Их программная цель — "возвращение к исламскому законодательству путем воссоздания Халифата". В этой связи примечательным является тот факт, что "Хизб ат-Тахрир" является легально действующей организацией во многих

странах Западной Европы, по крайней мере, в Великобритании, и открыто проводит свои ежегодные конгрессы.

Еще более разветвленную международную структуру имеет ассоциация "Братья-мусульмане", штаб-квартира которой располагается в Мекке. Среди зарубежных отделений ассоциации можно выделить Союз исламских организаций в Европе, Исламское общество, Европейский исламский совет (Лондон), Общество Ханс (Мюнхен), Исламский центр (Аахен, ФРГ), Объединенную организацию студентов-мусульман в Европе (Брауншвейг, ФРГ), Исламский центр (Рим) и Институт исламских исследований (Женева). Большую помощь исламистские организации, действующие в западноевропейских странах, получают от многочисленных международных гуманитарных и культурных фондов, например, стокгольмского Международного гуманитарного центра или базирующегося в Карлсруэ (ФРГ) "Фонда Мовафак". Примечательно, что последний фонд формально находится под патронажем Верховного комиссариата ООН по делам беженцев. Однако фактический контроль над его деятельностью, как, впрочем, и многих других подобных фондов, осуществляет Исламское агентство помощи (ИАП). Обращая внимание на деятельность этих радикальных исламских организаций, следует признать тот факт, что многие из них действуют в ряде западноевропейских стран на легальном основании. Более того, в основной своей массе они ориентированы не на борьбу с официальными властями этих стран, но за свержение существующих "предательских", с точки зрения этих организаций, режимов в мусульманских странах и воссоздание единого государства мусульман — Халифат.

В этой связи можно констатировать, что в основе опасности внешнего воздействия ислама, а точнее сказать, мусульманского сообщества, в том понимании, которое демонстрирует Запад — речь идет о проявлении политического экстремизма и совершении актов террора, лежат главным образом внутренние причины, связанные с развитием самого исламского мира. Это можно отчетливо проследить на примере арабских государств, которые вступили в XXI век, отягощенные острыми социально-экономическими, политическими, идеологическими, религиозно-этническими и культурными противоречиями. Сложность сложившейся ситуации на Арабском Востоке усугубляется тем, что практически ни одна попытка реформирования или модернизации государств региона и существующих в них общественных связей не только не была успешно завершена, но и не доведена до конца. В этих условиях правящие режимы в этих странах зачастую предпочитают силовой путь решения стоящих перед государством проблем, отвергая на деле, но не на словах альтернативу длительного поэтапного, объективно болезненного процесса трансформации общества. Одновременно с этим на внутренние противоречия арабского мира в целом и каждой его частицы в отдельности накладываются проблемы внешнего воздействия, связанные с вопросами геополитического соперничества различных государств или групп государств за доминирование в этом регионе Земного шара. В большинстве случаев это

соперничество сопряжено с экономической, политической и культурной экспансией Запада в отношении арабских стран. Естественной реакцией значительной части их населения на неспособность местных режимов решать многочисленные внутренние трудности и вмешательство Запада в политические процессы в регионе стал не только поиск новых моделей развития общества и государства, основой для которых является идеализируемый опыт прошлого Арабского Востока, связанный прежде всего с возвратом к исламской традиции, но и нетерпимость и даже враждебность к внешнему диктату, которые проявляются через антизападные настроения.

Тем не менее вряд ли можно говорить о том, что все эти факторы ведут к формированию конкретной угрозы для стран Запада. Более логичным представляется, что Запад является для многих исламских деятелей, в частности, в арабском мире, в том числе для сторонников жестких антизападников, всего лишь символом, призванным консолидировать мусульманскую умму перед лицом "внешней опасности" в лице все тех же США и западноевропейских "демократий" для решения ее внутренних проблем. В то же время нельзя исключать каких-либо эксцессов со стороны отдельных радикальных исламских групп, которые воспринимают символ "западной угрозы" слишком буквально. Вместе с тем следует указать на то, что западноевропейские страны рассматриваются исламистами, включая алжирских сторонников политического ислама, не столько как "территория противника", сколько в качестве их тыловой базы, призванной создать относительно комфортные условия для зарубежной поддержки антиправительственной деятельности, направленной на утверждение своих идей на своей родине, в том числе силовыми методами, и с этой целью обеспечить "борцов за веру" всем необходимым, включая оружие.

В то же время было бы ошибкой не признавать потенциальную угрозу миру и стабильности в странах Западной Европы, которая обусловлена противоправной деятельностью исламистов на их территории. Можно указать на их причастность к созданию разветвленных подпольных сетей по всей Европе, которые совершают деяния, преследуемые законодательствами этих стран (контрабанда оружием, подделка документов, торговля наркотиками и пр.). Однако все эти уголовные преступления не выходят за рамки тех преступлений, которые совершаются местными организованными преступными группировками. Более того, часто они ведут "общий бизнес" в Западной Европе. Все эти действия могут и должны преследоваться, строго караться по закону.

Однако за последние десятилетия в государствах Западной Европы сформировались устойчивые стереотипы о пресловутой "угрозе исламского терроризма (фундаментализма, экстремизма) западным демократиям". В Западной Европе сформировался устойчивый антиисламизм (антиарабизм), когда все, что связано с исламом или арабским миром, воспринимается не иначе как через призму угрозы.

. История последних десятилетий действительно дает примеры террористических актов, совершенных различными экстремистскими организациями как исламского, так и светского толка, созданными

выходцами из мусульманских стран. Достаточно напомнить драму, больше похожую на фарс, связанную с делом английского писателя Салмана Рушди, выпустившего в 1988 году оскорбительный для верующих мусульман роман "Сатанинские стихи" и приговоренного за это иранским аятоллой Хомейни к смерти. Сам С.Рушди жив до сих пор, хотя и "скрывается" от "исламских убийц", что не мешает ему заниматься литературной деятельностью и активно посещать всевозможные презентации и книжные выставки. В то же время следует признать, что в 1989 году в Лондоне, а также в Пакистане и Индии, были взорваны несколько магазинов, которые продавали его скандальный роман. Однако они не привели к человеческим жертвам. Вместе с тем от рук неустановленных преступников в 90-е годы пострадали переводчики "Сатанинских стихов" на итальянский и шведский языки.

Значительно более опасной была серия из семи террористических взрывов, устроенных сторонниками алжирской Вооруженной исламской группы в Париже в июле-сентябре 1995 года и повлекших за собой гибель многих невинных людей. Однако эти взрывы являются немногочисленными примерами целенаправленной террористической деятельности исламистских экстремистских группировок и организаций, мишенью для которой являлись либо граждане западноевропейских государств, либо официальные власти этих стран на территории Западной Европы. В большинстве своем многочисленные террористические акты, совершенные в 70-90-е годы в странах Западной Европы, были связаны с "внутренними проблемами" в мусульманском мире.

Правоохранительные органы многих стран Западной Европы предприняли превентивные меры для ликвидации угрозы, якобы исходившей от "исламских террористов". Наибольшую активность в этом вопросе проявила Франция, которая в силу исторических, политических и экономических причин была вовлечена в кризисные события в Магрибе, особенно в Алжире. В 90-е годы Министерство обороны этой страны создало автоматизированную систему сбора данных обо всех исламистских движениях по всему миру. В ноябре 1994 года французская полиция провела крупную операцию против исламистов на своей территории. В результате ее проведения было арестовано несколько десятков выходцев из Магриба, которые подозревались в связях с подпольными структурами алжирских ИФС и ВИГ. Очередная операция, в ходе которой были задержаны 140 граждан Алжира и несколько десятков тунисцев, против исламистов во Франции была проведена в июне 1995 года. Однако, вероятно, такие меры в определенной степени спровоцировали последующие взрывы в Париже. Тем не менее, французские власти рапортовали о том, что им удалось ликвидировать тайную сеть материально-технического обеспечения ВИГ, которая действовала на их территории.

В последующие годы Франция стала свидетелем новых крупномасштабных полицейских акций против арабских исламистов, действовавших на территории страны. Однако очень часто случалось, что арестованные выходцы из мусульманских стран освобождались из-под стражи, а подозрения относительно их участия в подпольных структурах исламских

организаций не находили достаточного подтверждения. Тем не менее 15 сентября 1999 года специальный антитеррористический суд Франции вынес приговор по делу о взрывах в Париже в 1995 году. 21 подозреваемый был осужден на различные сроки (от 3 лет до 10 лет) тюремного заключения за подготовку и проведение этих терактов. Тот же суд вынес обвинительные приговоры еще 17 подозреваемых в деле о деятельности исламистских организаций, объявленных во Франции вне закона. В обоих случаях суд подтвердил ответственность ВИГ за различные террористические и экстремистские деяния на территории страны. Аналогичные действия против исламистов проводила в 90-х годах и полиция Италии. Однако эти операции так и не увенчались сколько-нибудь громкими делами или судебными решениями против членов исламистских организаций, действовавших в стране. В то же время власти этой западноевропейской страны утверждают, что предпринятые ими превентивные меры "сорвали ряд террористических актов, готовившихся исламистами".

Время от времени антитеррористические операции, направленные против алжирских и прочих исламистов, проводились и в других странах Западной Европы, например, в ФРГ, Бельгии и Швейцарии. В частности, в Германии под пристальным вниманием местной полиции находятся сторонники Рабочей партии Курдистана. Однако лишь единицы из тех лиц, которые задерживались полицией, оказывались на скамье подсудимых или осуждались к тюремному заключению. В этой связи следует особо выделить ситуацию в Великобритании. Несмотря на принятый в этой стране осенью 1998 года закон о борьбе с терроризмом, официальный Лондон не идет на обострение отношений с исламистами, которые, в свою очередь, стремятся действовать в рамках английского законодательства.

В этих условиях силы правопорядка многих стран Запада не ограничиваются национальными программами борьбы с политическим экстремизмом, включая исламский аспект проблемы. Время от времени они выходят на уровень скоординированных усилий по предотвращению проявлений политического экстремизма и террористической деятельности со стороны отдельных исламских организаций и движений на их территории. Однако анализ итогов противодействия "западных демократий" исламской угрозе заставляют задуматься о степени ее серьезности. С этой целью достаточно рассмотреть широкомасштабную антитеррористическую операцию, проведенную в пяти странах Западной Европы накануне открытия Чемпионата мира по футболу 1998 года во Франции.

Согласно сообщениям западноевропейских СМИ, предлогом для проведения этой операции, в которой участвовали силы правопорядка Франции, Германии, Бельгии, Италии и Швейцарии, стала информация о якобы готовившихся террористических актах, которые должны были быть осуществлены мусульманскими боевиками, прежде всего из ВИГ, в дни мирового первенства по футболу в различных французских городах. Однако нельзя исключать того, что антитеррористическая операция, готовившаяся в течение нескольких месяцев в условиях полной секретности, носила не столько упреждающий характер, сколько была попыткой

продемонстрировать международным экстремистам, включая мусульманских, готовность правоохранительных органов Франции и соседних с ней стран к самым решительным мерам по недопущению каких-либо серьезных провокаций в период крупных международных соревнований. Координация всех действий в рамках этой акции и общее руководство над ее осуществлением на территории пяти вышеназванных государств была возложена на французского судью Жан-Луи Бругейра. Этот выбор был неслучаен, так как в его компетенцию входило расследование дел, связанных с терроризмом. Примечательно, что в ходе операции были задействованы каналы международной полицейской организации "Интерпол", штаб-квартира которой также расположена во Франции.

Проведение операций было начато одновременно на рассвете 26 мая 1998 года во всех пяти странах. Во Франции в ней было задействовано около 400 полицейских, переодетых в гражданскую одежду, и сотрудников спецподразделений по борьбе с терроризмом, облаченных в черные комбинезоны и маски и вооруженных автоматическим оружием. Полицейские рейды были проведены в 43 районах Парижа, Лиона, Марселя и на острове Корсика. Острые специальных мероприятий было направлено против алжирской Вооруженной исламской группы, члены которой подозревались в проведении терактов на территории Франции и создании законспирированной сети по всей стране, занимавшейся контрабандой оружия и взрывчатых веществ. В течение нескольких часов французская полиция задержала 53 человека, в основном алжирцев, в том числе одного человека, который находился в международном розыске по подозрению в участии в организации неудавшегося взрыва в Париже в апреле 1998 года. Однако шесть человек из числа задержанных были освобождены в тот же день после проведения допроса, так как органы правопорядка страны не имели каких-либо доказательств их противоправной деятельности на ее территории, хотя по французскому законодательству полиция имеет право задерживать граждан на период до четырех суток без предъявления им обвинения. На следующий день, 27 мая, полиция задержала еще двух выходцев из Северной Африки. Спустя несколько дней, 8 июня, французские правоохранительные органы провели арест еще девяти человек, которые подозревались в том, что они являлись помощниками или доверенными лицами одного из лидеров ВИГ Хасана Хаттаба. Семеро из них были задержаны в Париже, а остальные двое — в городке Кар-пантра на юге страны и в городке Рубе на севере Франции. В ходе этих рейдов французская полиция изъяла видеокассеты, компьютерные дискеты, поддельные удостоверения личности, различные документы и крупные суммы денег наличными и банковскими чеками на общую сумму 500 тысяч франков. В то же время полиции не удалось обнаружить никаких следов взрывчатки или арсеналов оружия. За все дни проведения антитеррористической операции был изъят всего лишь один пистолет.

По схожему сценарию проводилась специальная операция и в Германии. Территориально она захватила земли Северной Рейн-Вест-фалии, Бонн и Карлсруэ, в которых были осуществлены полицейские рейды и обыски. Как

отмечалось в прессе, германской части совместной антитеррористической операции уделялось особое внимание в силу проживания в этой стране большого числа эмигрантов из арабских стран. В ходе ее проведения германская полиция конфисковала в семи районах Карлсруэ видеокассеты, компьютерные дискеты и листовки. В числе арестованных в Германии лиц называли 27-летнего Аделя Мешата и 29-летнего Омара Сейки, которые подозревались в том, что, являясь доверенными лицами Хасана Хаттаба, выполняли различные его конфиденциальные поручения в странах Западной Европы. Примечательно, что сразу после их задержания, которое произошло в первый день операции, ее генеральный координатор Ж.-Л. Бругейр немедленно вылетел в Германию для участия в их допросе. Одновременно с этим тогдашний министр внутренних дел Франции Жан-Пьер Швенеман выступил на специальной пресс-конференции с заявлением о том, что его ведомство приступило к оформлению всех формальностей, необходимых для выдачи А.Мешата и О.Сейки французским властям. В Бельгии зона проведения операции была ограничена несколькими районами Брюсселя и южным городком Шарлеруа. Однако сами организаторы полицейских рейдов признали, что ее эффективность на бельгийской территории была весьма низкой. Предполагалось, что именно в Бельгии располагалась "фабрика" ВИГ по производству бомб, использовавшихся для проведения террористических актов, на базе одной из фармацевтических лабораторий. Однако все усилия по ее обнаружению не принесли никаких результатов. Кроме того, в Бельгии не было произведено никаких громких задержаний, а один из известных властям сторонников Х.Хаттаба, действовавший в этой стране, Фарид Мелук, уже отбывал семилетний срок в одной из бельгийских тюрем.

Несколько более успешными по результатам были полицейские акции, которые были предприняты в Швейцарии. Так, федеральная прокуратура этой страны задержала несколько человек, которые подозревались в причастности к контрабанде оружия из Восточной Европы в Алжир. В отношении двух задержанных в Цюрихе лиц была начата процедура экстрадиции во Францию. Больше всего повезло правоохранительным органам Италии, на территории которой операцией руководил заместитель прокурора Милана Стефано Дамбруосо. Основные усилия итальянской полиции были сконцентрированы на городах, расположенных на севере страны. В ходе специальных мероприятий в Милане, Болонье, Неаполе и Бергамо органам правопорядка удалось вскрыть подпольную сеть, которая занималась контрабандой оружия по маршруту Братислава — Цюрих — Милан — Неаполь и далее в Северную Африку, прежде всего, в Алжир. В связи с этим полиция арестовала 22 алжирца, подозреваемых в принадлежности к этой раскрытой сети. Все они являлись членами радикальной исламской организации "ат-Такфир валь-Хиджра", поддерживавшей тесные связи с ВИГ. Результатом этой крупномасштабной международной операции, в подготовке и проведении которой принимали участие пять государств, а также "Интерпол", полицией было задержано около 120 человек. Основанием для их задержания послужили подозрения в их причастности к деятельности исламских экстремистских организаций и

группировок, использовавших в своей практике методы террористического устрашения. Кроме того, были изъяты крупные суммы денег и различные документы, включая поддельные удостоверения личности. По заявлению швейцарской федеральной прокуратуры и итальянской полиции, удалось перекрыть незаконные каналы доставки оружия из восточноевропейских стран исламским боевикам, которые вели вооруженную борьбу против алжирских властей. Тем не менее, правоохранительные органы Франции, Германии, Бельгии, Италии и Швейцарии не смогли обнаружить каких-либо арсеналов оружия и взрывчатки на территории своих стран, а также подтвердить свои версии о связях мусульманских, прежде всего алжирских радикалов с исламскими группировками в Иране, Судане, Афганистане, а также с итальянской мафией.

Приведенные выше сведения дают основания для констатации того факта, что опасения Запада относительно исламской угрозы не лишены оснований, но слишком преувеличены в силу политических причин. Бесспорным фактом является то, что многие радикальные исламские организации и движения используют территорию западноевропейских государств в качестве своей тыловой базы, осуществляя там незаконную деятельность, связанную с контрабандой оружия и другими преступлениями. Естественно, что такая противоправная практика должна строго преследоваться и пресекаться. Однако в этом контексте нельзя говорить об "исламской угрозе", понимая под этим термином целенаправленные усилия исламистов, как из числа постоянно проживающих на территории западных стран, так и временно находящихся там лиц, по дестабилизации политического положения в этих государствах с применением силового давления, включая проведение террористических актов. Кроме того, следует учитывать богатый опыт Запада по мирному сосуществованию с "исламскими диссидентами", находящими там убежище от преследования со стороны правящих режимов некоторых мусульманских стран. Примеры этого не столь уж редки. Достаточно вспомнить традиционную практику Великобритании, той же Франции, Испании, Италии и других государств Западной Европы в данном вопросе.

Значительно более актуальной и, главное, реальной опасностью для Запада является ситуация с многочисленными выходцами из стран Африки и Азии, прибывающими в развитые государства в поисках лучшей жизни. В своем большинстве они, в силу различных объективных и субъективных причин, не в состоянии адаптироваться к незнакомым для них реалиям жизни на новой родине, найти там работу и жилье, превращаясь в отверженных в западном обществе. Столкнувшись с трудно решаемыми социальными проблемами, они часто вынуждены искать выход из положения, находя его в разнообразной незаконной деятельности, что особенно характерно для молодежи. Тем самым создается питательная среда для пополнения рядов радикальных экстремистских организаций и групп, в том числе исламской ориентации. Не решая кардинально и целенаправленно этот комплекс проблем и концентрируясь только на борьбе с их последствиями, включая преступность, экстремизм и терроризм, рано или поздно Запад действительно

может столкнуться с исламской угрозой, которая уже примет конкретные очертания.

Информационное письмо конференции

В последнее время неокOLONиальные тенденции, стремление установить единоличное господство над миром со стороны стран Запада — и в первую очередь США — все больше обостряются. Некоторые силы стремятся максимально использовать для этой цели ослабление России, чтобы установить на земле "новый мировой порядок", основанный на приоритете чуждых большинству народов мира т.н. "ценностей"— индивидуализма, экстремистского либерализма, потребительства. Все самобытные этносы и культуры, конфессии подлежат постепенному растворению в однотипном обществе One World. Одним из важнейших препятствий на пути "нового мирового порядка" являются традиционные религии и их носители. И именно на них направлено разрушительное воздействие извне. Евразийский континент превратился в арену этой драматической коллизии, в которой решается будущее планеты, структура нового мира. Вооруженные конфликты в Югославии, Палестине, Чечне, Дагестане, Таджикистане, Афганистане и в других местах образуют "дугу нестабильности", по которой может пройти раскол евразийских народов, стран, культур и религий. Эта дуга может превратиться в линию фронта между старейшими евразийскими конфессиями, что приведет к крайне негативным последствиям для всего человечества.

В связи с этим, провокационным катализатором для взаимной вражды и ненависти между мусульманскими и православными народами континента является активно культивируемый многими (часто ангажированными) политологами, учеными и журналистами миф об "исламской угрозе", согласно которому некий вымышленный единый исламский фундаментализм, являющийся реакционной "средневековой" силой, угрожает человечеству.

Им часто прикрываются для оправдания существования НАТО, присутствия американских войск в Персидском заливе, Индийском океане и в Средиземноморье. Россию также пытаются втянуть в открытое противостояние с исламскими странами, превратив ее в буферную зону между Западом и исламским Востоком. Однако роль передового отряда НАТО, со штыками, повернутыми на Восток, для России невозможна, исходя из ее континентальной сущности, исторической и культурной специфики.

На самом деле концепция пресловутой "исламской угрозы" является удобной ширмой для реализации Западом своих геополитических целей, направленных на сталкивание между собой потенциальных союзников в лагере конкурентов, чтобы расправиться с каждым по одиночке. Дискредитация ислама как традиционной религии служит конкретным целям укрепления мирового господства США. Россия была, есть и всегда будет страной, где мирно уживаются и существуют, взаимно дополняя друг друга, различные конфессии и культуры. И только тесные, союзные отношения этих культур будут служить укреплению мощи и процветанию как России, так и других стран Евразийского континента.

Ученые, видные религиозные и политические деятели, объективные и неангажированные политологи и культурологи, представители властных и

силовых структур, специалисты в области межнациональных конфликтов и международных отношений, этнологи и экономисты должны сделать решающий шаг в выяснении реального геополитического смысла мифа об "исламской угрозе", определить место исламской традиции в культурном многообразии человеческой цивилизации, заложить основы стратегической и непротиворечивой концепции исламского фактора в геополитической доктрине Российской Федерации, осмыслить и кодифицировать основные направления в современном исламе, выяснить их специфику и отличия (в том числе и в области геополитических приоритетов), выстроить долгосрочную модель отношений Российского Государства с исламской конфессией — как в рамках Российской Федерации, так и за ее пределами. Для реализации этой важнейшей задачи Общероссийское Политическое Общественное Движение "Евразия", Фонд "Центр Геополитических Экспертиз", Фонд "Единение", Центральное духовное управление мусульман России 28 июня 2001 года ("Президент-отель", Якиманка, 24) проводят первую международную конференцию под названием "Исламская угроза или угроза исламу?"

Основными стратегическими задачами конференции являются:

- поиск взаимоприемлемых путей решения конфессиональных этнических конфликтов;
- установление прочного и конструктивного диалога между исламом и другими традиционными конфессиями континента в рамках общей евразийской концепции;
- совместное противостояние количественной, американоцентричной глобализации, отстаивание права народов на самобытность и собственный путь развития;
- объединение усилий всех традиционалистских сил для установления прочного мира и традиционного порядка на Евразийском континенте (цветущее многообразие культур);
- политическая и экономическая консолидация исламских государств и России для успешного и взаимовыгодного решения стратегических задач.

Тактические задачи:

- создание постоянно действующего рабочего органа конференции;
- оказание гуманитарной помощи лицам, пострадавшим в результате конфессиональных и этнических конфликтов;
- активная информационно-разъяснительная работа;
- участие в международных, а также национальных программах, направленных на укрепление консолидации традиционных конфессий в решении различных проблем;
- разработка собственных программ евразийского межконфессионального и межкультурного диалога и интеграции.

Приложение

*Address of
Sheikh-ul-Islam Talghat Tajuddin
Supreme Mufti, Representative of
the Central Spiritual Board of Muslims for Russia
and the East-European countries of CIS*

Islamic Extremism: It's History and Contemporary Role

1. Extremist heresies in the history of Islam

The Islamic tradition has a centuries-old history. This history had different stages. The world of Islam is multifaceted and dynamically evolving. Sometimes not without contradictions. We know that since the very beginning there were oppositions between Shiites and Karidjites. There were many doctrinal disputations. The Shiites themselves were split. The same historically occurred to the followers of other confessions.

Gradually in the Islamic tradition four madhhabs (doctrinal schools) were established. Each of them represents the traditional Islam. The historically traditional Islam was opened to cultural and spiritual customs. It honoured the Abrahamic ones - Judaism and Christianity. It accepted the traditions of other peoples, honouring their belief in the Only Creator.

Canonical expression of Islam became the tariqat, the brotherhoods, the sects, the mystical orders.

But sometimes at the rim of this world there were heretical movements and sects. They lay outside the borders of traditional madhhabs, advancing religious and political theses withdrawing from a traditional Islam on impermissible critical spacing intervals.

Such were the Fatimide khalifate, the Mahadist rebellion and other manifestations. Sometimes heresy did arise in the Islamic world, as a rule in the form of violent, terrorist practices. It meant the rejection of the traditional madhhabs, the exit from the borders of orthodox Islam. It was innovation, display of arrogance, which pushed the fanatics' leaders to deny the Islamic rules, setting aside their fidelity to the original Islam, as a matter of fact introducing innovations in the true religion.

In practice this was accompanied by fanaticism, religious intolerance, coercion, cruelty. Fanaticism, intolerance and coercion in belief are already in themselves distinctive signs of a break with a Islam, with our tradition of the Prophet Mohammed (a.s.s.) - see how the Sacred Koran insists "There is no coercion in belief, and the forerunner of the Prophet, about their adult children who accepted Christianity before their parents accepted a Islam, he invokes the people to lean not on ignorance and fanaticism, but on a weighted and reasonable judgement of the world created by the Most High God by the Creator and realised according to His omen. "Will you really be equal, you who know and those who do not know?" "May you understand!" (Koran)

2. Contemporary extremism with the islamic face

Also in the contemporary world there is such contribution of heresies to Islam, which contradict our belief both in the letter and in spirit, both in theory and in practice.

It is difficult to distinguish at first sight this fabrication from Islam. It satanically enters the ranks of Islam, it makes use of its symbols. But in spirit it has nothing in common with the true divine Islam.

Such radical doctrines are concretely the doctrine of the "Muslim Brother" Hasan al-Banni, Wahhabism, Salafiyism, the Pakistani Tabliq sect, originating the Talibani movement, and other similar phenomena. These phenomena are doctrinal heresies, they introduce into traditional Islam no lesser innovations than the so-called "islamic modernists" do. They affirm that all present forms of Islam are false, and only their doctrine, insisting on the literal execution of the orders of their leaders, is true in the last resort. Spirit of reasonable choice, personal dignity of man, spontaneity of belief, respect for the peoples of the "Scriptures" and all the others - all this is simply absent from these movements, which might be called as totalitarian sects of pseudo-islamic kind.

They also change the social meaning of the Islamic world-view. This is not simple "politicised Islam", it would be wrong to consider it so - it is "politicised heresy". Islam does not insist that all Muslims compulsory follow definite rules of moral, ethics, conduct, being guided in private and public life by the religious establishing of traditional Islam. Extremist Fanatics change this quite traditional setting into compulsory godliness, into a completely different pattern: they require literal observance to their own rules, invented by them, and call violence on everyone who does not obey them,. Every Islamic term is exposed by them to a distortion. In Islam there is the concept of "jihad", of "holy war". First of all it means "al-jihad-ul-kabir", the Great War, which each Muslim believer must wage inside himself against defects, ignorance and evil. The "Small holy war" ("al-jihad-ul-sagir") is led against those who brings violence and anger into the world, who deny belief and truth, who introduce lie, cruelty and intolerance, who aim at oppressing the peoples, at depriving them of their freedom. An example of real jihad was for the Muslims the Great Patriotic War, the war against the Nazi occupiers. And the first to set the banner of "Victory"

above the Reichstag were the Muslim-Russians from Bashkortostan, and this despite of the 14,5 thousand mosques destroyed during the Stalin years. So in the course of the centuries the devout Muslims shared joys and sorrows of the Great Russia Homeland with their Orthodox brothers-countrymen. Jihad is always war against evil and violence.

The sectarians-fanatics completely overturn this concept, proclaiming the so-called "jihad" against everyone who disagrees with them, so against the whole world. This has no more relation at all to Islam. Islam allows to use violence only as a means of last resort, and only against those who clearly showed their evil intents, and this means aggressors, rapists, killers. In all the remaining cases, the shariah calls for indulgence and exhortation. This is not at all the case of the extremists. Violence here becomes the fundamental law, violence against their own, against the others, against practically everybody.

Without noticing it, the so-called "islamists" invoke on their own head the true jihad. Challenging all the peoples of the Earth, and first of all traditional Islam, professed by the overwhelming majority of the Islamic world, these forces put themselves in opposition to Islam. And reacting against them is a religious, moral, social and political duty of each Muslim.

Alas, in some Islamic countries - particularly in Saudi Arabia - there is a tolerant attitude (to say the least) towards the representatives of this tendency. Thus there is a precedent of indulgence and even connivance to these regimes which - in the unstable, crisis-bound regions of the Islamic world - results in criminal consequences: surging terrorism and violence, large scale war and even genocide. The departing from the traditions of true Islam in theoretical questions necessarily results in such destructive consequences.

It is necessary to affirm unequivocally: the deviation from traditional Islam, from the bases of our belief, the aspiration to reinterpretate in one's own way the provisions of the Koran and the Sunna, to distort the sense of the shariah laws to the benefit of an aggressive extremist minority - this is even more dangerous than the process of modernisation of Islam. Aiming at defending Islam from the entry of non-islamic factors, islamists themselves quit Islam, break away with tradition, follow the fire of arrogance which has always been the main instrument of Ibliz-devil.

The Taliban have blown up the ancient Buddha statues. In this way not only they profaned a relic of many Buddhist nations of the world, not only they deprived mankind of unique monuments of ancient culture; they also put themselves above their own ancestors and the million Muslims which lived in the territory of Afghanistan for centuries and whose spiritual exploits and achievement are by no means comparable with such aggressive half-learned maniacally ambitious rabble, forming the core of Talibani. But the also broke the prohibition of Allah, so that their adoration will offend the Most High God Allah and sin will fall on those who - on a sacred land, where the envoy of Allah and his forerunners stepped - became the reason of this blasphemy. And are they not - under the slogan of "protecting" Islam - sending tons and tons of narcotics to Russia, the CIS, and even farther, pretending, in this way, to be corrupting the enemy? But you see, for Islam all people since the beginning of the Koran envoy are "Ummatut-da'va" -the community of the invoking, even those did not believe. That is why the wahhabite and salaafite extremist fanatics blast tombs of Islamic saints and mazars-both in Afghanistan and in Dagestan, in Chechnya and in Tadjikistan. The sacredness of the ancestors for them is nothing, just a living rebuke. These fanatics not only attack and destroy the religious attributes of other faiths, but also the same Islamic relics. So how it is possible to talk about an Islamic threat? When the world is filled with heroin not only from Afghanistan, but from Southern America and Southeast Asia! So, who is the director?

The threat really exists, but it stems not from Islam but from completely different sources, and this threat is terrible above all for the Muslims, just because it is manifested to the whole world under the name of Islam. I shall account the reasons why: - The fanatics-extremist of wahhabite kind use their charisma to recruit young people whose soul is not yet strong, aiming to exploit their warm belief, tempting them with aggressive propaganda, simplifications of primitive concepts, material subsidies from the clergy and the so-called centres. So we, the Muslims, lose best part of our people, the younger, who perish in the net of Iblis;

— These forces, acting ostensibly under our slogans and banners, actually discredit a Islam as such, cause the non-Muslims to refer to the Muslims with diffidence and fright, throw a shadow on all Muslims, handicap out active cooperation with other peoples;

— They distort the essence of our belief, give away our true tradition, high divinity and spiritual rituals in exchange for quickly blinding substitutes, primitive prescriptions, blind following behind the leaders.

To the other faiths this is easier, they see this threat from the outside. Such threat can be insulated, exiled, suppressed, eventually, by forceful methods. To us, Muslims, this terrible illness comes also from the inside. Therefore we must be the vanguard of the fight with extremist pseudo-islamic tendencies and become a barrier against the odious plans of the international narco-business and other benevolent sponsors of the "holy war". Killing the infection to the roots, not waiting while the wahhabites will declare this or that zone as a territory under their own control, untying terror and violence and spreading blood.

These tendencies are necessary for counteracting also at the theoretical level, in its embryo stage, not permitting in our mosques and bookshelves the extremist propaganda - not only open, but also veiled. Even the idea of the so-called "pure Islam", "Salafiism", the idea of wah-habism and other similar currents already hide the attempt to deeply corrupt Islam. Denying traditional Islam, appealing for its radical reform, salafiys and wahhabites break the thin balance of Islamic tradition between spiritual and

secular, formal and inner. And terrorist activity is just the straight consequence. If we want to cope with this threat, we must fight it in the embryo stage.

3. The role of traditional Islam in the settlement of the Caucasian crisis

The situation in Chechnya results from many factors - social, historical, national, cultural and psychological. The conflict has a long history and was differently formulated at its different stages. It must be noticed that actually the Islamic element appeared on the foreground in Chechnya rather late, when the conflict was already in ignited.

Nevertheless, it was just the interposition of militants of heretical islamism, the activation of pseudo-islamic extremism of sects of wahhabite kind, that added the whole situation its dramatic, bloody character, and created a situation of virtual civil war in the Caucasus.

Wahhabites and Salafyites introduced in the complex Chechen situation the element of fanaticism and extremism, formed an autonomous pole which from a certain time became a self-supporting and inextinguishable source of bloody military conflict.

Precisely due to the wahhabite influence, Chechnya became a gravity centre for the most fanatical and heretical pseudo-islamic groups. And when the situation became more or less to be stabilised, this wahhabite the pole was responsible of a new surge of violence, the aggression against Dagestan.

Wahhabism and Salafyism are completely alien to traditional Chechen Islam, which, vice-versa, is distinguished by fidelity to the traditions of the ancestors, the cult of virids, the universal diffusion of Sufi brotherhoods, and its taypi [tribal] organization of society. All this is incompatible with wahhabism, and against this traditional Chechen Islam was directed the aggression of those who took the lead of armed resistance. In this case the extremists have come to the correct (for themselves) conclusion: without the destruction of traditional Islam in Chechnya, it would be impossible to subordinate this people to their will, to make of them a pawn in the complex geopolitical game.

We see a symbolical fact: leader of flatland Chechnya became the representative of Muslim clergy, mufti Ahmad Kadirov, conscious that the threat to the Islam in Chechnya stems from this wahhabite extremism, and that Russia acts in this case not as an opponent of Islam, but as its ally. And Russia has acknowledged this in practice, having made of the Head of the Chechen Muslims the first person in the Chechen Republic. But also in Mountain Chechnya - where today acts of war against federal forces continue - the wahhabites' victory is only superficial. The majority of the population, and even of the armed squads, belong to traditional Islam. Now it is their turn to realise the threat which lays inside this politicised heresy, this totalitarian sect-with its multinational mercenaries and international terrorist groups - against the people of Chechnya. More and more Muslims realise in what trap they have got.

Our problem, of all Russian Muslims, as Central Spiritual Board of the Muslims (CSMM), and Coordination centre of the Central Spiritual Board of the Muslims of Northern Caucasus, and in a broader sense of all the Muslims of the CIS and foreign Islamic countries, where the majority professes the traditional Islam, is to help settling this bloody conflict and establishing peace and consent. Our brotherly Muslim Chechen people, traditionally professing our Belief, became the victim of a totalitarian sect, its blood continues to be poured.

And how is it possible to speak about the threat of Islam, when victims of the extremists under islamic banners become predominantly the Muslims, in this case the Chechens? The international mercenaries come and go at their own will, but what can the people do, who lived for centuries on the Chechen ground and wants to live there for centuries on? We, Muslims, cannot stay indifferent to this question. Our belief, Islam, demands that we actively take part in the settlement of the conflict, especially since there is already a very correct - on my sight - solution to this conflict -an Eurasian solution. Its sense is granting the Chechen people a large degree of cultural, ethnic, spiritual and even juridical autonomy in the composition of a united Eurasian State - Russia. Each side will reach the purpose, but most of all the winner shall be the Islamic world, the ummah, in which Russia will show the whole world the true, shiny and humane face of Islam -the resignation in the hands of the Most High God Creator, the complete love of God and His creatures; a deep and original Islam, coming to rescue whenever they distort his sense, subvert its tradition, turn religion into heresy and substitute its true contents with a false one here, in Russia, on the soil of our Homeland, the granary of our eternal life. "The State has an irredeemable debt to you", - was declared by President V.V.Putin recently during his meeting with the Presidium of the Russian CSBM in the Ufa coun-ciliary mosque "Lyalya-Tulip". But we, the Muslim Russia, we are not from Africa, our Homeland is here. We wish peace and consent and prosperity on its sacred soil, and pray for this the Most High Allah. The rest is in the hands of Allah - to Him we belong.

The threat of pseudo-islam or "islamism" is a threat first of all to Islam, and our duty is to courageously - as it is necessary to the true Muslims -answer this threat.

Together with Russia, together with Eurasia, together with all the people of good will Islam is not threat, but the offer of choosing the truth. The most effective remedy against false Islam is the true Islam. Allah akhbar! Glory to the Most High Allah Creator of the worlds does not have enmity, except for as to the one who outrages feature legal and sow hatred, wrath and violence.

Trans. M.Conserva

*Address of Hoj-Ahmed Nuhaev
Leader of Inter-communities' Assosiation
Lotta Noh-chi Islam*

Islamic Tradition and The New World Order

Bismillah irrahmanirrahim!

Dear participants to the conference! I shall begin my address from a fact evident to everyone. For the first time in the world history on the planet a super-power force has appeared, which openly professes the purpose to subordinate all peoples on earth to a New World Order. This force, undoubtedly, owns the financial, material and technical resources to the accomplishment of its globalist purposes and threatens in the same way the independence and the autonomy of all the peoples of the world. I am talking about the threat of globalism. In what this threat concretely shows itself? In that the forces of globalism try to gather and to bring to nothing religious and national traditions of the peoples, dating from very ancient times. The presence of traditions is the major obstacle on the path of consumer values, deprived of every spiritual content. Proceeding from this, we must formulate two main relevant conclusions: first, our opposition to globalist policies must lean on traditional Eurasian values, and, secondly, all Eurasian peoples wishing to preserve their independence and national originality must identify in the forces of globalism the common enemy.

These two conclusions are the basic postulates on which is erected the ideology of eurasism, in particular, the ideology of the movement "Eurasia" headed by Aleksandr Dugin, here present. An application of the value and effectiveness of this ideology you can partly see in the fact that I, convinced supporter of Chechen independence, today appear at this conference in the capital of a state which is at war with my people. I have accepted the invitation of the organising committee of the conference and, moreover, I am its herald because I clearly acknowledge: eurasism creates that level of dialogue between Chechens and Russians on which, for the first time in history, we have a real basis for mutual understanding, for peace and for union against the common enemy,

On what is founded my confidence? The purpose of Russia in this war is to clean its rim from the agents of the West, to not admit the rise on its borders of bridgeheads of hostile forces.

The purpose of the Chechens in this and all the previous wars is the protection of its traditional way of life. The Kremlin must realise that the accomplishment of the Chechen purpose will also automatically accomplish the Russian purpose, as the nature of the traditional society is such that it does not accept the despiritualised Western values, and the Chechens will never allow their land to be turned into an Atlantic bridgehead. Thus, Chechens and Russians can proceed in their bilateral relations from the logic of the common enemy to the logic of the common purpose. Then a peace treaty combined with the stabilisation of the situation in the Caucasus will condition and impulse the integration of all Eurasia. Having challenged globalism, having put before herself the issue of returning to a multipolar world, Russia objectively acts in the interest of all the peoples of Eurasia. The following step is logically inevitable: Russia, leaning on the ideology of eurasism, will launch a process of consolidation of the peoples of our ancient continent. But, for this consolidation to have a strong world-view base, the eurasist ideology, in my view, must decisively to carry out heel from the specific geopolitical content to the benefit of traditionalism. Why do I think so?

There are two strategies which Russia can oppose to the expansion of the Atlantic forces. The first one, geopolitical, was already tested during the cold war. It consists in a system of "dynamic equilibrium", of symmetrical "challenges" and "answers". The essence of this strategy is to preserve parity with the Atlantic forces in all the aspects of the military and technical-scientific competition imposed by the West; the Soviet Union - having much greater resources and finding herself in a more "winning" geopolitical situation than modern Russia - acting symmetrically, could not sustain this competition and was led to collapse. There is no doubt that the same fate expects also Russia, if she will go on this path.

The second strategy, founded on the ideology of eurasism, includes all indispensable conditions so that Russia could stand and achieve success in its opposition to the West.

The West wins wherever there is an affirmation of the liberal-democratic social institutions it raised to the absolute, of despiritualised, merely consumer values. This is the path of the so-called "democratic" development. Recognising that traditional values cannot coexist with Western democracy, the only adequate way to counter the West from the point of view of values becomes the revival of traditional, Eurasian authoritarianism. I realise that the word "authoritarianism" sounds bad, as it generates associations with totalitarianism. But the totalitarian system - which by atomising the people, erasing its religious and national values essentially prepared the "biological raw matter" for democracy, for the consumer civil society - has nothing in common with authoritarianism of the Eurasian kind aimed at reviving the spiritual relics, the religious and national self-consciousness of the peoples. When I speak about "eurasism", I imply traditionalism, that is the revival of the sacred inheritance of all the peoples descending from one single Eurasian root. When I speak about "authoritarianism of the Eurasian kind" I imply an authoritarian government, whose main vectors are oriented to the revival of traditional values. Just this orientation to traditionalism also creates a reliable guarantee that the Eurasian authoritarianism will never degenerate into irreligious totalitarianism.

Is there for Russia any other possibility to save its originality, not to turn into a "raw materials appendage" for the West and commodity market for cheap, ecologically poor quality goods? No, because the weak dynamics of a Land civilisation - as Russia is - despite any efforts can not compete with the strong dynamics of a Sea civilization.

Following in the direction of modernism, but yielding to the West in the pace of development, Russia is doomed on being defeated in the technological race, on fruitlessly spending of its resources, means and efforts. Moreover, this meaningless race entails spoiling the land, losing the feeling of "closeness", which is the major spiritual contents of all monotheist religions. Again I want to repeat, that only a fight at the level of values, only the revival of religious and national traditions, only the ideology of traditionalism can not only stop the expansion of the West, but also give powerful means for gaining victory over it.

The West, in particular its leader - the US, represents an example of total domination of the state, brought to the automatism of a political system in which the "human factor" is worth nothing. This is explained by the fact that each individual is slave to the corpus of the state laws, does not think autonomously but automatically acts according to the categories of these laws. It displays a full correspondence of the form (the democratic state) and the content (the atomised mass of the civil society).

Confronted with the political system of the "dictatorships of the law" of the New World, the archaic Old World which generated it is doomed on lag and defeat. Because in the latter still play a role the religious and national traditions existing outside the field of the official laws, and very often entering in the contradiction with modernism. The New World has gone far ahead along the winding roads of progress, being redeemed from all archaic relics, killing the external and inner life of man. Does the deliverance from the "burden" of traditions - a drag on progress - bide well for the success to Russia and other Eurasian countries in the technological race with the West? I do not think so: firstly, it is not so easy to "free" peoples from the "burden of the past", if the peoples count this past as a sacred inheritance, an essential, religious and national essence, a major sign of its own identity; and, secondly, eradicating these "relics" is possible only having used Western consumer values, and in this case that people will come to hold his place among the vassals of the West and respectfully execute orders and "recommendations" from Washington -that remains in this case the sole leader.

What would happen if the Old World, or more concretely Russia, will abdicate from the rules of dynamics, from the technological race, in favour of the rules of static? Let's examine this question into more detail.

First, Russia would free huge means which are spent on the "technological race" with the West and allocate them to branches really relevant for the people: to the recovery of agriculture, now in permanent crisis, to ecological environmental recovery of the land, to microeconomic projects directed on reviving the countryside.

I believe that many Russians will express their fear that, having rejected technological progress, Russia would stand defenceless before the military power of West. But these fears are completely groundless for two obvious reasons.

Firstly, the West, having met the refusal on part of Russia and its Eurasian partners to participate in the military technology, loses its major argument of "threat" - with the help of which huge means are accumulated for military purposes, collected from the taxpayers intimidated by the image of Russia as the "eternal", "unpredictable" enemy. The new positions held by Russia and other Eurasian countries - the refusal of weapons build-up, the protection of the ecology and the families - will create a mighty dissident movement in the West. Thus the eurasist ideology will be spread everywhere, wherever the aspiration still exists to save the peoples and their living environment from the destructive influence of the blind mechanisms of progress. Secondly, in the first times, while the Eurasian ideology will not bring real fruits, Russia preserves its nuclear arsenal, capable not only to provide reliable security for itself, but also to defend all its Eurasian allies.

It is difficult to enumerate in a short speech all the advantages and values which will be brought to Russia by renouncing the technological race with West. Environmental recovery of the land and healing of the soul are the first fundamental achievements which Russia will get, having ceased to play by the rules imposed by the West. The return to religious and national traditions will be not only the most effective protection from Western despiritualisation, but also a means to deserve favour of the Most High God, to deserve paradise. And this is the ultimate goal of the believers, conceiving mortal life as a test, only the spatial-temporary stage the straight path from eternity to eternity.

Drawing its strategy in relation to the West, to the civilisation of the Sea, Russia must start from the comprehension of its overland nature. The land does not and cannot have that very high dynamics that is peculiar to the Sea. Any attempt to endow the Land by the dynamism of the Sea would bring but one result-the intrusion of the Sea on Land, the virtual deluge of values, under which all the originality of the peoples, all of their traditional values would disappear. The Land, subject to moral shakes and oscillations of values, is doomed to inundation by the Sea civilisation. In order to feel unshakeable and secure, she should get free from the binary paradigm of geopolitics founded on the "Land - Sea" dialectics, and to proceed to the trinitarian paradigm of Eurasian traditionalism, founded on the order of "Mountain - Land - Sea". The attitude to this order is dictated by the Sacred Koran: "On the land we have established a solid strongholds of mountains, so that it did not vacillate..." (21:31).

Such power of overland nature, as Russia is, having decided to counter the civilisation of the Sea, must make a choice: either to be guided by dynamics of the Sea and obey to the Atlantic forces, or to be guided

by the static nature of the mountains, and win. Having decided to conduct its struggle with the West at the level of values, by the Eurasian rules, Russia already has made a choice to the benefit of static, to the benefit of tradition. Traditions are static, they are mountains. As the mountains consolidate the Land, not allowing it to be shaken, so traditions consolidate the consciousness of the people. The people living according to traditions exactly know how to behave in such or such situation of life. They act like their first fathers acted, they retry the of ancestors' path, as there is a static, there is a path to paradise. Traditions create a steady support for their social life, not allowing human souls to be seized by shaky passions.

Where does such confidence come from - the sceptic might ask. I know that the present Russian power elite essentially rejects the liberal-democratic way of life and clearly realises that the Atlantic West, if not the enemy, is the oppositor, and the Eurasian East the ally. It is possible to be convinced of it, having analysed the "eurasist orienting points" of the foreign initiatives of the Russian government, its stressed attention to the clergy, its policy of revival of the "Moscow-Caucasus-Teheran" axis as a strategic counterweight to the "Washington-Caucasus-Tokyo" axis. It is possible to be convinced of it also having interpreted the outstanding declaration of the Russian president in Rostov on Don in November last year, when he stressed that the status of Chechnya has no importance, once its territory will not serve as a bridgehead for the enemy.

I would like to be well understood. I do not belong to the number of Chechen "pacifists" making appeal to the Russians and the world community for the establishment in Chechnya of peace whatsoever. The Chechens do not need "peace at any price"; it is possible to pay any price only for absolute values, and only in this I see the sole reason for fighting. Of course we fight to win, to defend our religion and way of life. But we are not interested in this war in the defeat of Russia, since if Russia will lose, at the change of the present Russian government - that followed a policy of resistance to the democratic infection, disastrous for Russia and all of its neighbours, including the Chechens -will come the supporters of "westernization", enemies of traditionalism, that is of everything truly religious and national. I expect a question about wahhabism, about that ideology undermining Chechen traditionalism from the inside.

The acquaintance with religious literature and publications proves that in the world there is no genuine understanding neither of traditional Islam, nor of that ideology which is now called as "wahhabism". I shall remark at once that Wahhab is one of sacred names of our Creator, who cannot be mentioned by the Muslims in political definitions; consequently from now on I shall use the terms "ikhvanism", "ikhvans", who are still called "fundamentalists". Actually, fundamental Islam, meaning by it Koranic Islam, is a religion of consanguineous communities, this being the basic cells of the tribal structure of the people. Such social situation of Islam we discover also in many explicit orders of the Koran, and in their practical realisation in the ummah of Medina of the prophet Muhammad (a.s.s.), and also in the ummah, headed by the first four righteous khalifs (may them please to Allah). I illustrated in more details these questions in some special works, and now I shall briefly characterise the social content of the ummah, reflected in the Medina Constitution compiled by the Prophet (a.s.s.):

1. the "arbitrate" functions of the Prophet (a.s.s.) or his heirs-khalifs heading the ummah, organised as a tribal confederation, every subjects of which lives "according to the customs", at complete self-controllability of the consanguineous communities;
2. consanguinity of the community as the basic unit of the Islamic society;
3. strict observance of a principle of social (collective) responsibility, as the foundation of the theocratic law order.

If we convert to postulates of ikhvanism, we shall detect a radical breach of these principles:

1. rigid subordination of the leaders of various level to the territorial (state) principle structuring the ikhvanist organisation;
2. the individual as the basic unit of territorial-political organisation;
3. juridical absolutization of the principle of individual responsibility, as the foundation of the civil law order.

Therefore it is incorrect to name ikhvanism as "fundamental Islam" -obviously, it is in fact a "new Islam". It is convenient to remark here that exactly the so-called traditional Islam is as a matter of fact a renovated Islam, and generated the new Islam.

The brotherhood of blood, which is so sacred for Islam, was substituted by the ikhvans ("brothers") by an ideological tie, "jamaat". In other words, in the place of the natural consanguinity tie, consecrated by the authority of the Koran and Sunna of the Prophet (a.s.s.), creating a united community of Muslims, the ikhvans have put an organisation which cannot be distinguished from state organisations in anything, except for a rigid "barracks" discipline. Very predictably - as a movement which not only duplicates the statalist principle in its organisational structure, but also openly declares its bid to construct "the Islamic state" - "ikhvanism" is irreconcilably hostile to consanguineous and tribal structures being at the antipode of the state. In this lays the whole essence of the conflict between traditional, fundamental Islam professed by the Chechens, and the "new Islam" introduced in our land by the emissaries of "ikhvanism". But this conflict appears only in times of peace, when the issues of social arrangement of Chechnya become actual. In times of war this conflict disappears, as all the segments of the Resistance act as a united force aware of a common sacral mission. Here again never mind by what principles and signs the Resistance fighters are united: by "jamaat" or by blood. By saying that those who fight in Chechnya against the Russian army are ikhvanis, the Russian propaganda increases their popularity, whereas

those who fight are not ikhvanis but Chechens, juridical personalities formed in their consanguineous communities.

Traditional Islam in Chechnya was preserved in the tribal structure of the Chechen nation, and it is impossible either to erase it or to fully revive it without the destruction or revival of the tribal and consanguineous hierarchy of the people. Outside of such structure no Islamic current can avoid being to such or such extent distorted. There, where traditional Islam is abandoned and blood ties are disintegrated, there favourable circumstances grow for the "new Islam" - ikhvanism. "A sacred place is never desert". As paradoxical it might sound to the majority of those present here, just within the Islamic world in Chechnya there are the less favourable conditions for ikhvanism to take roots. This is because the Chechens till nowadays preserved to the greatest extent the traditional forms of social life. Chechen ikhvanis, because of the ongoing war and its propagandist accompaniment, have appeared at the centre of universal attention. Actually, in the Islamic regions of Russia, for instance, there exist much more favourable conditions for the expansion and strengthening of ikhvanism, since in those regions, as well as everywhere in the former USSR, under the influence of communist antinational and antireligious policies the natural, communitarian forms of social life were broken - and consequently the religious revival is channelled not by traditional Islam, but by ikhvanist "new Islam". And this clearly illustrates the essence of ikhvanism as a source of modernism. Therefore there is nothing that might be efficiently opposed to the ikhvanist ideology, except for the ideology of the revival of pure, traditional Islam with its communitarian consanguineous contents. This is a common task both for national communities and traditional Islamic organisations, such as, say, the Central Spiritual Board of the Muslims.

The Spiritual Board of the Muslims of Russia could use its own authority, connections with government circles, status of official entity within the state structure in order to act as pioneer and intermediary of the negotiation process in the Caucasus. A great positive step would be the involvement in this process also of the Russian Orthodox Church. The cooperation of Islam and Christianity, historically associated with a position of mutual hostility, would convert this peace-making impulse in Chechnya into the beginning of a spiritual revolution over the whole Eurasian continent. If till now the democrats from law-keeping structures, such as OSCE, acted as the peace-makers in the Russian-Chechen conflict, now we have the possibility to achieve the peace through the mediation of religious figures of Islam and Orthodoxy, having demonstrated the great peace-making potential of monotheistic religions. This step will be a great celebration of our religions, it will be the vector to the revival of traditionalism, to the union of the Islamic south with the Orthodox north about which I spoke, it will be the foundation of values for the integration not only of the Eurasian peoples, but also of all the peoples of the Earth, it will be the crushing and irreversible defeat of globalism. Without any exaggeration, this will become the turning point in the tragic history of mankind, charged by wars and enmity, a turn to life in the land of the God under the laws of God. These ideas I have pledged also in the text of the peace initiative, which you can find in my book "Vedeno or Washington?".

Thus, the muftiyat can play a powerful role in the deal of Eurasian integration, contributing to the khanif dialogue with Orthodox patriarchy and the elaboration of a long-term program of joint opposition to ikhvanism. As to the opposition to ikhvanism, I understand that the Muslim peoples of Russia, unfortunately, in most cases have not saved that consanguinity and partly tribal structural "skeleton" which creates in the Chechen nation a natural "immunity" against "ikhvanism". But the muftiyats of all Muslim regions of Russia must understand, that the Achilles' heel of ikhvanist ideology can become only the sermon of the consanguinity bond, its sacredness, noted in the Koran. Against this reason ikhvanism does not and cannot have any arguments, and its inconsistency with Koranic Islam will become obvious. We must understand that the struggle has to be directed not against "ikhva-nis", which already include tens of thousand among the Muslim population of Russia, but against "ikhvanism" exposing to the eyes of the youth involved in it all the repugnance to the general character of pure, Koranic Islam of those postulates of ikhvanism which they present as "fundamentalism". What is necessary is not to kill the ikhvanis, but toto conduct a fight against ikhvanism, that is with ideology

A question may appear: why during the three inter-war years the traditional society was not revived in Chechnya? The fact is that the Chechen government was busy not with it, but with building the state. I am sure that the concept expressed in the said report, which is fully exposed in my book "Between Vedeno and Washington", will be accepted today by all fighting Chechens, including ikhvanis. Above I already explained why. I am as well sure that the proposed concept will find a positive response also in Russia.

I have no doubt that my program is the sole path for the protection of the multipolar world and the revival of the natural order, in which nature is not a workshop but a temple, and man in it - not a hired worker, not soulless robot, but God's servant. Why I am so sure that my program will be accepted by everyone: both Chechens, Russians and other Eurasian peoples? Because it is grounded on truth. Why I am convinced of that, what is this truth? Because it is conform with the spirit and letter of all monotheist Scriptures.

But the hadith of the Prophet (a.s.s.) says that we are expected by the help of Allah. I think that this help is close, as more and more people in Eurasia and all over the world begin to understand that the path of salvation in this and in eternal life is marked by the motto "salvation of the earth and healing of the soul", that we must not exterminate, but to save the centre of traditional life, which the Chechens defend on their land. With the disappearance of this centre, the alive example of inseparable unity of religious and national values established in the covenant concluded by the Most High God with the prophet Noah

(peace on him) will also disappear. In this case will be definitively lost the ark of the covenant saviour for mankind - the traditional foundation of social life kept by the people of Noya (Noh-chi). I am realist and I perfectly understand the kind of world we live in. Therefore, I do not invoke the peoples to destroy the states by the revolutionary way. It would result in chaos, as are the loss of consanguinity links and of the of taypi system. Therefore it is necessary to go by an evolutionary way, being oriented to the revival of religious and national traditions. First of all, the Slavic, Turkish and Iranian peoples, having seen in the Caucasus a solid bond of the union between the Orthodox North and the Islamic South, and then also the all-Eurasian integration, can unite against the civilisation of the Sea in the Eurasian Confederation of the Authoritarian States. The following stage, to which deepening traditionalism will lead, is the creation of the genuine Organisation of the United Nations where the subjects will not be anymore the states, as in the present United Nations, but the peoples living according to their traditions. It is the path to the reconstruction of the community of our Prophet (a.s.s.), in which all peoples and faiths could live in peace and consent. And maybe, today's conference is the first step to the realisation of this saving and pleasing to God purpose.

Trans. M. Conserve

Islam and Geopolitics

I would say, first of all, that our choice of the time for organisation of this conference was not incidental. Some want of ideas is evident in our international policy. The present foreign policy doctrine of Russia conceptually represents a kind of "transitional thinking". Therefore it is of the utmost relevance to work out just now some fundamental strategical recommendations, based on a serious scientific, geopolitical, religious and ethnological approach, in order to give a definite orientation in this complex and constantly changing world in which Russia is now living. The number of new challenges facing today the Russian leadership is very large. About these challenges spoke in his deep and exhaustive paper the respectable Talghat Tajuddin; reference to them is also in the greeting message of Gennady N. Seleznev. These challenges have a new nature. What can be the answer of Russia? We might say that for the time being (maybe as a consequence of historical conditions) the Russian leadership has no clear representation of this fact. And this is why our steps in foreign policy are in some way inconsequent.

It is absolutely clear that we are oriented to a multipolar world and to the preservation of our status as a great power. Yet our concrete steps suffer from some confusion, when the question is about definite geopolitical interests.

Very indicative in this sense is the way in contemporary Russia the attitude towards Islamic states is forming, and the kind of policies adopted by the Russian leadership in relation to Islam inside our country. It is convenient to analyse this from the point of view of "fundamental" or - if you like - "deep diplomacy" (as analogous to "deep psychology"). In the contemporary "international thinking" of the Russian leadership there exist three tendencies.

The first one is the inertial "Soviet" pattern of relations to the surrounding world. This is obvious, since the greatest part of our leaders worked in various Soviet institutions. Not surprisingly, they preserved a systematic inclination to look at the world situation just according to the "Soviet" paradigm. In the case of Russian relations with the countries of the Islamic world, this means supporting the countries of modernist and non-fundamentalist, "socially-oriented" Islam, the Arab countries of "Islamic socialism"- Iraq, Libya, Syria, once Egypt.

The second tendency was formed within the Russian Ministry of Foreign Affairs during the period of "liberal reforms". It can be defined as "consequent atlantism". Russia would be as willingly self-disqualified as an active player in the world arena, preferring to follow the wake of American foreign policy. I want to stress: just American, not simply "Western", as the "American-way" unipolar world does not leave Europe any right to its own subjectivity. The significance of Russia in this way is reduced to the executive role of a "co-sponsor" wherever she is asked to perform it. This tendency (displayed, for instance, in some kind of cooling of the relations between Russia and some "rogue countries", as the Americans call them, including some Arab states) is also becoming a thing of the past. Shifting away from the two first tendencies, here comes the third one: the eurasist international doctrine of the multipolar world, which takes into account a completely new international situation and a fundamental geopolitical regularity. This doctrine is getting stronger; it is now considered with growing interest by the representatives of the Russian leadership. Its mark is evident in many recent foreign policy moves of President Putin; and also the policy course aimed at building a multipolar world has to be recognised as eurasist. It is too early, however, to speak about the final victory of the eurasist pattern... The concept of multipolar world deserves a special attention. A multipolar world is something that never existed before. It is not the bipolar world of the "cold war" times. Neither it is the unipolar world which is offered by the pro-American orientation. Multipolar world is a synonym of the eurasist international policy.

For the time being the multipolar world is in its evolutionary stage. During the preparation of our conference, the main diplomatic representatives of many Islamic states especially regretted that Russia lacks a clear-cut, consequent policy towards the Islamic world. But my deep conviction is that the logic of events will support the process of formation of an international eurasist platform, which - in my opinion - is the sole instrument (also from the conceptual point of view) able to give an adequate answer to the challenges of our times.

A vivid example of the eurasist approach in the relations between Russia and the Islamic countries is given by the sudden activation of Russian-Iranian relations.

If we evaluate the development of Russian relations with the Arab countries of "Islamic socialism" as an element of "Soviet inertness" in Russian foreign policies, and the reject of constructive partnership with the Islamic states as a relic of the liberal-reformist decade (luckily ended or coming to an end) -then the Russian-Iranian dialogue testifies of the rise in Russia of an autonomous policy course, based on the idea of a multipolar world and responding to our own national interests.

These three specified elements (whatever the ways they combine) are now exerting their influence on Russian foreign policy. Once we bear this in mind, many unjustifiable or wrong actions of the Russian leadership in recent times become understandable. I am however deeply convinced that with our new President, who objectively evaluates the facts of the world, the process in which Russian policies find their "eurasist face" will very soon find its own

way.

The pattern of the eurasist foreign policy doctrine is tightly linked to geopolitics and based on precise geopolitical principles. We have to admit that geopolitics is not simply international policy taking into account the element of force, as it is sometimes described to the people not very competent in this discipline. Geopolitics has a rather developed methodology. It is a dynamically evolving science. For instance, it masters American strategical consciousness in the last decades. Let's say that Brzezinski's "Grand Chessboard" deserves the utmost attention (though some American politologues maintain that it only expresses the opinion of a part of the American establishment). In the US, if you do not possess any geopolitical competence you cannot hold any serious strategical post, in line of principle. I do hope that very soon Russia will catch up with America in this respect, since without geopolitical thinking we cannot understand this complex world we live in.

Geopolitical thinking is linked to a definite dualism - with the representation that there are two kinds of civilisations: the "civilisations of the sea" and the "civilisations of the land" or, in other words, the Eurasian civilisation (linked to the land), and the Atlantic civilisation (linked to the sea). This civilisation dualism was shown in the Punic wars between Carthage and Rome; in the struggle between Sparta and Athens; in the hand to hand struggle between traditionally overland Russia and maritime England; and at the half of the XXth century, in the struggle between the USSR and its allies, on the one hand, and the US and NATO, on the other hand. World history confirms the existence of two kinds of civilisations, which - at different levels, in different social patterns, ideological formations, political coverings - constitute a definite historical constant linked to a qualitative space. This is the fundament of the laws of geopolitics. Once we acknowledge this, once we begin to read the international situation according to geopolitical categories, then a new system of coordinates arises in ourselves, already independent either from ideologies, or from any concrete religion, or any definite form of political system. Geopolitics introduces its index in political patterns (this is why we can speak, for instance, of eurasist or atlantist democracy), in cultural paradigms, in religion. Maybe this is the most difficult thing - to see that the principles of geopolitics act in a sphere as deep and thin as religion is. Nevertheless - so it is. If we recall the history of the Christian Church, we get a brilliant and, if you like, most evident illustration of the principle of geopolitical dualism. The uniform Christian tradition, having become the official religion of the Roman Empire under Constantine the Great, becomes historically split in two directions: the orthodox, eastern one, which can be called as the Eurasian direction in Christianity (maybe this clarifies the interest in geopolitics on behalf of the hierarchies of the Russian Orthodox Church), and on the other side the "Atlantic Christianity", embodied in Catholicism and Protestantism.

Perhaps in the beginning there appeared only small omissions and inaccuracies in the formulation of the Christian dogmas. From the outside they looked even less significant, than the differences between the rites of some Pomestnyi [country] Orthodox Churches. Nevertheless, we stand before the civilisation conflict between Christian West and Christian East, lasting for more than 1200 years.

When the Patriarch has painful reaction to the visit of the Pope of Rome in Ukraine, this is because that visit is a challenge to orthodox geopolitics, to our tradition. In fact, it is an act of geopolitical aggression... The assault, the aggression look different according to the different structures. It goes in some way in the military sphere, in another way in personal relations, and, for instance, it is not so obvious in aggressive marketing business or in unfair competition against a foreign people. It is possible to speak about specific aggression in the religious sphere. In this connection, the Pope's visit to the canonical territory of the Ukrainian Orthodox Church is a typical act of aggression from the "atlantist Christianity"... So the geopolitical index referred to such or such religious tradition gives absolutely different civilisation models. One embodied in the Russian society, in the Eastern-European civilisation, the other one in the Western civilisation. And between them, despite their common Christian background, there is nothing in common, all in all.

Following the criteria of this "deep" geopolitics, it is possible to define what may be called as the overland, or Eurasian principle in religion. Most generally it may be called as the traditionalist attitude (implying contemplation, absorption in the inner, mystical aspects). These features are also distinctive of Russian Orthodoxy, where a significantly lesser degree of attention is given to the questions of ordinary life.

The lack of correspondence of Eastern Christianity to the Western one was magnificently illustrated by the great orthodox thinker Mikhail Dostoyevsky in his "Legend of the Great Inquisitor", keenly describing roman Catholicism and more in general the western "atlantist" pattern. In this way, we can speak about the existence in religion of a definite geopolitical, contemplative, very subtle Eurasian approach, resulting in the open, deep eurasist tradition embodied in the Great Orthodoxy. On the other side, the profane-life tendency of "atlantist Christianity", which through Catholicism and Protestantism (where any spiritual dimension virtually disappears) gives place to a representation of the best organisation of earthly life. The similar pattern of geopolitical index can be applied also to other religions. We discover an absolute likeness, an absolute strategical confirm of this model also in the dualism existing in the Islamic world...

The Islamic world has its own geopolitical dualism. It is not so clearly outlined and expressed as in the case of Christianity. Nevertheless, using the same typological criterion, we see that there is a specific eurasist Islam (deep, contemplative, mystical, not paying excessive attention to the ordinary aspects of life). As eurasist Islam - analogue to Orthodox or Eurasian Christianity - we may call the mystical Shiite direction, Sufism in all its forms, the different models of Islamic traditionalism (not excluding, on the

contrary including in itself features of the spiritual practices of those peoples among which Islam had its affirmation). This kind of Islam must not be necessarily tolerant, human. But just this eurasist Islam deeply, obviously contains the principle of multipolarity, since every genuine spirituality supposes a not definitive solution of exterior rational issues. And where the issues of ordinary life remain to some extent open, there cannot exist totalitarianism. The Orthodox Eurasian Christianity is anti-totalitarian Christianity, a Christianity which allows the realisation of the multi-voiced Pomestniy Church, of the open and contemplative Christianity.

Exactly in the same way open, contemplative, multipolar, anti-totalitarian and traditional is the eurasist Islam.

On its turn, it is countered by the extreme form of Hanbalite madhhab, among which wahhabism has arisen, and also by other heretical patterns of Ha-nafite madhhab, embodied in the doctrine of the Tabliq sect and other salafyi or ikhvanist (according to some historians) movements. This Islam is atlantist because of its internal nature, as atlantist are the western forms of Christianity. It also ignores the divine side of man, rejects contemplation and multipolarity, imposes to all its unidimensional, flat, purely ritualistic, primitive practice. Not incidentally, the same states in which this "protestant", "atlantist" Islam is professed choose their geopolitical partners among the representatives of that "protestant", "atlantist" Christianity. Today we are witness of this paradoxical, at first sight, yet in fact absolutely logical and well grounded unity.

I am not a Muslim theologian; I cannot judge Islam from the inside. I am speaking as a geopolitician, precisely discriminating among definite regularities. I do not assume the responsibility to state whether such or such Islam is traditional or non-traditional, heretical or orthodox. To this purpose there are respected muftis and theologians well known all over the world. This issue is left to their competence. I speak as a geopolitician. And as a geopolitician I assume the responsibility to affirm that we can establish the existence of two different kinds of Islam, which can be conveniently called as "eurasist" and "atlantist". And we can confidently say that just the eurasist, multipolar Islam is the natural partner of orthodox eurasist Russia.

The concept of eurasist Islam seems to me to be very productive since, as a principle, it does not insist on such or such political or dogmatic setting, it only pays attention to the spirit of the Islamic society we are dealing with. And if this spirit is traditional we must relate to this Islam as to a natural partner. That is, Russia in its new quality must choose its strategic partners among the people of the Islamic ummah of eurasist orientation. From this approach we can derive many important views about what Russian foreign policies should be in relation to the Islamic world, possibly strengthening and developing its eurasist tendencies. I am not simply talking about Christian-Islamic dialogue, as about the strategic partnership of traditional Eurasian confessions...

By the way, a similar geopolitical dualism does exist in Buddhism too. The Hinayama Buddhism (of the Small Vehicle) representing a sort of "atlantist Buddhism", while the Great Vehicle, the Mahayana, Vajrayani Buddhism -traditional chan-Buddhism, Tibetan Buddhism, the Buddhism diffused in Japan, in the Far East - represents the Eurasian pattern. That is, even here geopolitical dualism is reconciling, valuable and effective. Let me say this as a conclusion: if we want the eurasist ideology and geopolitics to evolve, we must not stop to elaboration at the theoretical level, but in every possible way contribute to the application of eurasist schemes to the concrete political practice (as I have been personally doing in the last 15 years).

I am deeply convinced that such approach - on the one hand generalising, on the other hand very concrete, as the eurasist geopolitical pattern is - can solve many problems. Just eurasist geopolitics allows us to build a consistent pattern of relations between Russia and the Islamic world and helps to consolidate and strengthen the Russian, traditional, Eurasian Islam, Eurasist methodology offers a huge quantity of devices so that the relations between Russia and the Islamic world can evolve in a non-contradictory, non-conflicting, harmonic way, following a serious and fundamental logic in harmony with the world-wide process. And it is our duty to take advantage of it.

Trans. M.Conserva

Collective Resolution Of The Participants to The International Conference

The Islamic world is many-dimensional and multi-faced. The overwhelming majority of the Muslims professes traditional Islam. Traditional Islam categorically rejects "innovations", even if they act under the mask of "returning to original purity". The reforming fervour of extremists such as Wahhabites, the "Tabliq" movement or Talibani is alien to Islam.

The Muslim world on the majority of issues has with Russia common strategic concerns. And if this positive tendency will be properly interpreted and is consolidated, the union of the Islamic world with Russia will allow to cope with many threats.

The expression, often met in modern political language, of "Islamic threat" is completely incorrect, it offends the feelings of the believers and enters an element of mistrust and estrangement in the relations between the Muslims and the representatives of different traditional faiths.

Actually, where there is a strong Islamic tradition, there is no inter-confessional enmity, the peoples of the Scriptures are protected by the Muslim law.

Those extremist tendencies which, under the cover of Islam, represent a threat to mankind, are also a threat for Islam.

The obvious threat to the harmonious development of mankind's traditional faiths and national cultures is the process of unipolar globalisation. This process destroys the traditional way of life, undermines the bases of belief, introduces in the society rules and standards that are not compatible with the Islamic representation of godliness and negatively influences the younger generations, separating them from the belief of the fathers, from moral roots.

On the basis of the results of this conference we propose:

— To create an Eurasian committee of strategic Russian-Islamic partnership, a) for co-ordinating actions in the field of geopolitics, b) for elaborating projects on interaction and strengthening the connections of Russia with the Muslim world, c) for activating and deepening the inter-confessional Orthodox-Islamic dialogue;

— To involve in settlement of the Chechen conflict the representative authorities (Russian and foreign) of traditional Islam, and also the hierarchies of the Russian Orthodox church, for elaborating an Eurasian project of pacific settlement;

— To denounce the usurpation of the Islamic tradition from pseudo-islamic forces and movements;

— To denounce unipolar globalisation as a tendency contradicting to the concerns of Islam and the national concerns of Russia and the other Eurasian states;

— To consequently defend the ideals of peace, consent and equity all over the world;

— Realising that mankind in the XXI century stands at a critical point of history, we must unite our efforts in the name of salvation - environmental recovery of the land and healing of the soul.

Trans. M. Conserve

L'Islam et la géopolitique

Je voudrais dire tout d'abord que si nous avons tenu cette conférence à cette date, cela n'a rien de fortuit. Notre politique extérieure connaît, en effet, un certain vide. La doctrine de la Russie en matière de politique extérieure obéit, actuellement, à une pensée qui s'inscrit dans une période de transition. Il importe d'autant plus de définir un certain nombre de recommandations stratégiques fondamentales. Celles-ci doivent reposer sur des valeurs géopolitiques scientifiques, sérieuses, fondées, qui peuvent être théologiques, écologiques, afin de coller à cet univers complexe, constamment mouvant que connaît actuellement la Russie. Notre pays, nos dirigeants, sont, en effet confrontés à de multiples défis, à des défis d'un genre nouveau et aux implications multiples. Talgat Hazrat Tdjouddine en a parlé avec abondance et profondeur, me semble-t-il. Guennadi Selezniev les a évoqués dans son message de salutation. Ces défis sont nouveaux de par leur nature.

Quelle doit être la réponse de la Russie, en sa qualité de grande puissance ? Elle va être confrontée, au XXIe siècle, à une situation entièrement nouvelle, totalement inédite. On peut dire que, jusqu'à ce jour, les responsables russes ne disposent pas d'une doctrine géopolitique et diplomatique claire. Cela tient probablement à des circonstances historiques. D'où une certaine incohérence dans nos interventions sur la scène mondiale. Certes, nous sommes tournés vers le monde, vers un monde multipolaire et nous voulons conserver notre statut de grande puissance. Nous souhaitons la paix et la coopération avec tous les peuples. Ce qui est déjà beaucoup. Dans la pratique, tout se complique au niveau des initiatives concrètes que nous prenons tant en politique intérieure qu'en politique extérieure, là où il s'agit de définir nos intérêts géopolitiques. Nous nous heurtons à une force d'inertie, ce qui a des conséquences sur nos rapports avec le monde musulman, avec les pays musulmans, avec l'Islam intérieur. Il nous revient ici de procéder à une analyse, dans le cadre d'une diplomatie fondamentale, des profondeurs, par analogie avec la psychologie des profondeurs. Trois tendances différentes se dégagent chez les responsables russes en matière de politique extérieure. La première, c'est une attitude soviétique face à l'environnement mondial. Elle se poursuit par inertie. La plupart de nos responsables des ministères et des administrations ont été formés dans des établissements soviétiques. D'où une tendance à concevoir la situation internationale à travers les mêmes paradigmes, les mêmes modèles que par le passé. Pour ce qui regarde le monde musulman, on soutient un certain Islam, avec un créneau social déterminé, moderniste et pas fondamentaliste. On soutient alors essentiellement les pays qui relèvent du socialisme islamique, les pays arabes tels que l'Irak, la Syrie, la Libye, c'est-à-dire des pays placés sous l'obédience du parti BAAS. L'Egypte figurait alors sur la liste. Cette tendance a cours aujourd'hui encore. Il existe une seconde tendance. Celle-ci a tenté de prendre pied au Ministère des Affaires étrangères parmi nos responsables au cours des dix dernières années marquées par des réformes libérales. On peut définir cette tendance comme un atlantisme cohérent. La Russie perd sa qualité de grande puissance dans le monde et préfère se mettre à la remorque de la politique américaine. Soulignons bien : de la politique américaine et non pas européenne, dans la mesure où l'on a affaire ici à un projet libéral visant à reconnaître un monde unipolaire. On reconnaît le leadership des Etats-Unis. La Russie renonce alors à son statut de grande puissance et se contente de faire dans le " co-sponsorisme ". On a un refroidissement des relations avec les pays arabes, on met à l'écart les " pays-voyous ", les " pays-parias ", pour reprendre la terminologie américaine. C'est en ces termes que se manifeste l'inertie de cette seconde période de notre politique étrangère. Cette tendance est de moins en moins perceptible. On peut déjà l'évoquer au passé.

Au fur et à mesure que ces deux tendances passent progressivement au second plan, dans la mesure où elles s'inscrivent dans des contextes qui relèvent du passé, la politique extérieure de la Russie voit se profiler une troisième tendance, à savoir celle qui s'inscrit dans la doctrine eurasiste d'un monde multipolaire et qui prend en compte des situations entièrement nouvelles ainsi que les lois de la géopolitique. Cette doctrine gagne de plus en plus de terrain, suscite de plus en plus l'intérêt. On ne saurait dire pour autant qu'elle a atteint pour l'heure une position dominante. Nous retrouvons des éléments de cette doctrine, de la conception eurasiste de la politique extérieure dans notre approche de la sécurité nationale, avec la mise en place d'un monde multipolaire.

Ce monde multipolaire était inconnu du modèle soviétique. Celui-ci connaissait un monde bipolaire. Il ne connaissait pas non plus le monde unipolaire que proposent les atlantistes pro-américains. Le monde multipolaire est synonyme de politique extérieure eurasiste. Doctrine qui n'est encore qu'en gestation.

Bien des ambassadeurs, des diplomates avec qui nous avons échangé des propos avant cette conférence nous ont fait part de leur étonnement devant telle ou telle attitude russe. Ce qui est justifié dans la mesure où la Russie n'a pas encore de politique claire et cohérente en direction des pays musulmans et, plus généralement, de l'Islam. Je suis néanmoins convaincu que la logique même des événements concourra à l'élaboration d'une plateforme eurasiste qui, à mon sens, est bien le seul instrument, la seule conception, en mesure d'apporter une réponse aux défis de notre temps. Pour illustrer notre propos en matière de politique extérieure eurasiste à l'égard du monde musulman, les relations russo-iraniennes suivent actuellement une courbe ascendante. Si l'orientation pro-arabe, avec, notamment, le soutien apporté au socialisme islamique, s'inscrit dans une politique soviétique par inertie

et se retourne exclusivement vers l'Occident, si, au contraire, la Russie abandonne toute relation avec le monde arabe, on a affaire à une survivance de la décennie écoulée marquée par les réformes libérales, achevée ou en voie d'achèvement. De fait, l'exemple de nos relations avec l'Iran illustre une voie qui n'est déjà plus orientée vers le socialisme ni sur la stratégie mondiale américaine. Il s'agit bien d'une voie propre à la Russie grande puissance qui construit un monde multipolaire à partir de la conception eurasiste et de ses intérêts nationaux. On peut observer aujourd'hui ces trois éléments dans la politique étrangère. Pour comprendre comme il se doit ce dont il s'agit, je crois que la précision concernant l'état transitoire de notre doctrine de politique extérieure est très importante. Si nous savons en tenir compte et si nous savons apporter le correctif qui s'impose, bien de nos maladresses seront alors comprises. En fait, je suis profondément convaincu que tout cela va s'arranger avec le temps, avec notre nouveau Président, à la fois pragmatique et raisonnable, qui se fait une idée parfaitement claire des réalités du monde. Ce processus connaîtra une marche ascensionnelle rapide. Je le pense. La doctrine eurasiste en matière de politique extérieure est étroitement liée à la géopolitique. Elle s'appuie sur le modèle géopolitique. La géopolitique ne se contente pas de prendre en compte les rapports de force, contrairement à ce que pensent les gens qui se contentent d'une vue sommaire de la question. Elle présente une méthodologie propre. Elle constitue une science à part entière. Cette méthodologie a atteint un bon niveau et, ces dix dernières années, elle a pris une très grande importance aux Etats-Unis. Une lecture attentive du " Grand échiquier " de Z. Brzezinski permet de bien comprendre de quoi il s'agit, même si des politologues américains n'y voient que l'opinion d'une partie de l'établissement américain. En fait, aux Etats-Unis, la géopolitique est étudiée au plus haut niveau et un individu incompetent en la matière ne saurait accéder à un poste stratégique tant soit peu important. J'espère qu'en Russie nous saurons emprunter la même voie. On ne saurait pénétrer le monde complexe qui est le nôtre en dehors de la géopolitique. C'est tout simplement impensable.

La géopolitique implique un certain dualisme méthodologique. Elle induit l'existence de deux types de civilisations. On a, d'une part, la " civilisation de la mer " et, de l'autre, la " civilisation continentale ", les civilisations de l'Eurasie associées au continent. Les civilisations atlantistes étant associées à la mer. Cette opposition s'est manifestée par le passé avec les guerres puniques entre Carthage et Rome, avec l'opposition Sparte-Athènes ; on a pu l'observer, beaucoup plus tard, entre la Russie traditionnellement continentale et l'Angleterre traditionnellement maritime. Au milieu du XXe siècle, l'URSS, le camp oriental, a dû faire face aux Etats-Unis.

L'histoire universelle confirme l'existence de ces deux entités associées à des espaces déterminés, quels que soient les modèles sociaux, quelles que soient les formes idéologiques et politiques. Il y a des constantes. C'est à ce niveau que se situe la loi fondamentale de la géopolitique. Si nous sommes en mesure de porter ce regard géopolitique sur les réalités internationales, nous entrons alors dans une approche entièrement nouvelle qui se situe à l'extérieur du langage idéologique, religieux ou politique. La géopolitique nous fait entrer autrement dans le politique. Il peut y avoir une démocratie de l'Eurasie, comme il peut y avoir une démocratie atlantiste. Elle nous fait explorer autrement le culturel, mais aussi le religieux. Nous touchons probablement là au point le plus complexe : la géopolitique se situe en amont du religieux ; d'une certaine manière, elle marque de son empreinte ce plan subtil et profond de la vie spirituelle des hommes qu'est l'univers religieux. Arrêtons-nous un instant sur l'histoire de l'Eglise chrétienne. La dualité géopolitique y trouve son illustration la plus éclatante et la plus limpide.

Nous avons, au départ, une tradition chrétienne unique qui va devenir confession officielle sous Constantin, le Constantin le Grand de l'Empire romain. Cette tradition va évoluer selon deux voies différentes : l'une, orientale, orthodoxe, que l'on peut qualifier d'eurasiste, d'où, probablement l'intérêt que l'Eglise Orthodoxe Russe porte à la géopolitique. L'autre voie sera celle du christianisme atlantiste, incarné par le catholicisme et le protestantisme.

Au départ, nous avons des dogmes semblables, des rituels très proches, avec des différences et des erreurs dans la formulation des doctrines chrétiennes qui étaient même moins substantielles que celles que l'on pouvait rencontrer entre les différentes églises orthodoxes. Elles ont pourtant abouti à un conflit de civilisation fondamental qui se prolonge depuis plus de 1200 ans. D'où la réaction de notre patriarchat à la visite du pape en Ukraine. Cette visite résonne comme un défi à la géopolitique orthodoxe, à nos frontières, à notre compréhension mutuelle, à notre respect mutuel. On peut y voir un acte agressif. Dans les affaires, l'agression s'exprime d'une certaine manière, dans le domaine militaire, elle s'exprime autrement, dans les rapports entre individus, elle prend encore une autre forme. Le domaine religieux n'est pas exempt d'actes agressifs. Avec la visite du pape en Ukraine, le christianisme atlantiste a fait dans l'agression. L'approche géopolitique d'une même tradition donne des résultats totalement différents, aboutit à des modèles de civilisation tout à fait autres. Les uns s'incarnent dans la société russe, dans la civilisation de l'Europe orientale, tandis que les autres se traduisent par la civilisation occidentale. Et il n'y a, en réalité, rien de commun entre elles, au-delà de l'appartenance générale au christianisme. Nous avons là un exemple qui montre bien à quel point un domaine aussi subtil que la dogmatique évolue selon qu'il s'inscrit dans le principe eurasiste ou dans le principe atlantiste.

En partant des critères d'une géopolitique particulièrement fouillée, on peut donc saisir ce qui relève du continental, du principe eurasiste dans l'univers religieux. On peut dire de façon très générale qu'on a affaire à une approche traditionnelle, traditionnaliste, à une méditation, à une intériorisation des aspects mystiques de la tradition. Le christianisme orthodoxe se concentre sur la contemplation, c'est ce qui en

fait l'originalité. On est moins préoccupé du quotidien, de sa gestion. Souvenons-nous du Grand Inquisiteur. C'est à travers le Grand Inquisiteur que Dostoïevski, notre grand penseur et écrivain orthodoxe, raillait l'Eglise catholique romaine.

On est donc fondé à affirmer que même le religieux présente un aspect géopolitique très subtil et très profond. Une approche contemplative, eurasiste, de la religion débouche sur une tradition eurasiste profonde qui s'incarne dans l'orthodoxie, dans la pratique contemplative orthodoxe. De l'autre côté, on a un christianisme atlantiste, " du monde ", qui, à travers le catholicisme, conduit au protestantisme. Où toute dimension spirituelle a pratiquement disparu. On se préoccupe seulement d'organiser la vie. La méthodologie géopolitique illustre donc bien l'histoire de l'Eglise, ce corps du Christ si subtil, si secret et si mystique. On peut approcher les autres religions avec la même grille d'analyse. Nous rencontrerons le même dualisme dans le monde musulman.

Dans le monde musulman, les contours ne sont pas aussi nets que dans le cas du christianisme. Et pourtant, si nous retenons la même grille d'analyse nous dégagerons un Islam eurasiste, un Islam intériorisé, contemplatif, mystique, qui transcende le quotidien. On peut y trouver l'indifférence face au quotidien. L'intensité mystique qui conduit à l'essentiel de la foi, c'est bien cela qui est propre à l'Islam eurasiste.

Par analogie avec l'orthodoxie, qui est le christianisme de l'Eurasie, on peut dire que la mystique chiite, le soufisme sous ses différentes formes, le traditionnalisme musulman dans ses différents modèles relèvent de l'Islam de l'Eurasie, là où la tradition musulmane ne rejette pas, mais au contraire intègre la pratique spirituelle des peuples qui sont devenus musulmans. Cet Islam est humain, profond, d'Eurasie. Il porte en lui la multipolarité, toute spiritualité induisant que les problèmes rationnels exotériques demeurent, d'une certaine manière, sans solution. L'absence de solution ne pose pas problème. Nous sommes loin des dogmes rigides, loin de l'esprit totalitaire.

L'esprit totalitaire est étranger à l'orthodoxie. On y trouve, au contraire, un christianisme polyphonique, où chaque Eglise fait entendre sa propre voix. C'est un christianisme ouvert et contemplatif. Aussi ouvert, contemplatif et multipolaire par définition, antitotalitaire et traditionnel que l'Islam d'Eurasie. C'est bien ainsi que se présente l'Islam de la tradition, l'Islam contemplatif et spirituel, celui qui inspire les pratiques mystiques des soufis et du chiisme. Il s'oppose à l'extrémisme des Hanbalites madhab, d'où provient le wahhabisme, le mazhabe hanafite. On a là des courants hérétiques, de la secte des " Tabliqs " et d'autres courants ihwans ou salafites. Cet Islam-là, de par sa nature, s'associe à l'atlantisme. Il ignore la parcelle de divin qui brille en chaque homme. Il refuse la contemplation, la multipolarité, il impose une pratique primitive, unique, simpliste, purement rituelle. Et il ne faut pas s'étonner de voir les pays qui pratiquent ce protestantisme islamique, atlantiste, rechercher l'alliance sur le terrain géopolitique avec le christianisme protestant et atlantiste. La carte du monde montre une identification totale entre les pays islamiques associés à l'atlantisme protestant et l'extension des hérésies extrémistes de l'Islam que nous avons abondamment évoquées ce jour.

N'étant pas théologien, je me garderai bien de porter un jugement sur l'Islam de l'intérieur. Mes propos sont ceux d'un spécialiste de la géopolitique, j'avance les lois qui régissent ce domaine. Il m'est difficile de dire si tel courant de l'Islam relève ou pas de la tradition, s'il s'inscrit dans l'hérésie ou plutôt dans l'orthodoxie. Nous avons des assemblées hautement respectables, des muftis parfaitement compétents, des théologiens connus dans le monde entier. C'est à eux qu'il revient de trancher. Je m'exprime simplement sur le terrain de la géopolitique et je peux dire, dans ce cadre, qu'il existe deux types d'Islam, l'un associé à l'Eurasie et l'autre, associé à l'atlantisme.

L'Islam multipolaire d'Eurasie est, dans ce contexte, l'allié naturel de la Russie. De la Russie majoritairement orthodoxe et assurément eurasiste. Cette conception de l'Islam eurasiste est, à mes yeux, très productive car autant qu'elle n'exclut rien dans son principe, elle n'entraîne aucune implication en matière de politique ou de dogme. Elle attire tout simplement l'attention sur l'esprit de la communauté musulmane à laquelle nous avons affaire. Et si cet esprit s'inscrit dans la tradition, alors la Russie nouvelle, celle du XXIe siècle, à travers des conditions nouvelles, se doit, à l'évidence, de rechercher ses alliés, ses grands partenaires stratégiques chez les peuples de l'ummah musulmane tournés vers l'Eurasie. C'est à partir d'une approche de cette nature que l'on peut voir ce que sera la politique extérieure envers le monde musulman, à mesure que progresseront les tendances eurasistes. Nous appelons ici au dialogue entre chrétiens et musulmans. Mais, bien plus, nous appelons les confessions traditionnelles de l'Eurasie à se parler.

On peut dire aussi que le dualisme géopolitique traverse le bouddhisme. Le bouddhisme du Petit Véhicule (Hinayama) s'associe à l'atlantisme, alors que le bouddhisme du Grand Véhicule (Mahoyama), sous ses différentes formes (le bouddhisme Chan, le bouddhisme tibétain, le bouddhisme du Japon, le Vajrayam) s'associe, en règle générale, à l'Eurasie. Pour terminer, je voudrais dire que si l'on veut voir l'idéologie eurasiste et l'approche eurasiste progresser, il nous faut poursuivre la recherche géopolitique en Russie, non seulement sur un plan théorique, mais aussi dans la pratique politique. C'est ce que je fais depuis 15 ans. C'est bien, mais cela ne saurait suffire. Le moment est venu où il nous faut appliquer le modèle eurasiste à la vie politique concrète, à la politique extérieure. Je suis profondément convaincu que cette approche à la fois générale et concrète est en mesure de solutionner bon nombre de nos problèmes. Elle nous permettra de mettre au point un modèle exempt de contradictions dans nos relations avec le monde musulman, elle nous permettra de renforcer l'Islam de Russie, l'Islam de la

tradition, l'Islam de l'Eurasie et de lui porter un regard différent, non pas comme un élément que l'on doit supporter, mais comme une partie intégrante de nous-mêmes, comme l'un des piliers de l'eurasisme qui constitue l'avenir stratégique de la Russie.

A cet égard, je suppose que la méthodologie eurasiste offre un grand nombre d'instruments positifs pour que les relations entre la Russie et le monde musulman connaissent une évolution harmonieuse, libre de conflits, et s'inscrivent dans une logique sérieuse, fondamentale, en pleine harmonie avec les évolutions du monde. Je vous remercie.

Traduit par Louis Perroud

Библиография

- А. Р. Аганин. "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве", М., 2000.
- В.Х. Акаев. "Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. Конфронтация или компромисс?", Махачкала, 1999.
- С.А. Акимбеков. "Афганский узел и проблемы безопасности в Центральной Азии", Алма-Аты, 1998.
- И.А. Александров. "Монархии Персидского залива. Этап модернизации" М., 2000.
- Аль-Джихни. Маниа бен Хаммад. Аль-Маусуа аль-муяссара фи аль-адьян ва аль-мазахиб ва аль-ахзаб аль-муасыра (Энциклопедия современных религий, движений и партий. Под редакцией аль-Джихни, Маниа бен Хаммада). Эр-Рияр. 1418 х .
- Ан-Наим, Абдуллахи Ахмед. "На пути к исламской реформации (гражданские свободы, права человека и международного право)", М., 1999.
- Ахмад ибн Ас-Сейид Зейни Дахлян. "Заблуждение ваххабистов", Киев, 1998.
- С.Э. Бабкин. "Движения политического ислама в современной Африке", М., 2000.
- Е.В. Белов. "Исторический опыт передового процесса по урегулированию межтаджикского конфликта (1993-1997 гг.), Душанбе, 1999.
- Бен Баз, Абдуль Азиз бен Абдулла. Необходимость соблюдения сунны Посланника (да благословит его Аллах и приветствует) и признание безбожникам тех, кто не отвергает. - Министерство по делам ислама, вакуфов, призыва и наставления - благотворительная организация "Ибрагим бен Абд аль-азиз аль-Ибрагим". Королевство Саудовская Аравия. Эр-Рияд. 2000.
- М.А. Бояр-Созонович. "Международный терроризм: политико-правовые аспекты", Одесса, 1991.
- А.М. Васильев. "Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство саудидов в Аравии (1744/45-1818)", М., 1967.
- А.М. Васильев. "История Саудовской Аравии (1745. - конец XX в.). М., 1999.
- Ю.В. Гансовский. "Уроки Афганистана". М., 1995.
- Ю.В. Гансовский. "Современный Таджикистан. Страна и народ". М., 1997.
- Ю.В. Гансовский. "Афганистан на пороге XXI века", М., 1999.
- А. Г. Дугин. "Абсолютная Родина", М. 2000.
- А.Г. Дугин. "Основы геополитики" (4-е издание), М. 2001.
- А.Г. Дугин. "Русская вещь", М. 2001.
- А.А. Игнатенко. "Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке. История, идеология, деятельность", 1988.
- И.Е. Катков. "Социальные аспекты племенной структуры пуштунов", М., 1989.
- Р.Г. Ланда. "Управленческие кадры и социальная эволюция стран Востока", М., 1985.
- Р.Г. Ланда. "Страны Магриба: общество и традиции", М., 1988.
- Р.Г. Ланда. "Ислам в истории России" М., 1995.

- В.И. Максименко. "Фундаментализм и экстремизм в исламе", М. 1999.
- А.В. Малашенко. "Исламский мир СНГ". М., 1996.
- А.В. Малашенко. "Россия и исламский фактор", М., 1997.
- А.В. Малашенко. "Исламское возрождение в современной России", М., 1998.
- Д. В. Малышева. "Конфликты в развивающемся мире, России и Содружестве Независимых государств", М., 1997.
- К.И. Поляков. "Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма", М., 2001.
- К.И. Поляков. "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)", М., 2001.
- В.А. Пономарев. "Политические аспекты реформирования религиозных структур", М., 1999.
- М.В. Степанянц. "Мусульманские концепции в философии и политике XIX - XX вв.", М. 1982.
- Тахан, Мустафа Мухаммед. Мустакбаль аль-ислам фи аль-Коказ ва билад ма вара анхнахр (Будущее ислама на Кавказе и Средней Азии). Кувейт, 1995.
- Мохаммад Хатами. "Ислам, диалог и гражданское общество", М., 2001.
- Л. Хоперская. "Проблемы региональной безопасности на Северном Кавказе", М., 1999.
- А.И. Яковлев. "Социально-политические реформы на родине ислама и Дом Саудов", М., 1999.
- "Арабский мир" (под редакцией В.В. Наумкина), М., 2000.
- Арабский сборник ИВ РАН, М., 2000.
- "Афганистан: война и проблемы мира" (сборник ИИИиБВ и ИВ РАН), М., 2001.
- "Идентичность и конфликт в постсоветских государствах" (сборник), М., 1997.
- "Ислам и политика: взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии" (сборник), М., 2001.
- "Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь", СПб., 1999.
- "История религии в России" (методическое пособие), М., 1998.
- "Конец света" (альманах под ред. А.Г.Дугина), М. 1998.
- "Королевство Саудовская Аравия: история, цивилизация" (справочник), Эр-Рияд, 1989.
- "Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации" (справочник), М., 1999.
- "Мусульманское право (внутренние и международно-правовые нормы)", (под ред. М.А. Сарсембаева), Алма-аты, 1999.
- "Новейшая история арабских стран" (под редакцией В.В. Наумкина), М. 1999.
- Z.Bzezinski, The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives, Basic Book, New York, 1997.
- Hantington S., The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. - N. Y., 1996.

Содержание

Приветственное слово Председателя Государственной Думы Геннадия Николаевича Селезнева

Коллективная резолюция участников международной конференции "Исламская угроза или угроза исламу?"

Итоговый список участников конференции

Выступление Шейх-уль-Ислама Талгата Таджуддина, Верховного Муфтия России и Европейских стран СНГ, Председателя ЦДУМ Исламский экстремизм: история и роль в современном мире

Выступление лидера чеченской межтайповой ассоциации "Нохчи Латта Ислам" Хож-Ахмеда Нухаева
Исламская традиция и "Новый мировой порядок"

Выступление лидера Политсовета ОПОД "Евразия", Председателя "Центра Геополитических Экспертиз" Александра Дугина
Ислам и геополитика

Выступление о. Иоанна, архиепископа Белгородского и Старооскольского, Председателя Миссионерского Отдела РПЦ Угроза религиозного экстремизма для традиционных конфессий России

Выступление о. Антония, сотрудника Секретариата по взаимодействию Церкви и общества Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата РПЦ Традиционные конфессии и угрозы глобализации

Выступление ведущего эксперта Научно-исследовательского института социальных проблем при МГУ Александра Игнатенко Экстремизм — исламский или ваххабитский?

Выступление Председателя Координационного Совета мусульман Северного Кавказа, муфтия Духовного Управления Мусульман Ингушетии шейха Магомеда Албогачиева Ислам — религия мира

Выступление заместителя полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе Владимира Зорина
Ислам в системе государственных и церковных отношений

Выступление муфтия Духовного Управления Мусульман Республики Татарстан Фариды Салмана Хайдарова
Раскрытие сущности понятия "ваххабизм" применительно к российской специфике

Выступление муфтия Духовного Управления Мусульман Пермской области
Муххамада Галия Хузина

Православно-мусульманские отношения — основа процветания России

Выступление Председателя Духовного Управления Мусульман Санкт-Петербурга и Северо-западного Региона России Жафяра Пончаева Ислам как религия согласия

Выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла Исламской Республики Пакистан господина Ифтихара Муршеда
Религия терпимости не предполагает экстремизма

Выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла Исламского Государства Афганистан Абдул-Вахаба Ассефи
Противостоять талибам — наша общая цель

Выступление доктора исторических наук, профессора, заведующего отделом сравнительных теоретических исследований Института Востоковедения РАН, Роберта Ланда Россия и ислам— конфликт или взаимодействие?

Выступление доктора исторических наук, заведующего отделом стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН Вячеслава Белокреницкого Пакистанский исламорадикализм и его роль в регионе

Выступление преподавателя Военного университета, кандидата исторических наук, полковника Олега Кулакова
Ислам и талибы

Выступление кандидата исторических наук, сотрудника Института этнологии и антропологии РАН Ахмеда Ярлыкапова
Ваххабизм на Кавказе

Выступление кандидата исторических наук, эксперта Международной общественной организации "Центр стратегических и политических исследований" Константина Полякова Арабо-мусульманское влияние на ислам в России: Проблемы и противоречия (90-е гг. XX в.)

Выступление кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Научно-исследовательского и проектного института организационных решений Ахмеда Хасянова Восприятие Западом ислама как угрозы

Информационное письмо конференции

Приложение

Sheikh-ul-Islam Talghat Tajuddin Supreme Mufti, Representative of the Central Spiritual Board of Muslims for Russia and the East-European countries of CIS

Islamic Extremism: It's History and Contemporary Role

Address of Hoj-Ahmed Nuhaev, Leader of Inter-communities' Assosiation

Lotta Noh-chi

Islam (Chechnya)

Islamic Tradition and The New World Order

Address of Alexander Dugin, Leader of The Social Political Movement

Eurasia

Islam and Geopolitics

Collective Resolution Of The Participants to The International Conference

Allocution de Alexandre Douguine, leader du mouvement "Eurasia"

L'Islam et la geopolitique

Библиография

Создания движения "ЕВРАЗИЯ" призвано: придать евразийской философии, евразийскому мировоззрению (становящимся все более популярными в российском обществе) общественно-политическое выражение.

Евразийская Идея основана на выявлении исторической и геополитической преемственности между различными историческими формами российской государственности от Киевской Руси через Русь Московскую, Санкт-Петербургскую Россию к России Советской и демократической.

Евразийская Идея должна стать основной формой Национальной Идеи на современном этапе, так как она непротиворечиво обобщает предшествующие этапы политической, экономической и духовной истории России и предлагает взвешенную, продуманную и корректную модель будущего развития.

Записаться в движение "Евразия", приобрести все доктринальные материалы и книги Вы можете, позвонив по тел. (095) 310-51-72

Филиалы движения "Евразия" существуют во всех крупных городах России.

Справки о местонахождении региональных представительств можно узнать по телефону, указанному выше, или через сеть интернет.

Адрес в сети: <http://www.eurasia.com.ru>

Угроза ислама или угроза исламу?
По материалам международной конференции.
“Президент-Отель”,
Москва, 28 июня 2001 г.

Редактор Н. Мелентьева. Макет, оформление К. Чувашев. Корректор В. Иванова. Лицензия ЛР
№ 065801 от 09.04.98 г. Сдано в набор 28.07.01. Подписано к печати 15.09.01. Формат 60X90/16.
Гарнитуры “Мысль” и Arial. Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Заказ № 393.

Из-во “Арктогея-Центр”, Москва, ул. Шухова, д. 18. Отпечатано с готовых диапозитивов в
Московской типографии ОАО “Астра Семь”. Москва, Филипповский пер., 13.

Сборник выступлений и научных докладов, сделанных на международной конференции в Москве, содержит теоретические материалы, позволяющие отделить те стороны исламской религии (и политики, на ней основанной), которые соответствуют нормам духовности и человеческого общежития от экстремистских версий, приводящих на практике к террору и насилию. Даются богословское, политическое, историческое и юридическое определения таких понятий как "ваххабизм", "талибан", "ихванство", "исламизм", "исламский фундаментализм" и т.д. Излагается развернутый геополитический анализ исламского мира, подчеркивается евразийский характер традиционного ислама. Предлагается модель урегулирования чеченского кризиса на основании евразийской теории.